

Елизавета Геттингер

СОЛНЦЕ ВСТАЕТ НАД НИМИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

*...наша кровь опять
обретает корни...*

Елизавета Геттингер

Солнце встает над ними

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69748438

SelfPub; 2023

Аннотация

“Наша кровь опять обретает корни”. Символизм высказывания раскроется в удивительной по своему драматизму сюжетной линии. В книге тесно сплетены захватывающие исторические события, восточный колорит и кармическая мораль. Отдельные, на первый взгляд, незначительные эпизоды, слагающиеся поколениями семьи главных героев, в конце концов закрутятся в плотный клубок жизненных перипетий и смыслов. Там, где встаёт солнце – там возрождается жизнь.

Содержание

Часть 1	4
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 6	30
Глава 7	38
Часть 2	44
Глава 1	45
Глава 2	60
Глава 3	71
Глава 4	79
Глава 5	103
Глава 6	128
Глава 7	144
Часть 3	150
Глава 1	151
Глава 2	172
Глава 3	195
Глава 4	227
Глава 5	232
Глава 6	260
Глава 7	271

Елизавета Геттингер

Солнце встает над ними

Часть 1

*Mors certa, vita incerta*¹

Глава

1

*Ассалому алейкум*² дорогой Алишер ака.³ Всегда с нетерпением ждем весточки от вас, драгоценный брат. В нашем доме всегда праздник, когда получаем ваши письма. Как вы живете? Почему так долго не пишете нам, брат? В этом месяце мы вам почти каждый третий день пишем. Наша буви⁴ умирает. Ругает нас слезно, чтобы мы не смели сообщать вам, дорогой брат, что она тяжелобольная, говорит, беда большая будет, если вы приедете домой. Даже взяла с нас обещание о молчании. Сердце разрывается на части – не могу вам не написать об этом. Вы старший внук, вы должны знать. Пишу вам, а сама дрожу от страха, что

---

¹ «Смерть несомненна, жизнь неопределенна» (лат.)

² Здравствуйте (узб.)

³ Брат (узб.)

⁴ Бабушка (узб.)

нарушила клятву, данную нашей буви. Я помню, как вы говорили мне, что я должна становиться независимой и ничего не бояться. Но боюсь, когда вы получите мое письмо, ее уже не будет на этом свете. Аллохга шукур⁵, до девяноста восьми лет дождала. Прошу вас, Алишер ака, не приезжайте. Вы же знаете силу нашей бабушки. Не забывайте читать молитву. Послушайте ее.

Ваша невестка, Мунира.

29/1/1966

Стоя в проеме входной двери коммунальной квартиры и утирая скупую слезу рукавом клетчатой рубахи, Алишер бережно свернул вдвое разлинованный в косую линейку тетрадный листок с письмом, написанный аккуратным, чистым ученическим почерком, минуту назад врученный ему милой почтальоншей, и убрал его обратно в конверт с изображением Ташкентского оперного театра.

– Наверно опять Асанали помогал писать. Совсем большой стал, – чуть слышно сказал он, представив шустрого племянника.

Было ясно, что их любимой бабушки больше нет, так как минуло почти три месяца, с момента, когда было написано письмо. Вероятно, задержка на почте. После слов «Буви умирает», Алишер не придав никакого значения просьбе невестки и не замечая суматоху соседей в коридоре, словно тень прошел в свою комнату.

---

⁵ *Слава Богу (узб.)*

В подмосковной коммунальной квартире Алишер с молодой женой Аллой поселились недавно. Они познакомились на машиностроительном заводе, куда он устроился после института, и сразу же полюбили друг друга. Она – заточник (непростая для молодой и хрупкой девушки профессия), он – слесарь-наладчик. Мастер вскоре выхлопотал ударникам-молодоженам отдельное жилье.

Алишер, дожидаясь прихода жены стоял у окна с открытой форточкой; в одной руке держа конверт, а другой нервно отбивая пальцами ритм по облупившемуся от белой краски подоконнику, думая, как он скажет ей, о том, что должен поехать домой. Ведь умирает его буви, заменившая им с младшим братом отца и мать. Как знать, а может уже умерла. Но он гнал от себя эту мысль. Гнал эту мысль и клял себя, что утаил от семьи свою женитьбу на русской девушке.

– Нет, не утаил, а не успел сказать, – утешая себя, говорил Алишер.

Он был уверен, что бабушка поймет и не осудит его выбор, но древние устои, традиции и феодально-байские обычаи, тянувшиеся на протяжении многих столетий, не оставляли в покое и в советское время.

Сейчас Алишер с тоской смотрел на холодный, еще местами заснеженный серыми лоскутами, апрельский подмосковный двор, но в его голове всплывал совсем иной пейзаж, от которого ощущалось необъяснимое притяжение. Воспоминания уводили его из шумной, обклеенной старыми пожел-

тевшими газетами стенами и вечно пахнущей сыростью от развешанного в коридоре коммунальной квартиры мокрого белья в родные сердцу Чимганские горы. В жаркий, добела раскаленный полдень с терпким запахом сожженной солнцем земли. В необъятные глазу хлопковые поля. Он вспомнил о спокойной и задумчивой бабушке, всю жизнь, не снимавшей со своей головы белого шелкового платка, он и не помнил ее без него; вот она укрылась от палящего солнца под сенью векового платана, раскинувшего свои могучие ветви во дворе дома, в листве которых то и дело заливисто щебетали перепелки. Представил тихую, безропотную, стройную как кипарис невестку в цветастых одеяниях без усталости хлопотавшую по хозяйству с раннего утра и до позднего вечера. Вспомнил озорную соседскую детвору в крохотных, расшитых разноцветных тубетеечках бойко играющую в ашички⁶. А также вспомнил гневно брошенные напоследок слова уважаемого в кишлаке господина, готовившего свою единственную красавицу-дочь Назиру в жены ему – оставившему свой дом свободолюбивому Алишеру: «Добра тебе вовек не будет». Настоящее мешалось с прошлым, и это было похоже на сон.

– Сколько говорено было, не стой на сквозняке, – громко хлопнув дверью, заботливо ворчала вернувшаяся домой Алла, еле удерживая в руках сетку с продуктами и два больших,

---

⁶ Ашички – узбекская игра. Ашичка – кость из коленного сустава задней ноги барана.

упакованных серой бумагой, свертка. – Продует.

Гулкий стук упавших на пол свертков вынул Алишера из небытия. Тут же обернувшись, он увидел стоявшую у двери в легкой растерянности Аллу. Погруженный в раздумья он и не заметил, как она вернулась домой. Алишер, не выдав волнения, молча прикрыл форточку, задернул тюль и, приняв мудрый вид, что присущ восточным мужчинам, кинулся на помощь к жене, бросив конверт на застеленный домотканой скатеркой стол. На столе в стакане с водой стояла веточка, принесенная им с улицы. Он смутно надеялся, что почки на ветке набухнут, и проклюнется зелень.

– Что там у тебя? – оценив тяжесть взятых в руки свертков, с любопытством спросил Алишер.

– Книги. Людмила Кондратьевна, бригадир наша, просила в очереди отстоять и на ее долю книг набрать. За каким они ей нужны...? У нас на заводе чудный киоск. Да я и для тебя кое-что прихватила, – вешая пальто на гвоздь, торчавший в двери и служивший вешалкой, рассуждая, отвечала Алла. – Ты же любишь читать. Правда не знаю, понравятся ли.

– На трамвае через весь город, вдобавок с грузом. В твоём ли положении тяжести носить? – тихо возмущившись, продолжал говорить Алишер, заинтересованно смотря на свертки.

– Ничего, я привыкшая. Привыкшая, как и ваши женщины, – снимая с головы платок, из-под которого выбивались крупные блондинистые кудри, насмешливо отвечала Алла.

Алишер промолчал. Он иногда позволял себе иметь некоторую слабость перед женой.

– Послушай, Алла, – выбрав момент пока она ни о чем не думая взялась распаковывать книги, начал Алишер. – Я сегодня получил письмо из дома.

– Хорошие новости, а ты понапрасну волновался, что вестей нет, – ласковым голосом сказала Алла, перебив мужа. – Теперь не хуже соседа академика будем, – энергично выкладывая книги на стол, поправляя скатерку, приговаривала она.

– Я должен ехать туда, – ни на секунду не сомневаясь, сказал он, глядя на нее.

– Что стряслось? – чутко посмотрев на него, спросила Алла.

– Буви умерла, – уверенно сказал Алишер, подав жене конверт с письмом. Алла неохотно раскрыла конверт.

– С чего это ты взял? – бесшумно шевеля губами, беглым взглядом пробежав по письму, заключила она.

После заявления мужа: «Я должен ехать», ее настроение заметно омрачилось, и она также упустила из виду предупреждение бабушки.

– Гляди! – с легким узбекским акцентом вскричал Алишер, ткнув пальцем на дату.

– Алик, не горячись! – сиюсь успокоиться сама и успокоить мужа, воскликнула Алла, увидев месяц и число. – Это еще ни о чем не говорит. Письмо датировано январем, я

убеждена, что бабушка поправилась и новое письмо об ее выздоровлении, как и это, может статься, просто-напросто затерялось в пути. А если бы она присмерти была действительно, то телеграмма бы пришла. И потом, она не одна, брат Бахтиёр позаботится о ней, – прерывающимся от волнения голосом сказала она, умоляюще дотронувшись рукой до его предплечья.

Алишер вспыхнул от недоверия жены.

– Бабушка твоя долгожительница, она еще всех нас переживет, – шутила Алла.

– Всевышний и вправду дал Буви долгую жизнь, за все то добро, что она сделала людям, – мягко сказал Алишер. – Но я поеду. Это не обсуждается, – вновь бережно свернув письмо, отрезал он.

Глава 2

Алишер не спал всю ночь, вслушиваясь в мерное тиканье секундной стрелки часов. Отвернувшись к стене, притворяясь спящей, не спала и Алла. Он то вслушивался, то ворочался в душной темной комнате с боку на бок, переживая муки совести.

В сорок первом году отца Алишера, уже немолодого геолога, призвали на фронт. Бабушка забрала из Ташкента к себе в далекий глухой горный кишлак невестку с маленькими внуками: годовалого Бахтиёра и трехлетнего Алишера. Спустя полгода мать получила разнесчастное треугольное письмо о гибели мужа, а вскоре, обессилив от этого известия, тихо ушла из жизни, оставив маленьких сыновей на волю судьбы. Узбеки говорят: «Верблюд познается в поле, человек в горе», но в кишлаке царили свои законы и порядки...

Маленькому Алишеру нравилось играть, перебирая те немногие книги, рукописи и необычные вещицы из экспедиций, что остались от отца. Достигнув зрелого возраста, он, одаренный пытливостью ума, получив благословение бабушки, покинул родной кишлак, отправившись на поиски знаний, напоминая о себе лишь редкими письмами.

Пролежав до рассвета с открытыми глазами, остановив за минуту намеревавшийся раздаться звонком будильник, боясь разбудить жену, неслышно, наощупь в полутьме Алишер

собирался на завод.

– Что надумал? – разрезав тишину, спросила Алла.

Алишер молчал.

– Если тебе вздумается отгулы просить, учти, тебя как нечего делать выкинут из очереди на квартиру, а у нас уже вот-вот ребенок рóдится, не забывай, – выдала Алла, бессонницей накопившиеся раздумья. – А должности инженера тебе тогда и вовсе не видать. Да Петрушин тебя со свету сживет, и экзамены в жизни потом не сдашь, – едва не захлебываясь продолжала она.

Сдерживая себя, он по-прежнему не издал ни звука.

– Что же ты, уедешь и меня одну здесь оставишь? – исчерпав все доводы, успокаиваясь, спросила она.

Увидев в полутьме блеснувшие большие глаза мужа, она поняла, что он не оставил свою затею и настроен решительно.

Глава 3

Снег сошел на нет, залив водой пожухлую прошлогоднюю траву во дворе. Средина апреля.

Через неделю получив на заводе отгулы по семейным обстоятельствам, Алишер собирался в дорогу, целый день расхаживая по комнате в белой майке и в черных широких брюках из угла в угол.

Устав спорить с мужем, Алла, смирившись с его решением, нехотя помогала укладывать вещи.

– Когда едешь куда-нибудь, самое трудное угадать, какие вещи взять с собой, какая будет погода, – между делом сказала Алла, наблюдая, как Алишер собирает вещи. – Возьми с собой шерстяной вязаный свитер.

– Там, куда я еду теплые вещи ни к чему, – сухо ответил он.

– Ну и пусть, все равно возьми. Я тебе на дно чемодана конверты надписанные положила – будешь писать мне каждый день, – наказывала она.

Он тяжело посмотрел на нее.

– Писать то буду, да вот придет то письмо когда? Туго с почтой там, знаешь ведь, – говорил Алишер.

Пристроившись на углу застеленной пледом тахты, она, опустив голову, крепко прижимала к своей груди его только что выглаженную белую рубашку, словно предчувствуя

неладное. Всю неделю она не могла найти себе места с того самого момента как взяла в руки письмо. Она в буквальном смысле была раздираема негодованием, но изменить непоколебимое решение мужа было не в ее силах. Если бы он только мог себе представить, какие страхи и тревоги гложут ее сердце...

Стараясь не замечать недовольства жены, избегая, таким образом, ссоры, Алишер предвкушая скорую встречу с родными, надеясь на лучшее, в приподнятом настроении снимал с самодельной книжной полочки книги, увлеченно выбирая, какую возьмет с собой в подарок подростку племяннику.

– Поеду с тобой, до поезда провожу, – раскачиваясь на месте с закрытыми от боли предстоящей разлуки глазами, будто в пустоту говорила Алла.

– Два Капитана!⁷ Ну конечно! – с восторгом сказал он.

Заслышав доносящееся из-за двери шуршание, Алишер сунул книгу в лежавший на столе, словно разинувший пасть чемодан и поспешил узнать, что случилось. От соседских глаз ничего не скроешь. Такой тишины от соседей не слышалось давно. Казалось, будто вся коммунальная квартира превратилась в один большой слух. В открывшуюся дверь, бесцеремонно, с юркими от любопытства глазами ввалилась соседка, любительница сплетен и по совместительству напарница Аллы – Таня.

---

⁷ Худ.произведение В.Каверина

– Алка, возвращаю тебе банки! – воскликнула она, найдя повод зайти.

Алла не подняла глаз.

– Не сейчас, Татьяна, не сейчас – выпроваживая соседку, шепотом говорил Алишер, заметив настроение жены и наконец, решившись с ней поговорить.

Выпроводив соседку, Алишер скрипнув тахтой, сел рядом с Аллой погладив рукой ее живот, а потом нежно обнял, прислонив к себе.

В очередной раз из-за двери донеслись звуки и шевеление. На робкий стук Алишер скривив лицо, открыл дверь. Это была настойчивая соседка Таня, с завернутым в вафельное полотенце свертком.

– Пирожки с капустой и с повидлом, сама пекла. На дорожку. Угощайтесь, – бегая взглядом по комнате, на одном дыхании сказала она, протянув ему сверток.

Алишер приняв угощение и поблагодарив соседку, снова вернулся к Алле. Просидев в обнимку недолгое время, Алла, кажется, догадавшись о причине его недельной бессонницы, молчаливости и решении о поспешном отъезде многозначительно вздохнув вдруг произнесла:

– Значит, она обо мне так и не узнала ничего.

Алишер вскочил с места как ужаленный.

– А если узнает, проклянет. Так, стало быть? – продолжила Алла после минутной паузы, приходя в себя.

Алишер не находил что ответить. Он понимал, что в ее

словах есть доля правды.

– Послушай, Алла, – начал он, уводя разговор в сторону от назревавшего скандала. Ты и оглянуться не успеешь, как я снова буду стоять здесь, на этом месте, – в шутку топнув ногой и очертив комнату рукой, впервые за все время улыбнувшись, сказал он. Но не очень-то веселой получалась эта улыбка, и как ни храбрился он, а голос звучал уныло.

– Тревожно мне, – подойдя к столу, упавшим голосом сказала Алла, скомкав рубашку и кинув ее в чемодан.

– Ты накручиваешь себя. Я же не насовсем уезжаю. Туда-обратно, – убедительно сказал он, разведя руки в стороны, чтобы обнять жену.

Алла поддалась.

Глава 4

Двое суток до Ташкента, а затем на перекладных до кишлака, – прикидывал в уме маршрут Алишер, стоя в тамбуре поезда. До отбытия оставались считанные минуты. Он всматривался в мокрые от слез (а может и от дождя) глаза провожающих на перроне людей, и думал, как правильно сделал, что не позволил жене проводить его до поезда. – Не хватало еще простудиться. Довольно с нее.

Наконец с Казанского вокзала тронулся вечерний поезд навстречу многочисленным железнодорожным путям, оставляя позади себя город и зажегшиеся белым светом фонари станции, отражающиеся дрожащими бликами в лужах на асфальте от недавно прошедшего дождя.

Пассажиры разбрелись по купе. В самый последний момент, в отбывающий поезд, споткнувшись о ступеньку, запрыгнула худенькая, угрюмая светловолосая девушка лет шестнадцати с красной тряпичной самодельной сумкой на плече, вымокшей от дождя. Наскоро высвободив содержимое сумки, она примостилась на место знакомой ей проводницы, отправившейся собирать билеты.

– Вечерняя Москва есть? – подойдя к ней проявив сочувствие, спросил Алишер, все это время наблюдавший за девушкой.

– Имеется! – отдышавшись, ответила девушка, и лицо её

вмиг озарилось улыбкой.

Купив у девушки слегка намокшую газету и набор сувенирных открыток с видами столицы, Алишер направился к своему купе, попутно надевая на себя просохшую коричневую кожаную куртку.

– Уважаемый! Можете заходить, мы уже переоделись, – хихикая, сказали две молоденькие девчушки, стоило ему подойти.

Алишеру, отчего то подумалось, что его попутчицы – студентки. Познакомившись поближе, выяснилось, что попутчицы его – корреспондентки, и что держат они путь в Узбекистан, а дальше в Киргизию писать статьи о Средней Азии. Та, что была моложе, ехала с мужем. Молодожены.

Девушки обрадовались, в ходе беседы узнав от своего попутчика, что он родом из тех мест, завалив его вопросами, но они не знали, что попутчик их по природе своей немногословен, поэтому выяснить им толком ничего не удалось. Хоть Алишер и был молчалив, все же умел и выслушать собеседника, но ведь ко всякому общению надо быть расположенным и иметь как минимум подходящее настроение. А в дороге, кого только не подкинет тебе судьба.

Пассажирами поезда овладела ночная тяга к пению. Запевалу из соседнего купе с песней «Стенька Разин» поддержал ряд соседствующих купе.

Вдоволь наговорившись друг с другом, девушки уснули от усталости. Всю дорогу от скуки дремал и молодой муж. В

купе стало тихо. Смолкли звонкие, веселые девичьи голоса, не смолкал лишь дробный перестук колес. Весь поезд давно был объят сном, но Алишера не покидала бессонница. Вместе с бессонницей не покидали его и думы. Он знал, что уже далеко за полночь, но ничего не мог с собой поделать. Мысли шли чередой, как верблюжий караван в пустыне и не видать им было конца. Ссутулившись, он, опершись локтями на столик, пристально всматривался в ночную пустынную картину за окном и обыгрывал в уме предстоящую беседу с бабушкой. Он воображал, как она будет рада, когда он придет к ней и скажет, что скоро у нее родится долгожданная внучка...

Потихоньку отодвинув дверцу купе, Алишер вышел в тускло освещаемый тамбур. Бросив взгляд на место проводника, он неожиданно для себя увидел ту самую девушку, что продавала газеты, застав ее за вязанием. Она быстро посмотрела на него. Тонкими пальчиками, она ловко перебрасывала спицами петлю за петлей. На мгновение он скрылся в купе. Вернувшись в тамбур со свертком в руках, Алишер облокачиваясь на перила, пошатываясь, шел к девушке.

– Угощайтесь, – протянув раскрытый сверток с пирожками, сказал он.

– А с чем они? – голодными глазами смотря на пирожки, спросила девушка не переставая вязать.

– С капустой, кажется, – откусив пирожок, равнодушно ответил он. Она, отложив в сторону белую пряжу и бойко вытерев о себя руки, принялась есть.

– Не спится? – успевая один за другим запихивать в рот пирожки, также равнодушно спросила она с набитым ртом.

Он ничего не отвечал, только удивленно смотрел, с каким завидным аппетитом она ест.

– Спасибо, было вкусно. Я вам совсем ничего не оставила, – виновато произнесла девушка.

Он умиленно махнул рукой.

– У тебя родители есть? – спросил он.

– Есть.

Алишер внимательно смотрел на нее, точно ожидая продолжения истории.

– Тетка у меня на разъезде живет, стрелочница. Одинокая она совсем. В выходные я ей помогаю, заодно и подработать получается.

Не говоря ни слова, он продолжал пытливо смотреть на нее. Девушка будто читая вопрос в глазах незнакомца, рассказывала сама.

– Проводницы добрые, отзывчивые. Они меня «за так» пускают прокатиться.

Девушка продолжала рассказывать. Алишер слушал ее, но думал о чем-то своем, временами хватаясь за свою густую черную бороду.

– Вид у вас помятый, – взявшись за пряжу, заметила она, устав от его любознательности и желая скорее избавиться от назойливого собеседника. – Впереди разъезд. Шли бы вы, товарищ, отдохнуть.

Еще немного постояв в тамбуре, он, послушавшись совета девушки, побрел к своему купе. Поезд постепенно начал сбавлять ход. Переполненному мыслями Алишеру, удалось ненадолго прикорнуть.

Над по-весеннему зеленеющей степью расстилался пред-рассветный туман. Вдалеке маленькими точками маячили огоньки из окон мазанок, что врассыпную стояли на разъезде. Мал был разъезд. Мал и невзрачен. На запасных путях виднелись заброшенные, отслужившие свое, поржавевшие вагоны и цистерны.

Поезд, издавая шипящий звук, наконец, остановился. От непривыкшей слуху тишины Алишер открыл глаза. Подняв со стола тяжелую ото сна голову и протерев глаза, он с трудом превозмог тупое нытье в надбровьях и устало посмотрел в окно на разъезд. Прищурившись, он силился разглядеть в едва проницаемой мгле силуэты беспорядочнодвигающихся людей. Поглаживая бороду, он внимательно следил за действиями двух мужчин. Да, то определенно были мужчины, потому как они с легкостью переносили из вагона поезда в редкие кусты неглубокого овражка деревянные ящики. Первый был толстомордый и лысый, второй – худощавый и волосатый. Вдруг мелькнувшая в тумане, словно искра, красная тряпичная сумка на плече девушки привлекла его внимание. Спустившись с поезда, поеживаясь от утренней колючей прохлады и пытаясь укутаться легкой кофтенкой, новая знакомая Алишера взволнованно озиралась по сторонам.

Солнце только-только обозначило горизонт розовой полосой. Светало. Кончив разгрузку, один из мужчин по виду старше и крепче второго, заметив девушку, стоявшую на шухере, подошел к ней. С недовольным лицом и паром изо рта от холода он что-то объяснял ей, размахивая руками, на что девушка стыдливо опустила голову вниз. Следом, затушив о засохшую от грязи подошву своего сапога окурком, (видимо здесь тоже прошел хороший дождь), к ним неспешно подошел его худощавый напарник. Долго разговаривая о чем-то, они оба выказывали девушке жестами свое недовольство.

– Ах ты, что ты будешь делать, бедолага какая, – с состраданием воскликнул Алишер. Он быстро оглянул соседей, вспомнив, что он не один в купе и убедиться, не разбудил ли кого своим возгласом. Пассажиры спали крепким сном. Алишер не без некоторого трепета продолжал наблюдать за происходящим за окном.

Попытавшуюся сбежать от обидчиков, запрыгнувшую на подножку поезда девушку силой дернули за руку и вытянули обратно. У нее с трудом получалось сопротивляться двум мужчинам, что были вчетверо сильнее ее. По руке девушки на землю скатилась полупустая красная сумка, подобно сигналу к действию. Алишер не выдержал. Подпрыгнув с места и ударившись затылком о верхнюю полку, он поспешил к ней на помощь, захватив с собой куртку. Одеваясь на ходу, он шел быстрым шагом по тамбуру, зовя на подмогу проводницу, но той как обычно не было на месте.

– Куда же ты запропастилась, – зло крикнул он. Никто из пассажиров не откликнулся на зов.

Не найдя проводницы, он, запыхавшись высунулся из двери и остановился на подножке вагона. После душного купе его лицо обдало приятной свежестью.

– Отпустите девушку, – немедля сказал Алишер.

– О, киргиз. Знакомый твой? – враждебно зыркнув на Алишера, спросил девушку старший.

– Нет. Мужик какой-то, – заикаясь от страха и холода, отвечала девушка.

Старший, нарочно провоцируя Алишера на драку, толкнул девушку, и та, взвизгнув от боли, упала на землю. Алишер поиграв желваками, незамедлительно спрыгнул с поезда и ринулся к нему, но тяжелый, стремительный удар камнем об голову сбоку от худощавого напарника вырвал у него из-под ног землю. Это произошло мгновенно. Все замерли на минуту. Девушка, опешив от случившегося, по еще непросохшей от дождя земле подползала к Алишеру.

– Подох? – просипел старший.

Грязной, дрожащей рукой она дотянулась до его виска проверить, жив ли незнакомец и, задев в волосах пальцами рану с темной густой кровью, начинающей медленно стекать по его щеке – от испуга начала кричать.

– Заткни глотку, дура, – схватив девушку и резко подняв ее с земли, сквозь зубы скомандовал старший.

Не до конца понимая, что произошло, тут же выпустив

из рук девушку, он с неопишуемой яростью набросился на напарника, взяв его за грудки.

– Ты что паскуда натворил? – оскалив желтые со щербинной зубы, прорычал старший.

– Командир, падлой буду, рефлекс, – оправдывался перепуганный напарник, у которого от страха увеличились зрачки.

– Сволочь, – рычал старший, двинув ему прямо в челюсть. Он почувствовал, как у напарника от удара треснули зубы.

– Не суетись, – осматриваясь по сторонам изучая местность, сказал старший, тряся напарника. – Тащи его к оврагу, да карманы проверь, – хладнокровно приказал он.

Напарник недоуменно смотрел на него.

– Живее, – прикрикнул он. – В каком купе он ехал? – быстро обратился он к девушке, которая остолбенев, стояла на месте.

– Там, – неуверенно показав рукой вдоль поезда, скорбно вздохнув, сказала она.

– Неси сюда его вещи, да гляди в оба, не всполоши никого, – продолжая раздавать команды, сказал он.

Девушка, ничего не соображая стояла на месте.

– Живо! – вынув из кармана нож, поторопил он ее.

Оглядываясь назад, она несмело поднялась в поезд. И девушка, и напарник беспрекословно делали то, что им приказывали.

Дверца купе, в которой ехал незнакомец, была открыта.

Неслышно нырнув в купе, подкравшись на цыпочках, она без разбора схватила первый попавшийся потертый желтый чемодан, что стоял у столика, и также неслышно покинула купе. Из соседнего купе доносился грубоватый смех проводницы. Девушка с замиранием сердца остановилась. Как только голоса стихли, она прибавила шагу. Страх заставлял ее постоянно оглядываться. Зареванная, в вымазанных на коленях колготах и с дрожащими руками она выбежала из поезда. Всхлипывая, она смотрела, как напарник волочит по земле за куртку грузное тело незнакомца, поминая разом то бога, то черта.

– Чего рот раззявила? На замке держи. Скажешь тетке, пусть ищет тебе замену, – помахав перед лицом девушки ножом, говорил старший, вырвав у нее из рук чемодан и раскрутив его с такой силой, что сам оступился, зашвырнул в овражек.

– Закопать бы надо, – нерешительно сказал напарник, подбирая разлетевшиеся вещи из открывшегося в полете чемодана.

– Никто сюда не попрется, ветками закидай, на обратном пути порешаем.

– Алишер Рахимов, – вертя в руках паспорт, прочитал напарник, выбравшись из овражка.

– Дай сюда, – отрезал старший, спрятав паспорт во внутренний карман своей грязной куртки.

Он лежал в открытом всем ветрам овражке. Длинное тело его наполовину прикрывали зацветшие ветки степного миндаля. На его лице не было и следа страха и смятения. Его черные мохнатые брови были насуплены, а меж ними будто стрелой проскользнув, запечатлелась длинная глубокая морщина. Морщина гнева и достоинства. На его молодом лице отражалась решимость. Уже вдали шумел поезд, а по небу, что весной вовсе не редкое явление, словно небо листая, проплывал журавлиный клин. Неподалеку от грубоватой ладони его, лежало перо белого ворона...

Глава 5

Тоскуя по мужу, возвращаясь каждый вечер с работы домой, Алла запирала дверь комнаты, и выходила из нее только на утро следующего дня чтобы вновь отправиться на завод. Она с нетерпением ждала его возвращения. Оставалось пару дней как, отгостив в родных краях Алишер должен вернуться домой. Никогда раньше Алла не замечала, какой день длинный. С утра до вечера смену отстоять, а после смены начиналась тоска. После неосторожно сказанных слов соседки Татьяны, о том, что Алишер сбежал от нее к себе на родину, Алла перестала появляться на глазах у любопытных соседей. Она держалась стойко, но в душе ее царило беспокойство.

Ранним утром вторника двадцать шестого апреля Алла проснулась от звона пустого железного таза вылетевшего из рук Татьяны на плиточный пол и от ее оглушительного крика.

– Алла, Алка, открывай! – неугомонно тарабаня в дверь Аллы, кричала соседка, поставив на уши весь дом.

Накинув на худые плечи шаль, зевая, Алла босиком торопилась открыть дверь. Не успела Алла произнести и слова, как соседка схватила ее за руку своими ледяными от стирки ладонями и силком потащила на кухню, по пути раздвигая локтем сохнувшие, развешанные по всему коридору простыни.

В прокуренной кухне у окна на табурете сидел сосед Самуил, безразлично уставившись в точку на синей стене, закурив папироску. На подоконнике сидел кот, намывая лапкой мордочку.

– Дядь Сёма, просила ведь, да не курите же вы в кухне, – прикрывая шалью Аллы свой нос, ворчала Татьяна.

– Что стряслось? Зачем ты меня притащила сюда? – спросила Алла, подперев руками поясницу.

– Да подожди ты с вопросами. Слушай вон, – подведя Аллу к подоконнику, на котором вещало радио, сказала Татьяна, открывая форточку.

– Ты двери чуток не выломала, чтобы я музыку послушала? – начав выходить из себя, сказала Алла.

– Что? Какую еще музыку? – не понимая иронии Аллы, спросила Татьяна, сдувая со лба лезущую в глаза челку.

– Бах кажется, – отвечала Алла, глядя в упор на соседку.

– Какой к черту Бах! Узбеков тряхануло⁸, – не сдержав-

---

⁸ *Ташкентское землетрясение 26 апреля 1966 года.*

шись, выпалила Татьяна. – Дядь Сёма, ну вы хоть скажите.

На шум в кухне начали подтягиваться соседи. Дядя Сёма молчал.

– В пять утра. По радио сказали. Алка, не вру несколько, – приложив ладонь к груди, говорила Татьяна. – Какие-то толчки вертикальные, город рушится, передали, что жертвы есть.

Алла побледнела. Сердце застучало так сильно, что с каждым его ударом у нее рябило в глазах. Подоспевшие на помощь соседки-старушки усадили ее на стул. Татьяна продолжала рассказывать, но Алла уже не слушала ее. Совершенно обессиленная, она, молча и горестно заплакала, точно смирившись со своей участью, ведь именно этим утром двадцать шестого апреля Алишер должен был выехать из кишлака в Ташкент, а из Ташкента в Москву. Дядя Сёма, одной рукой забрав с подоконника свою «Спидолу»⁹, другой подцепив свой табурет, не спеша, шаркая тапками, ушел в свою комнату.

Проходило время. От Алишера не было ни слуху, ни духу. Алла тщетно писала письма на родину мужа. Ответов не приходило. Стоя у станка, она думала только об одном, что он жив и что скоро вернется домой. «А если, ... но, сколько страха в этом «если»! Нет, надо ждать, работать до изнеможения и ни о чем не думать».

Ей было немногим больше двадцати, когда она покрыла

---

⁹ Радиоприемник

голову черным платком и захлопнула перед собой двери радости. Внезапное явление природы, стихия, унесла ее мужа. Соседи убеждали ее в этом, коллеги же убеждали ее в том, что на родине у него три таких Аллы, и он просто сбежал...

– Нельзя тебе Алка одной сейчас оставаться, – сопереживая убитой горем соседке, говорила Татьяна. – Прости ты меня дуру, ляпнула ведь не подумав. У меня у самой мужик... – махнув в сторону рукой и ненадолго умолкнув, сказала она. – А слезами горю не поможешь, о ребеночке думать надо.

– Не знаю, как я теперь буду. Поеду я сама туда, – говорила Алла слабым голосом, лежа на расстеленной тахте и смотря в потолок.

– Куда-туда? – спрашивала заполошенная соседка.

– В кишлак к ним, – отвечала Алла, и глаза ее снова наполнились слезами.

– Поедешь, поедешь. Как родишь, так и поедешь, – утешала ее Татьяна, смахивая с глаз крошечные, как бисер слезинки.

Глава 6

Все тяжелее и тяжелее давалась Алле ее работа. У некогда задорной, порывистой и расторопной девушки опускались руки. – И откуда только силы берутся? – шушукались женщины между собой, крутясь около рабочего места Аллы.

– Не обращай внимания на них, – говорила Татьяна, периодически подходя проведать подругу.

– Осуждают они меня, – вздыхала Алла, поправляя черную гипюровую косынку.

– За что же людям осуждать тебя? Ты что, разве преступление какое совершила? Ну да на каждый роток не накинешь платок, пусть шепчутся себе на здоровье, нам-то что? – подбадривала Татьяна.

– Вон, гляди, пальцем тычут, – сказала Алла.

– Так, то от зависти. Ты же с восьмого марта уже второй месяц на доске почета как лучшая работница висишь. А кому первой премию дали? – пояснила Татьяна.

Аллу невозможно было не заметить. Совершенство ее женских линий, профиль, осанка, не оставляли равнодушным ни одного мужчину на заводе. Все ее обаяние, вся затаенная красота ее вспыхивала и проявлялась в ее грациозных движениях при затачивании деталей. На проходившую мимо станков молодую, белокурую красавицу Аллу оборачивались все рабочие завода, но она отдала свое предпочтение

высокому красавцу узбеку. Все с удивлением отмечали, как они вдвоем энергично шагают по жизни, как продвигаются по работе, никогда не отстают от событий; как Алишеру удастся прочитывать много книг, в то время как у других работников не всегда получается толком просмотреть газеты; как горячо они участвуют в общественной жизни завода. Вместе они составляли идеальную пару...

Резкий гудок сирены возвестил об обеде. Работники гурьбой повалили из цеха, только Алла оставалась стоять у станка. В последнее время она не дотягивала до плана.

– Обедать, девчонки. Кончай работу ребята. Алка, договорь! – замахали косынками женщины.

Выбрав подходящий момент, затаившись за зелеными станками, поджидая когда бригада уйдет в столовую, выглядывал старший инженер средних лет Петрушин, наблюдая за недававшей ему покоя Аллой. Цех опустел.

– Ч-что-то ты, Алла, хмурая, с-сосредоточенная, даже с-словом не обмолвишься лишним, – нервничая, промокнув платком пот на лбу начал разговор Петрушин, подобравшись к соседнему от Аллы станку.

Из-за шума работающего станка и неотступных мыслей об Алишере она не расслышала его слов.

Пуще разнервничавшись, он подошел к ней вплотную, повторив свой вопрос.

– Тьфу-ты, выпугал до смерти. Работы много, – сдержанно отвечала Алла.

– Такие жертвы н-никому не н-нужны, – говорил Петрушин, убрав платок в карман брюк.

– Как это не нужны? Сам с меня сто один процент взял, а теперь не нужны? – возмутилась Алла, выключила станок и повернулась к нему. Голос ее раздался эхом по цеху.

– Я взял, я и от-тменю. Я все м-могу, но при одном условии, что мы будем в-видеться с т-тобой два раза в н-неделю, – сказал он, лукаво посмотрев на нее.

Алла, поняв намек, промолчала. Она отвернулась от него и включила станок, возобновив работу. Непокорность Аллы шибко задевала его самолюбие. Еще ни одна работница не смогла отказать ему, главному инженеру. Оглядевшись по сторонам, он перешел к активным действиям, обхватив Аллу руками и прижавшись к ней всем своим туловищем.

– Не будь упрямой, – торопливо заговорил он.

Раздавленная, с онемевшей от боли душой она схватила первую-попавшуюся ей на глаза железяку и разъярено произнесла:

– Убери свои руки, пока я тебе башку не проломила.

Петрушин отскочил. Он был вне себя от ее отказа.

– По узбеку своему сохнешь, дрянь? С узбеком м-можно, а со мной значит п-противно? П-помни, благодаря кому ты все еще м-можешь работать здесь.

– Закрой свой поганый рот, – замахнувшись железякой на главного инженера, сказала она.

Дерзкие слова и движения Аллы, еще больше возбуждали

в нем гнев и желание обладать этой неприступной женщиной. С перекошенным от злости и обиды лицом, перехватив из ее руки в свою железяку и откинув ее подальше, он рванулся с места напрямиком на Аллу, пытаясь взять с нее согласие силой.

– Ты на кого руку подняла, подстилка узбекская? – повторял он, срывая с нее синий рабочий халат.

Беспокоясь о состоянии подруги, Татьяна, сама наскоро отобедав, несла из столовой для Аллы горячий обед к станку. На доносящийся эхом из цеха крик, она ускорила шаг. Сквозь матовые стекла входной двери, она разглядела среди станков непонятную возню. Почуввав неладное, держа в руках поднос, она ввалилась в цех, толкнув бедром маятниковые двери. Она застала Аллу, пытавшуюся вырваться из объятий инженера Петрушина. Обезумев от злобы, он успокоил Аллу пощечиной. Алла тихо звала о помощи, а Татьяна стояла на месте как вкопанная с подносом в руках, то ли от страха, то ли от ревности боясь пошевелиться. Женщины недоуменно смотрели друг на друга. Уверенный в своей безнаказанности, он, словно не замечая вошедшую в цех работницу, повалил рыдающую Аллу на пол и со всей силы пнул ногой в большой живот, наказав за отказ. Алла заскулила от боли. Татьяна содрогнулась и с громом выронила из рук поднос.

– Алка! – ахнула Татьяна, побежав к корчившейся от боли подруге.

– П-подтверждай все, что я б-буду говорить, – засуе-

тившись, сказал Татьяне Петрушин, обратив внимание на мелькавшую за дверьми цеха бригадиршу. Татьяна невольно склонила голову.

– Что же ты за зверь такой, – прошептала себе под нос Татьяна, крутясь около Аллы, не зная, чем помочь несчастной подруге.

Петрушин судорожно рылся в кармане брюк, ища платок.

– Итит твою мать! Вы что здесь устроили? – эхом пробасила вошедшая в цех пышнотелая, с проседью в волосах бригадирша.

– Кондратьевна, не смотришь с-совсем за своими работницами. Голодом м-моришь, а они у тебя в обморок п-падают, – промокнув пот на лбу, оправдывался побаивающийся бригадиршу инженер.

– Я тебя давно предупреждала, – рявкнув на инженера, сказала она. – Алла, встать можешь? – присев рядом с ней на корточки, спросила бригадирша. – Быкова, мигом беги за врачом.

– Может по ПГС вызвать? – неуверенно предложила Татьяна.

– Всех оповестить хочешь? Беги, давай, – настаивала бригадирша, неободрительно поднимая брови.

Татьяна бросилась за помощью врача, расталкивая толпу работников, возвращавшихся с обеда к своим рабочим местам. Увидев лежащую на полу у станка Аллу и по-дьявольски бегающие глаза Петрушина, бабы переполошились, еще

больше зашумели. Со всех сторон посыпалась ругань, угрожающие выкрики на главного инженера. Никто особенно не удивился произошедшему.

– Никак подняться не может... Что будет, что будет? – доносилось из толпы.

– Да можно ли вынести такое? Сколько терпеть можно его рукоприкладство? Бедная девка... – заколыхались работницы.

– Товарищи, с-спокойствие! Ну и кадры пошли, – практически не заикаясь, сказал Петрушин.

– Ша, бабы! – гаркнула бригадирша. А ну помогай!

Окинув рабочих безумным взглядом, стараясь быть незамеченным, он обошел толпу, чтобы покинуть цех. На выходе, перед остановившимися глазами его, стояла Татьяна с врачом. Легкая краска выступила на его щеках. Поторопившись, он скрылся в темных коридорах завода.

Бригадирша с двумя крепкими женщинами подняли Аллу и не успели они погрузить ее на носилки, как Алла издала истошный вой.

– Мать честная! Да у нее воды отошли! – заключила местный врач. – Здесь рожать будем! Не дотянет.

Рабочие охали.

– Как не дотянет? Надо дотянуть! – уговаривала Татьяна.

– До ближайшей больницы километров пятнадцать, не довезем. Слаба она очень, нельзя транспортировать сейчас, – убеждала местный врач, проверяя её пульс.

Бригадирша возмущенно смотрела на двери цеха, в которых от Петрушина уже и след простыл.

Быстро сориентировавшись, бригадирша разогнала из цеха всех рабочих, оставив в помощниках только Татьяну и врача.

– Держите ключи от медпункта, принесите всё необходимое, и ножницы прихватите, – давала распоряжение врач. – Еще воды вскипятите, раздобудьте таз и чистых тряпок.

Татьяна суетилась, не зная за что ей хвататься в первую очередь.

– Вызвать бы бригаду скорой надо, пока доедут, у нас все готово будет, – продолжала врач, задрав подол платья Аллы.

– Не надо пока скорую, сами разберемся, – сказала бригадирша, выпучив глаза на гематому на обнаженном животе Аллы.

Врач одобрительно кивнула головой.

– Эх, нехстати ей сейчас ребенок. Пропадёт без мужика. Молодая совсем, – вздыхая, говорила бригадирша.

– Ничего, – протяжно сказала врач, снимая стетоскоп. – И не в таких условиях детей вынашивали и рожали. На войне и вовсе в окопах приходилось роды принимать, с бомбежками, с близостью фронта. А то, что семимесячный... так и такие выживают.

Алла с трудом улавливала общий смысл того, что говорили женщины и врач. Сердце у нее билось тревожно и громко, всё заглушая. Она пронзительно вскрикивала от нестер-

пимой боли.

– Потерпи, Алка, – кричала Татьяна на крик Аллы, бегая по цеху с поручениями врача.

– А я уже умирала один раз, мне не страшно, – отвечала Алла, заливаясь слезами и криком.

Алла родила мальчика.

– Эх, некстати, – повторяла бригадирша.

Глава 7

Четырехлетний Петька сидел хмурной на стульчике в самом углу кухни, болтая ножками и крутя в ручонках фантик от конфеты. Он любил тетю Аллу, любил оставаться с ней, когда мама Таня срочно уходила по своим делам.

– Жизнь человечья – игрушка в руках судьбы, – говорил дядя Сёма, опустошив рюмку.

– И не говори, – поддакивали соседки, гремя ложками сидя за поминальным столом.

Каждый вспоминал Аллу по-своему.

– У нее что же, и родных никаких нет? – наклонившись к уху Татьяны, спросила соседка из соседней квартиры, сидевшая на скамье рядом с ней.

– Никаких, – коротко ответила Татьяна, опершись головой на обе руки. – Мать старая совсем. Алка у нее младшая была. Куда ей было ребенка? – будто задавая самой себе вопрос, виновато говорила она.

Выйдя из-за стола, Татьяна, отстраненно пройдя мимо Петьки, с печалью на лице направилась в комнату подруги. Ум никак не мог осмыслить происшедшего. Отперев ключом хлипкий замок, она вошла в комнату. В ящике письменного стола, тщательно связанные лежали письма теперь покойных Алишера и Аллы. Теперь чьи-то чужие, равнодушные руки разрывали шнурочки, ворошили шуршащие лист-

ки. Чьи-то чужие глаза бегали по строчкам. Татьяна лишь шептала: «Прости».

В письме родным Алишера, Татьяна вкратце рассказала, как его жена умерла при родах. Родила хоть и недоношенно-го, но все же здоровенького мальчика. Указала адрес дома малютки, в котором мальчик находится как она думала уже год. Умоляла их объявиться и забрать ребенка. Ответом было долгое молчание.

У Анны Леонидовны, директрисы одного из подмосковного дома малютки с мужем не было детей. Женатые десятилетним браком, так и не ставшие родителями и отчаявшись ими стать, они обсуждали возможность стать приемными родителями. «Сапожник без сапог» подтрунивали над парой друзья и родные.

В одну из летних ночей, не желая идти с работы домой, так как накануне у них с мужем произошла крупная ссора тридцатисемилетняя Анна Леонидовна осталась в доме малютки на ночное дежурство. Удобно пристроившись на диванчике на ночевку в своем кабинете, накинув на ноги свой серый пиджак, она, немного поерзав, задремала. На вид она была строгая, властная женщина, полная, невысокого роста с зачесанными назад рыжими волосами и лицом, сплошь усыпанным веснушками.

Услышав сквозь дрему громыхавшей тяжелой цепью лай собаки, Анна встала с дивана и пошла к окну. Было ветрено.

Деревья как пленники толпились за решетчатыми загородками. Жалобно скрипели, раскачиваясь, стволы, шумели черные, голые ветки, пронизанные металлическим, холодным лунным светом. Собака не унималась. Ее дикий лай вынудил Анну Леонидовну выйти на крыльцо, проверить, все ли в порядке. Странно, что сторож не слышит неистового собачьего лая, подумала она, проходя мимо вахты, не став никого будить. Выйдя на крыльцо, Анна Леонидовна впала в ступор. На ступенях стояло эмалированное двенадцатилитровое ведро с ручкой. Собака, не уставая, едва не срывалась с цепи. Анна Леонидовна медленно спустилась по ступенькам вниз. Не решаясь подойти близко, медленно вытягивая свою короткую шею вперед, без страха, но с любопытством прищуриив глаза, заглядывала в ведро. Увидев лежащий в ведре завернутый кулек, она решила подойти ближе. Затронув рукой кулек, содержимое ведра начало шевелиться и плакать. У Анны душа ушла в пятки.

– Младенец! – взяв в руки ребенка и скоро высвобождая его из тряпок, тихо произнесла она.

Всматриваясь по сторонам в темноту, она подошла к воротам. Никого. Она задавалась вопросом, кто мог подобрать им младенца. На ее памяти это был первый подобный случай в этом доме малютки. Разное повидала она за свою жизнь, но, чтобы младенца и в ведре... И радость, и смятение охватили ее. Вот он – знак! Цыкнув на собаку, чтобы та прекратила лай, она словно вор прокралась с ведром мимо

сторожа в свой кабинет.

Уложив ребенка на диван, укутав его своей кофтой, висевшей в шкафу с весны, Анна стала думать, что ей делать дальше. Младенец спокойно лежал, не мешая принимать верное решение своей спасительнице. Дождавшись утренней перемены нянечек, смены, в которой дежурила ее близкая подруга, Анна Леонидовна срочно вызвала ее к себе.

– В мамочку решила поиграть? – с порога спросила Анну подруга, увидев у нее на руках младенца. – Тебе идет.

– Закрывай дверь, садись, – указав глазами на диван, сказала Анна, трясая на руках младенца. – Садись и слушай меня внимательно. Этого младенца я сегодня ночью обнаружила в ведре.

– Что ты такое говоришь? В каком еще ведре? – перебив директрису, взволнованно спрашивала нянечка, думая, что ее хотят за что-то наказать.

– Ты подумай, – продолжала Анна, – раньше на войну все списывали, а сейчас ведь в мирное время живем, а такое делается.

– Да что делается то? – не понимала нянечка.

– Ведро, в котором этот кулек лежал, я на крыльце нашла сегодня ночью.

– На каком крыльце?

– На нашем.

– А что ты ночью делала на нашем крыльце? – еще больше запутывалась нянечка.

– Дежурила. Мне помощь твоя нужна. Так, чтобы об этом не прознал никто. Я заберу его себе.

– Не шути так, Анна Леонидовна. Это тебе не игрушка. Его обследовать надо для начала, – встав с дивана, сказала нянечка. – Да не тряси ты его так! Ну что, кто у нас тут? – забрав из рук Анны ребенка, спросила нянечка.

– А я не знаю, – ответила растерявшаяся Анна.

Распеленав ребенка, нянечка насторожилась. Аккуратно вытянув из тряпок, в которые был укутан младенец белое перо, она произнесла:

– Мальчик!

Анна Леонидовна глубоко вздохнула. Младенец на удивление не плакал.

– Ему сутки от роду. Надо заявить, – сказала нянечка.

– А? – не сразу ответила задумавшаяся Анна.

– Сообщить нужно, говорю.

– Не будем никуда сообщать. Никто не должен об этом узнать.

– Зачем тебе эти заморочки? Ребенок слабенький, недоношенный. Возьми себе любого другого, если так хочется. Оформи правильно, – подойдя к умывальнику, смотрясь в небольшое зеркало, висевшее над раковиной, холодно сказала нянечка. – А что Валера на это скажет?

Анна Леонидовна, надевая серый пиджак от своего юбочного костюма, резко одернув полы, решительно двинулась к ребенку, взяв его на руки и крепко сдавив, прижала к себе.

– Он будет моим сыном. Валерий правове́д, он все сделает как надо.

– Делать тебе нечего, – стряхивая воду с ладоней в раковину, сказала нянечка, закрутив кран.

– Это нормально, что ребенок не плачет? – спросила Анна.

– Странно это все конечно. А откуда такое перо у него? Я таких перьев не видала никогда.

– И я не видала. На воронье похоже...

Часть 2

Больницы узник, пациент тюрьмы

Жермен Нуво

Глава 1

– А ведь я говорил, что мы с вами еще обязательно встретимся, – крутя левой рукой механизм дешевой кислотного цвета зажигалки и самодовольно ухмыляясь, сказал молодой следователь старший лейтенант юстиции Яковлев, когда к нему в кабинет доставили задержанную после звонка из дежурки.

Пожалуй, единственный честный и порядочный следователь на все отделение, как знать, а может и на всю Московскую область.

– Браслеты сними, Яковлев. Прояви гостеприимство, – вытянув перед собой закованные в наручники руки, устало, почти отрешенно проговорила задержанная.

Дав дежурному отмашку, чтобы тот мог идти, Яковлев дернул за ручку пустого верхнего ящика рабочего стола, в котором бряцали ключи от наручников и пара таких же зажигалок.

– Не успел соскучиться даже, – вставая с места, язвительно говорил он, подходя к задержанной.

Яковлев испытывал к ней крайнюю неприязнь, и к таким как она.

– Садитесь, – он одним резким движением передвинул ближе к столу стул от окна, в котором отражался тусклый свет от настольной лампы.

Это была далеко не единственная его бессонная ночь. Служба заменяла ему семью, а кабинет был его родным домом.

Девушка, поочередно растирая сдавленные железом запястья села на стул.

– Что на этот раз? Нарушение общественного порядка? Пьяная драка в клубе? Вождение в нетрезвом виде? – вальяжно подойдя к шкафу с документами чтобы взять папку-регистратор рассуждал Яковлев, в воспитательных целях, не обращая внимания на задержанную.

– Почему ваши опера безмозглые взяли меня, а им всем дали уйти, когда я сама же вызвала этот чертов наряд? – с искренним недоумением спрашивала девушка, острый язык и надменность которой в общении с представителем закона сменились спокойным тоном.

Яковлев оторвался от просмотра бумаг. Удивленный непривычным поведением девушки он поставил папку на место и снял трубку телефона, стоявшего на соседнем столе коллеги-следователя. Он настолько был рад услышать об очередном ее задержании, что у него даже из головы вылетело спросить у дежурного о самой причине задержания. Работала его теория: «Сколько мажора не отмазывай, рано ли поздно он за решетку угодит». В эти золотые для него мгновения, пока начальство не прочуяло о пребывании дочери судьбы в стенах отделения милиции, он хотел сполна насладиться своим величием над «разбойницей».

– Это Яковлев. Кто задержанную привез? – переложив к другому уху трубку, он выслушал ответ дежурного, не сводя глаз с девушки, все время смотревшей перед собой в пол. – ЧЕГО? – от его вскрика девушка резко подняла голову и посмотрела на следователя. Он положил трубку.

Безмолвно вернувшись за свой стол, Яковлев достал из кармана кителя, висевшего на стуле, сигарету, пытаясь прикурить ее зажигалкой, которая вечно ломалась. В кабинете запахло газом.

Нервно отбросив зажигалку в сторону и вынув изо рта сигарету, он убрал ее обратно в карман. Яковлев похоронил в себе неплохого драматического актера.

– Вот, – спокойно сказал он после минутной паузы, положив перед ней чистый лист бумаги и ручку.

Девушка недоумевающе смотрела на следователя черными от местами размазанной туши глазами.

– Пишите, – велел он.

– Что писать? – машинально взяв ручку, спросила она.

– Я, Маркова Кристина Олеговна, восемьдесят третьего года рождения, сегодня ночью, с тринадцатого на четырнадцатое декабря две тысячи восьмого года убила человека. Допрыгались? Шутки кончились, гражданка Маркова, – победно говорил он, однако внутренний голос подсказывал ему обратное.

Ее манера поведения никак не соответствовала ее милым, по настоящему детским чертам лица.

– Убили, значит. Нелюди, – опустив голову, смиренно сказала Кристина.

Будто не слыша ее слов, Яковлев продолжал:

– Пишите, пишите, больше отмазаться не получится. Отца бы пожалели!

– Я не буду этого писать, – медленно положив ручку на листок, тихо сказала девушка. – Я никого не убивала.

Внезапно раздался телефонный звонок. Кристина насто-роженно взглянула на перемотанный синей изолентой аппарат.

– Яковлев, – ответил следователь. – Лично приехал? Хорошо, сопроводите ко мне, – сказал он, бросив трубку, спешно застегивая верхнюю пуговичку на рубашке.

Кристина поняла сразу, что за ней по темному, со скрипучими от постоянной сырости полами коридору идет отец.

– Яковлев, миленький, ты должен мне помочь! – торопясь заговорила девушка, заправив за ухо прядь длинных платиново-белых волос.

– Спрячь меня куда-нибудь, не отдавай отцу, прошу. Ты не представляешь, что это за человек. Я все тебе расскажу, только умоляю, помоги.

Следователь, было, открыл рот, чтобы объяснить девушке о порядке задержания и ее правах, как дверь кабинета распахнулась под доносящийся рев путан, сидевших в обезьяннике. Кристина вздрогнула, увидев на пороге взвинченного отца. Дверь захлопнулась, в кабинете воцарилась тишина.

Следователь подпрыгнул с места.

– Марков Олег Валерьевич, – представился судья, смотря на дочь. – Видимо произошла ошибка, – с ходу заговорил он. – Сейчас вы отдадите девушке ее вещи, и она пойдет со мной.

Яковлев впервые увидел легендарного судью, одного из подмосковных городов. Яковлев давно мечтал с ним познакомиться. Он свято верил, что дочь позорит закрепленный за ее отцом образ кристально чистого и справедливого человека, живого воплощения доблести и чести. Он не раз слышал от коллег, о непростых отношениях судьи с дочерью, о том, как отец жаловался на дочь, тем самым вызывая сочувствие окружающих. Ему даже не нужно было личного вмешательства, надолго дочь в отделении не задерживалась. А бывало, отец не прочь был проучить ее как следует, дескать, пускай посидит, подумает. Но сегодня явно что-то пошло не так. Яковлеву сделалось не по себе от одного его взгляда. В слабоосвещенном углу стоял невысокий, полный светловолосый мужчина средних лет в сером пальто. Его впалые, тяжелые мутно-серые глаза словно смотрели напрямик в душу, точно он сошел с портрета из фильма «Прикосновение».¹⁰

– Это невозможно. Гражданка Маркова задержана по подозрению в убийстве, – оправдывался следователь, он сам не понял, как попал под его мистическое обаяние.

– Я, кажется, ясно сказал, произошла ошибка, – продол-

---

¹⁰ X/ф «Прикосновение» (1992) – первый российский фильм ужасов.

жал отец. – Девушка должна пойти со мной.

Яковлев мельком глянул на худенькую, перепуганную девушку. Ему вдруг почему-то стало жалко ее.

– Я жду, – настаивал отец.

– Повторяю, это невозможно, – сказал следователь.

Казалось, у отца заканчивалось терпение. Неприятно скрипнув мокрыми ботинками по линолеуму, он тронулся с места, чтобы подойти к дочери. Девушка, обеими руками вцепившись за сидение, на котором сидела, и медленно крутя головой шептала:

– Не подходи!

– Покиньте кабинет! – осмелев, потребовал следователь.

– Завтра же вы пожалеете о том, что не отпустили девушку сейчас со мной, – сказал отец, не отрывая взгляда от дочери. Он ушел, оставив за собой открытую дверь.

По коридору раздавался гул. Следователь какое-то время озадаченно смотрел ему в след.

– Смело, – подметила Кристина. – Может, все-таки закроешь дверь, Яковлев? – сказала она, неторопливо снимая с себя куртку, не вставая со стула.

Яковлев закрыл дверь и вернулся за стол, вновь достав из кармана сигарету.

– Он что, за патрульной машиной бежал? – сказала изумленная быстрым появлением отца девушка.

Безуспешно пытаясь прикурить, он занервничал.

– Угощайся, – протянул следователю, огонь дорогой зажи-

галки, сказала Кристина. – Спасибо тебе, не часто за меня так отважно заступаются.

Яковлев прикурил.

– Дарю, – положив зажигалку на стол, сказала она.

Девушка скинула грязные ботинки и задрала ноги на стул, крепко обхватив руками колени.

– У вас времени до утра, если не считать, что уже утро, – выдохнув дым и откинувшись на спинку стула, сказал следователь.

***

– Это конец. Ты прав, у меня действительно нет времени. Бежать мне некуда. Он везде меня достанет, – будто разговаривая сама с собой, отрывками говорила Кристина.

– Кто он? – спросил следователь.

– Думаешь, я боюсь? Нет. – шмыгнув мокрым носом, сказала Кристина, игнорируя его вопрос.

– Я ничего не думаю.

– Испытывал-ли ты когда-нибудь ощущение ненужности? Оно по сути своей схоже с одиночеством. Только когда ты одинок, никто не будет делать вид, что нуждается в тебе. Одиночество благородное чувство.

– Философствовать будете или по делу рассказывать?

– Я уже давно живу с этим ощущением, – продолжала Кристина, спустив ноги вниз, закинув одну на другую.

– Говорите по существу – слегка смутившись, сказал Яко-

влев.

Конечно же, он не понаслышке был знаком с этим ощущением. Ему было немногим за тридцать. Редкие, с пробивающейся сединой черные косматые, давно не стриженные волосы и трехдневная щетина заметно прибавляли пару лет к его возрасту. Результатом его неряшливости был холостяцкий образ жизни. Может поэтому сейчас он так проникся состраданием к ненавистной ему девушке?

– Я ведь могу и официально допрос провести, – сказал Яковлев, понимая свою беспомощность в этом деле, но ему было страшно интересно узнать, что сегодня произошло на самом деле.

– Так проводи. Ты же знаешь, что тебе все равно не дадут этого сделать, – в отчаянии сказала она.

Размазывая по переполненной пепельнице окурок, Яковлев задал вопрос:

– Что вы делали вчера вечером с полуночи до двух часов на заброшенном машиностроительном заводе?

Сделав жест, которым курильщики просят сигарету, Кристина, закулив и поправив растрепанные волосы сказала:

– Я расскажу тебе все с самого начала.

Следователь, скрестив на столе ладони, принялся внимательно ее слушать.

– Что за дрянь ты куришь? – закашлявшись, спросила она. – Неужели, правда, настолько зарплата у российского следователя маленькая, что нельзя позволить купить на нее

нормального курева?

Прокашлявшись и стряхнув пепел на листок с ручкой, Кристина начала свой рассказ.

– Мы с нашей компанией как обычно зависали в клубе, владелец которого мой крестный, кстати, ваш бывший начальник... Поэтому в этом клубе у меня вездеход пожизненный. Каждая ночь как праздник: алкогольные реки, любые разновидности порошка, громкая музыка, в общем, все, что душе тусовщика угодно.

От услышанного, следовательно кашлянул.

– И так каждый день. – продолжала она. – Поначалу мне это все ужасно нравилось. А недавно мне начало казаться, что не появившись я в клубе хоть на одну ночь, никто и не заметит моего отсутствия. Я обложила фальшивыми друзьями. Да, им нужны были только мои деньги. И я оказалась права. Мне становилось невыносимо скучно. Понимаешь? Поганое чувство, когда не знаешь куда деться. Пьешь, чтобы заглушить несуществующую тоску. Однажды я так сильно накидалась, а друзья мои и не попытались остановить меня, чтобы я за руль не садилась. Представляешь? – невозмутимым голосом продолжала Кристина. – Ну, это тот случай, когда я бомжа сбила, помнишь? – сморщив лоб, сказала она, напомнив следователю и себе. – Я ждала хоть каких-нибудь перемен, хоть чего-то. Мне хотелось сбежать от этого бессмысленного образа жизни ...

– Давайте ближе к делу, – заскучав, сказал Яковлев, пре-

рвав ее рассказ.

Затушив бычок и протяжно вздохнув Кристина сказала:

– И тут появился он..., да ты не стесняйся, записывай, – сказала она, увидев робкие попытки следователя взяться за бумагу. – Только тебе все равно это ничего не даст.

Яковлев сложил руки в прежнее положение.

...Она была единственной дочерью. О загадочном исчезновении жены судьи подмосковного города П., на протяжении целого года пестрели заголовки всех новостных изданий. Девочка упрекала отца в бездействии, на что он, крепко прижимая дочь к своей груди и, глядя ее по белокурой головке, просиживая сутки напролет за делами дома в кабинете говорил: – «Твоя мама просто нас бросила», потом брал бумажник, доставал оттуда пару красных купюр и возвращался к работе. После потери матери, шестнадцатилетняя Кристина отбилась от рук, попав, как это часто случается в плохую компанию, но, к счастью, быстро одумалась. Бросив школу и поступив в музыкальный колледж, Кристина перебралась жить в общежитие подальше от отца и его новой жизни, часто слыша от соседок: «Вот дура, у папашки говорят домина огромный, денег куры не клюют, а она в общегаге околачивается». Отец не интересовался жизнью дочери, попросту откупаясь от нее. Она отвечала ему взаимностью. Горевал он не долго, в доме быстро появилась молодая секретарь судьи – Жанна. Не делая никаких успехов на музыкальном попри-

ще, будучи абсолютно бесталанной особой, но очень старательной и усердной, девушка дала себе обещание в память о матери, во что бы то ни стало пойти по ее музыкальным стопам. И добилась своего. Окончив колледж по специальности фортепиано, Кристина вернулась домой. Отец хоть и был против ее выбора, но безумно гордился упорством дочери. «Все-таки наша порода, Марковская. До конца пошла» – говорил он. Но живя под одной крышей, отношения отца с дочерью с каждым днем накалялись все больше и больше, настолько, что казалось, пролети между их взглядами, обращенными друг к другу букарашка какая, моментально воспламениться и сгорит.

Вскоре, по рекомендации бывших сокурсников, Кристину пригласили играть в коллектив народной музыки исключительно из-за ее платежеспособности. Остро нуждаясь в спонсоре, коллектив внушил отзывчивой девчонке о ее недюжинном таланте и незаменимости, составив нехилую смету в качестве входного билета. Кристина согласилась не раздумывая. И тут пошло-поехало: шашки, гулянки, и так по кругу...

За месяц до случившегося

В Москву зима наступать не спешила. Уже вовсю голые деревья стояли в ожидании своего белого одеяния. В тысячный раз не найдя общего языка со своей молодой мачехой так что стены дрожали, Кристина одеваясь на ходу, выскакивала из дома садясь в свой желтый миникупер, который

был подарен отцом на окончание учебы и мчалась куда глаза глядят.

– Ну что ребят, сегодня играем? – окрыленная, в надежде заниматься музыкой, приехав поздним вечером на штабквартиру, спрашивала Кристина.

– Крис, сорри, сегодня без клавиш, – отвечал балалаечник Макс, плюхаясь на красное татами с балалайкой в руках. – Давай посидим, выпьем, расслабимся, подумаем над новым репертуаром.

– Ну, хорошо, – сказала она, устроившись рядом в позе лотоса.

– Крис, ты сегодня на колесах? – спросила девушка Макса, вокалистка Алиса, держа в руках банку пива.

– Как обычно, – ответила Кристина.

– Гуд, – сказала Алиса, ухмылкой переглянувшись с Максом. – Забуримся в клуб сегодня?

– Ребят, мы играть будем? – отчетливо понимая, чего от нее хотят друзья, дерзко спросила Кристина.

– Успеем и поиграть. Алиса дело говорит, может реально в клуб? – говорил Макс, чуть слышно щипая струны.

– Не хочу. Надоело, – отрезала Кристина.

– Крис, ты в последнее время закипаешь. С тобой все норм?

– Норм, – понуро отвечала она.

– Так если норм, то давай тусить, – услышав кусочек разговора, потирая руки зайдя в квартиру, сказали парни, бая-

нист и бас-гитарист.

– Seriously, у Макса днюха сегодня, какая репа может быть? Не обламывай.

– Мои поздравления. Ну, хорошо. Поедем, – согласившись под натиском неформального лидера басиста Дани, сказала она...

Кристина вновь закурила. Она быстрыми движениями рук терла слипавшиеся ко сну глаза еще больше размазывая тушь.

– Да понятно с вами все. И дальше что было? – спросил скучающий Яковлев.

– И мы поехали в клуб, попутно собрав еще с пяток каких-то Алискиных друзей, – продолжила рассказ Кристина. – У меня ни малейшего желания не было, ой как я не хотела, – с сожалением говорила она. – Я, отстранившись, сидела в углу, потягивая через трубочку алкогольный коктейль. Алиска разрывала танцпол, парни наши слюни пускали на нее. И не только наши. Потом какой-то паренек нерусский активно начал танцевать возле Алиски, а Алиска начала тереться своими выдающимися формами о того паренька и Макс прилично накидавшись, устроил драку за честь своей девушки. У того кровь вскипела и он, паренек тот, друзей созвал своих и короче замес начался. Алиска ко мне подбегает, зрочки как блюдца, мол, разними их. А я что? Встала, схватила свою сумку, и направилась в сторону коридора.

Без объяснений. Это стало последней каплей. Я давно собиралась уйти от них, начать жизнь заново. Я отдаленно, но понимала, что живу неправильно. Мне опротивело это бесцельное прожигание жизни. Я осознала в тот момент, что, если что и случится со мной сейчас в этой потасовке, они меня точно не защитят. Ну и в коридоре на меня с пистолетом один из друзей того паренька накинулся с предьявой: «куда это я сматываюсь». Ну а я, с какого переляку отвечать за этих придурков должна? И тут появляется он.

– Так, – выдохнул следователь. Кто он?

– Официант.

– Официант?

– Да. Я его раньше не видела у нас. Как потом окажется, он незадолго до этого вечера устроился к нам по заданию.

– По какому такому заданию?

– Ты слушать будешь, нет? – вспыхнула девушка.

– Продолжайте.

– Убери, говорит, баран от девушки оружие. Да еще вежливо так говорит. Тот на официанта попер с пистолетом. Я ничего понять не успела, как официант своим жестяным подносом вырубил парня. У меня шок. Вижу, как в коридор из кухни выбежали еще двое. Официант откинул поднос, схватил меня за руку, и мы побежали на выход, слыша позади выстрелы.

– Что за кино вы мне здесь крутите? – щелкнув чайник, стоявший на подоконнике, сказал Яковлев.

– Не кино. Ты не веришь мне? – с отчаянием в глазах спросила Кристина.

– Выбежали из клуба. Бросили друзей. Что было дальше? – продолжал следователь, заваривая чай.

– Не друзья они мне. Я бежала со всех ног к машине, официант зачем-то бежал за мной следом. Мы оба от страха запрыгнули в машину, я втопила на газ, и мы поехали. Отъехав от клуба пару кэмэ, я дала по тормозам. «Ты кто такой», спрашиваю его, а он мне, «я – Градимир». Представляешь? Градимир. Меня на смех пробило. Что за имя такое чудаковатое спрашиваю его. Он молчит. Поблагодарила его за спасение, а он мне в ответ что-то типа: «спасибо в карман не положишь». Подари мне одно свидание, и тогда я откроюсь тебе чуть больше, в том числе и о своем имени. Чушь какая, подумала я тогда.

Следователь подставил девушке коробку с крекерами и кружку с чаем.

– Да, припоминаю. Опера рассказывали. Там, кажется, на месте все разрешилось, – сказал Яковлев, хлебнув кипятка и развалившись на стуле.

– Спасибо тебе, – сказала Кристина следователю, посмотрев на него детским взглядом, обхватив ладонями кружку.

Глава 2

– В ту ночь я еще до дома не доехала, а отцу уже сообщили. Отец... он повсюду. Вот мы сейчас сидим с тобой чаек попиваем, ты думаешь, что отправил его восвояси, и он спокойно ушел. Если ты действительно так думаешь, то крупно ошибаешься. Не знаю, что он придумает, на сей раз, но сейчас я буквально ощущаю, как он своими щупальцами обхватил здание ОВД и держит нас в тисках. Мне уже не выйти отсюда, – немного придя в себя, говорила девушка.

– Никто вас не тронет здесь. Вам нечего бояться, – начиная верить во всемогущество ее отца, успокаивал Яковлев.

Кристина замолкла, ожидая пока следователь ответит на телефонный звонок.

– Личность установили? – нервно спрашивал он дежурного. – Нет? Какого черта?

Кристина, почти расслабившись от горячего чая, вдруг дернулась.

– Давайте по делу, – будто очнувшись после разговора с дежурным, сказал Яковлев.

Кристина смотрела на следователя, стараясь зацепиться хоть за краешек надежды на спасение.

– Одного задержанного, парня, по сегодняшнему происшествию, не довезли... – одновременно расстроено и удивленно сказал он.

Кристина засмеялась.

– Не понял до сих пор? Никакого дела не будет. Это моя исповедь тебе если хочешь. Слушай дальше.

Яковлев, вернувшись к столу снова закурил.

– Ехав по трассе до дома той ночью, я была точно не в себе. Не считай меня за сумасшедшую, но я слышала голоса. Как только я заехала во двор дома, отец забрал у меня ключи от машины и запер в комнате на несколько суток, даже словом со мной не обмолвившись. Несколько суток в заточении наедине с самим собой. Голоса в моей голове усиливались все больше, заглушая тишину. Надо было как-то вырваться из этой одиночной камеры.

Яковлев задумался, а потом спросил:

– Как часто вы слышите голоса?

Кристина немало удивилась неожиданному вопросу со стороны следователя.

– Уже больше полугода. Слушай дальше, – продолжила она. – Уговорив Жанну за небольшое вознаграждение вытащить из машины мою сумку и принести ее ко мне, я судорожно искала клочок бумаги с номером. Тот официант всучил мне бумажку с номером своего сотового. Он снял трубку с первого гудка. Я продиктовала ему свой адрес, и через два часа он стоял у ворот моего дома. Отца дома не было, и Жанна впустила Градимира. «Если он один раз защитил меня, то он не причинит мне зла», думала я. Знаешь, я была заинтригована им. Мне нужен был кто-то, кто сможет пере-

бить эти чертовы голоса.

– Что вы делали сегодня ночью на заброшенном заводе? – повторил свой вопрос следователь.

– Приносили человека в жертву какому-то славянскому Богу, – прямо ответила она.

Следователь, слегка уронив челюсть, схватился за ручку.

– За эти полгода отец редко дома появлялся. А если и появлялся, то пропадал все время в своем кабинете за бумагами. Знаешь, он с виду был похож на какого-то безумного ученого, который носит с чертежами, разными вычислениями в попытках изобрести машину времени. Последний месяц мы и вовсе с ним не пересекались, будто он и забыл, как собственноручно посадил меня под домашний арест, – продолжала рассказ Кристина. – С Градимиром, настоящего имени которого мне так и не удалось узнать, мы начали тесно общаться.

Яковлев кашлянул.

– В тот вечер я особо его не разглядела, но потом при встрече, он оказался достаточно взрослым мужчиной, лет сорока. Меня это не отпугнуло. Может я увидела в нем отца? Не знаю... Я рассказывала ему о своей жизни, он внимательно все впитывал, не задавая лишних вопросов. Особого утешения, какого мне так хотелось от общения с ним, я не испытывала.

– Итак, настоящего имени вашего подел... – следователь опомнившись прервал речь на слове «подельник», – вашего

знакомого вы так и не узнали? – спросил он. – Что вам известно об этом человеке?

– Да ничего такого, – полминуты подумав, ответила девушка. – Он постоянно молчал и слушал. Вот как ты сейчас.

– Ясно, продолжайте, – сказал следователь.

– Правда, недавно он попросил меня одолжить ему рубашку-косоворотку. Я рассказывала ему, что ушла из коллектива народной музыки, и у меня остались новые костюмы, поскольку на мои деньги они были заказаны, и были сшиты уже после моего ухода из группы. Разумеется, я поначалу удивилась, решила расспросить подробнее о его увлечениях. Как выяснилось, собственно, не сложно было догадаться по его довольно экстравагантному имени, он увлекался славянской культурой.

Следователь открыл хлипкую дверку сейфа и достал оттуда папку-скоросшиватель.

– Я буду показывать вам фотороботы, а вы внимательно присмотритесь, нет ли среди этих портретов, портрета вашего знакомого, – пытаюсь своими толстыми пальцами развязать узелок на папке, говорил следователь.

Это были его личные наработки. Кристина небрежно откидывала портрет за портретом, пока на столе не остался лежать один единственный фоторобот.

– Похож. Только тут он намного моложе выглядит, и волосы у него не такие длинные как сейчас, – сказала девушка. Яковлев, перевернув листок с фотороботом, дописал каран-

дашом еще одно предполагаемое имя изображенного человека.

– Дальше, – буркнул следователь.

Девушка продолжила.

– Пригласил меня на встречу, указал адрес, где я должна быть в указанное время, а сам пропал на неделю с лишним. Местом встречи оказался тот самый заброшенный машиностроительный завод. Таксисты наотрез отказывались ехать в ту сторону. Попутка довезла меня вчера до места чуть позже назначенного времени. Представь, полночь. Прожектор на соседнем здании, мало-мало освещал стены завода. Я запаниковала, когда поняла, что кругом нет ни души. К слову сказать, я хорошо ориентировалась на территории, как никак все детство там проторчали с друзьями. Пробравшись в здание сквозь лаз, прикрытый ржавыми листами металла, я оказалась в главном корпусе. Все оборудование с тех времен стояло на месте, картинка из детства, представляешь? – воодушевленно сказала она. – Было тихо и очень холодно. Я замерла на месте. С крыши по носу мне ударила капля воды. Я, когда голову то подняла, увидела лестницу, ведущую на верх. Я поднималась по грязной от пепла, было нереально много пепла разбросано, полуразрушенной лестнице к бывшему актовому залу. Дверь была закрыта, но я слышала, как из-за нее доносился бубнеж. Я, конечно, могла поддаться панике и убежать с этого навевающего ужас и страх места, но, я все равно пыталась открыть ее. Потом пнула со всей дури

ногой по двери, и она открылась.

Кристина замолчала. Столь разительный переход в настроении девушки немало озадачил Яковлева.

– Вам нехорошо? – мягко спросил следователь.

– Да, черт возьми, мне не хорошо. Только сейчас начинаю понимать, что я была как будто под его гипнозом.

– Он был сегодня ночью на заводе? – уточнил следователь.

– Да, – опустив голову и истерично засмеявшись сказала Кристина. – После увиденного у меня волосы на голове дыбом встали. У двери зала стоял молодой парень, что-то наподобие охранника. В зале шло заседание. На сцене за трибуной скандировал лозунги за «чистую Родину» бородатый, длинноволосый мужчина, одетый в славянскую серую рубаху с красной полосой. Я постояла, послушала. Бред. Там по залу всюду были развешаны плакаты со славянской символикой. Можешь себе представить? – постоянно спрашивала она. – Это страшно. До меня начало доходить что вообще там происходит. Я искала глазами Градимира, но все присутствующие сливались в один большой одинаковый сгусток. Парень на входе спросил новенькая ли я, и указал на место, где я могу сесть и присоединиться к слушанию. Да, ты не ослышался, он сказал «к слушанию».

Кристина вновь умолкла.

– Несколько женщин и около двух десятков бородатых мужчин, разодетых в одинаковые белые рубахи с узорами, вышитыми красными нитками на серьезных щах выносили

приговор молодому парнишке азиатской внешности, привязанному к столбу как во времена святой инквизиции. Меня бросило в жар. Они читали какие-то неразборчивые молитвы славянскому Богу. Сильное эхо разносило их рев по залу. Со стороны это выглядело так, будто они вызывают Ктулху. Честное слово! После этой дикой молитвы они единогласно решили сжечь его. Прикинь, Яковлев! Сжечь! – возбужденно рассказывала девушка.

– Пока охранник принимал участие в голосовании, я попыталась выбраться, найти выход из тускло освещаемого помещения, в котором проходила, Господи, как это назвать? Церемония? – схватившись за голову, говорила она. – Кто они? Сатанисты? – спросила она следователя будто окончательно разуверившись в людях.

– Есть такая тема. Они называют себя «освободителями Руси», – сказал следователь. – Эдакие Родноверы. Их поймать не могут уже очень давно. Когда я пришел на службу, организация их уже была в разработке долгое время. Но теперь мы приблизительно знаем, где они базируются, – потирая руки сказал он, встав из-за стола, мысленно вешая себе звезду на погон. – Вы дадите мне показания официально, и мы наконец прекратим их деятельность. Почти сотня пропавших людей на моем районе за последние четыре года. И все граждане ближнего зарубежья. А ваш знакомый, возможно, является главарем их «освободительного движения».

Кристина опять лихорадочно засмеялась, чем смутила

следователя.

– Да вам их никогда не поймать, – сказала Кристина.

– Это еще почему? – спросил Яковлев.

– Я испугано бежала по лестнице, вызывая милицию, роняя телефон, но все же дозвонилась. Прошу тебя Яковлев, поверь сейчас в то, что я тебе скажу.

– Слушаю внимательно.

Помолчав, она продолжала.

– Я набрела на коридор, ведущий к бывшим кабинетам, и там услышала перепалку двух мужчин. Они разговаривали друг с другом на таких повышенных тонах... Я стала прислушиваться. Голос Градимира я разобрала, но вот второго мужчину я почему-то по голосу узнала не сразу, видимо все-таки недостаточно он со мной разговаривал. Яковлев... там был мой отец.

У следователя от лица отлила кровь.

– Быть может вам показалось? – неуверенно переспросил следователь.

– Хоть мы и не часто проводили с ним время вместе, но неужто я отца своего не узнала бы? Почему наряд доставил сюда меня? Где все эти нелюди? ... Одни вопросы. Знаешь, что? С такой крышей вам никогда не поймать их, Яковлев. Все кончено, – сказала девушка встав со стула и протянула руки к следователю чтобы тот надел на нее наручники.

В кабинете повисло молчание. Растерянный следователь не мог поверить рассказу девушки, хотя в его голове все вста-

вало на свои места. Очередная байка? – думал он. С виду девушка была абсолютно трезвая.

Утром, как Кристина и предсказывала пришел отец с подполковником, начальником отделения и как ни в чем не бывало заставил следователя вернуть девушке ее вещи и отпустить ее.

– Понимаешь Яковлев, – заговорил начальник тягучим голосом. – Девушку нужно отпустить. Никакого убийства на заброшенном заводе не произошло. Девушке показалось. Она все это выдумывает, чтобы хоть как-то внимание отца привлечь. Отец ручается за дочь и сам займется ее лечением, – говорил он выводя Яковлева из кабинета в коридор. – Девушка эта, не здорова психически плюс наверняка употребляет. Ты пойми, отец не хочет придавать огласке ситуацию со своей больной дочкой, все-таки судья, – сказал он, тыча пальцем вверх. – Она из дома убегает, водится с плохой компанией, отца не слушается, в общем неуправляемая дочь у него. Трудный подросток, росла без матери... – уговаривал следователя начальник отделения, неповоротливый седовласый мужчина, открывая частые, будто росшие друг на друге зубы.

Яковлев задумался.

– Действительно она вела себя не совсем адекватно, – с сомнением проговорил следователь.

– Так и я о чем говорю. Правильно заметил. Нам разборки с судьей ни к чему. Пусть сам со своей дочкой нянчится, –

настаивал начальник. – Отпусти.

Яковлев приоткрыл дверь кабинета и увидел, как Кристина шарахалась от отца, державшего в руках ее куртку.

– Ну почему опять в мою смену? – буркнул следователь, трясая поджилками.

Он вошел в кабинет сообщить девушке о том, что она свободна, но как только он начал говорить, Кристина все поняла по его лицу и истерично завопила:

– Ты же обещал Яковлев! Ты же обещал, что согласишься мне.

Отец, не проронив ни слова уверенно и торопливо вывел дочь из кабинета. Девушка дурной кричала на все отделение.

– Убийца! Яковлев, допроси оперов, они все видели, – кричала она.

Сотрудники что были в отделении повывезли из своих кабинетов.

– Я напишу маме, и она придет за мной! Слышишь? – обращалась она к отцу. Но он делал вид что не слышит ее.

Яковлев смотрел в окно своего кабинета и видел, как девушка вырывалась из рук судьи. Отец вцепился в дочь, бросил ей куртку, быстро усадил в машину и увез в неизвестном направлении.

Яковлев содрогнулся от загудевшего факса, по которому пришла ориентировка на некоего пропавшего гражданина Таджикистана. Эта была уже шестая ориентировка за по-

следние полгода.

Глава 3

– Жанна! – раздавался подхриповатый голос судьи, влетевшего в дом на всех парах. Жанна! – кричал он, с корнем вырывая ящики комода, стоявшего в прихожей. Жанна спустилась вниз.

– Глаз с нее не спускай, – рявкнул он жене, не посмотрев на дочь, подавляя раздражение.

Найдя в одном из ящичков записную книжку и сняв с базовой станции трубку телефона, он заперся в своем кабинете.

За прошедшие сутки Кристина изменилась до неузнаваемости. Внезапные приступы истеричного смеха, резко сменяющиеся истеричным плачем. Голоса в ее голове усиленно нарастали с каждым новым днем. Она сама того не понимала, как теряла над собой контроль...

Недели шли за неделями. О регулярно попадавшей в передраги дочке судьи ничего не было слышно. Ее больше не доставляли пьяную в отделение, она больше не дебоширила в общественных местах. Как сквозь землю провалилась. На Яковлева навалились угрызения совести о том, что он обещал задержанной девушке поверить ее откровению и не поверил. Кристина не шла у него из головы. Он думал о ней и денно, и ночью. Яковлев отправился к операм, что доставили в отделение дочь судьи Маркова в ту злополучную

ночь. Решив выяснить о подробностях задержания, Яковлев узнал от коллег что оба оперативника пару месяцев назад были скоростно переведены в другое отделение в один из районов города Москвы. Заподозрив в этом деле неладное, он начал пробивать информацию об их новом месте службы, но опера всячески избегали встречи с Яковлевым. Тело обгоревшего мужчины с завода, которое по сообщению дежурного везли в морг будто испарилось. Не было никаких данных, никто ничего не видел или не помнил. Это еще больше раззадорило, разозлило и подстегнуло его докопаться до правды. Кристина не отвечала на телефон. Следователь вышел на ребят из народного музыкального коллектива, в котором Кристина играла, но они отрицали ее участие в группе.

Заброшенный завод выглядел в точности так, как рассказывала Кристина, но побывав там, он не нашел ничего схожего с описываемыми девушкой событиями.

Выбрав день и время, когда судьи точно не окажется дома, Яковлев, доехав на патрульной машине до коттеджного поселка, впопыхах выскочил из машины не закрыв дверь. Он едва не поскользнулся на мокром снегу спеша догнать единственного в округе прохожего.

– Дык, кто ж не знает то Марковский особняк? Заверни влево и ступай прямо, не ошибешься, – указала направление местная прохожая старушка.

Яковлев, поблагодарив прохожую за помощь, отправился по адресу, надеясь на встречу с дочерью судьи. Дом выглядел

действительно приметным на фоне остальных покосившихся строений. Ворота забора и гаража были открыты настежь. Свежий снег запорошил утренние следы. Яковлев свободно вошел во двор, а его следы также замечались крупным мокрым мартовским снежком. После настойчивого и безуспешного звонка в дверь, он втянул носом холодный воздух, повернулся спиной к двери и оперся на нее. Он стоял и уставши смотрел, как из труб соседних домов валит дымок. Пнув напоследок пяткой по двери, он, не обернувшись надевал перчатки спускаясь по лестнице вниз, как вдруг услышал за спиной женский голос:

– Что хотели?

Яковлев выронил из-под мышки папку.

– Доброе утро, здесь проживает Марков Олег Валерьевич? Я следователь Яковлев, – сказал он щурясь от летевшего в глаза крупного снега.

– Проходите, – сказала Жанна.

Яковлев быстро подобрал папку, и обтопав на пороге ноги от налипшего на подошвы снега вошел в дом. Обсматривая богатое убранство дома, он не забывал посматривать и на его хозяйку.

– Олега Валерьевича дома нет. В данный момент у него слушание, – быстрым темпом, сухо, через губу сказала Жанна.

Яковлев таращился на хозяйку дома. Да, это была хозяйка, а не прислуга: высокая, по сравнению со своим му-

жем, стройная с вытянутым узким лицом и отчетливым треугольным подбородком, черноволосая как смоль женщина лет тридцати. Он смотрел на нее и силился вспомнить, где мог ее видеть.

– Желаете что-нибудь передать? – спросила Жанна, видя, как гость не сводит с нее глаз.

Она привыкла к таким взглядам, муж при удобном и неудобном случае говорил ей, что визитеры приходят в их дом только чтобы поглазеть на красавицу Жанну.

– Да-а, – опомнившись протянул следователь, снимая промокшую куртку. – Я хотел бы побеседовать с Кристиной Олеговной, если есть такая возможность.

– Она здесь больше не проживает, – грубо ответила Жанна, обратив внимание на лейтенантские погоны.

– И где же она сейчас проживает? – переспросил Яковлев.

– Я не обязана отвечать на ваши вопросы, – засуетившись ответила Жанна, увидев, как в зрачках у гостя зажегся хищный блеск.

– И все же, как я могу увидеть Кристину? – настаивал он.

– Сейчас она на лечении в санатории в Карловых Варах. Ваше любопытство удовлетворено? – раздраженно спросила Жанна.

– Не удовлетворено. Ну, да ладно. Всего доброго, – сказал Яковлев еще раз окинув взглядом дом и быстро засобиравшись на выход.

Здесь, вдалеке от центра зима не выглядела столь серой

и унылой, какой она была в главной городской черте. Сугробы не казались кучами бесформенного серого тряпья – обносками зимней природы. Они до конца, до полного таяния, хранили полную белейшую пухлость.

Снегопад утих. Яковлев вышел на трассу по направлению к автобусной остановке. Постояв часок другой на пустой остановке и ловя на себя грязь из-под колес пролетавших мимо машин, он начал понимать, что уехать отсюда будет не так-то просто. Ни маршруток, ни автобусов мимо не проходило.

– Пешком бы уже давно в городе был – кряхтел Яковлев, пиная лужи.

Стоило ему отойти от остановки, как сзади к нему подкралась выехавшая из поселка машина. Медленно, так чтобы не обрызгать человека машина шла вровень с Яковлевым. Как только он обратил на машину внимание, тонированное стекло тут же опустилось.

– Давно ждете? – поинтересовался водитель, зная, как редко ходит до города общественный транспорт.

– Давно, – в пол улыбки ответил Яковлев.

– Садитесь, подвезу до города. Вы ведь в город собрались? – убавляя громкость радио, говорил он.

– Можно, – с недоверием согласился Яковлев.

– К нам если кто и приезжает, так то на электричке. Дачники в основном. А Вы? Какими судьбами к нам? Москвич? – включив для продрогшего пассажира печку и широко

улыбнувшись спросил водитель.

– Эм-м, нет. Я с Сибири. Приехал к дядьке, да его дома не оказалось, – ответил Яковлев, пристегнувшись ремнем.

От долгих и непродуктивных раздумий, у него начала развиваться паранойя. Видя во всем заговор и подвох, он сел в из неоткуда появившийся автомобиль и представился разгневочивому водителю не своим именем.

– И кто у нас дядька? Я коренной, всех здесь знаю, – любопытствовал водитель.

– Марковы мы, – поняв, что водитель так просто не отстанет со своими вопросами, Яковлев отвечал, сочиняя на ходу.

– О-о-о, – протянул водитель. – Так ты племянник Олежки? Так он ж однокашник мой. А ты, небось по стопам пошел? – с облегчением сказал водитель и сразу перешел на ты.

– Да, – коротко ответил Яковлев. – Закурю?

– Кури конечно.

Яковлев достал из папки зажигалку, что была подарена ему Кристиной, долго смотрел на нее, прикурил, а потом и совсем загрустил. Водитель приоткрыл окно. Шум от ветра и слякотной дороги просачивался в салон.

– Ну дела! – добродушно удивлялся водитель. – Где остановился? Гляжу, Жанке ты не слишком по душе пришелся. Вот Иринка была, то Ангел во плоти. А эта... ай, – сказал водитель отмахнувшись.

Яковлев молча выкуривал свою сигарету. Водитель замолчал, выразительно посмотрел на попутчика, будто ожи-

дая какой-то особой реакции, подтверждения своим словам. Яковлев, заметив на себе пристальный взгляд водителя кивнул головой.

– Значит ты тоже в органах?

Яковлев снова кивнул в ответ.

– Хорошо это, – сказал водитель, закрывая окно. – Валерий Алексаныч, дед твой, грамотным сыщиком был. Уж сколько нет его, а многие по сей день добрым словом поминуют.

– Мне бы с сестрой повидаться, – жаловался Яковлев. – Звонил, не отвечает.

– Кристинка что ль?

– Она.

– Хороша девка. Машина в гараже стоит. Сейчас мимо проезжал, ворота нараспахень, дома должна быть.

Яковлев задумался. Но не подал вида. Его подмывало расспросить о жене судьи, подмывало рассказать о подробностях разговора с ней, но он остановил себя: зачем? И этот будет переживать за Кристину. Он ехал и все думал, где мог видеть Жанну.

Машина завернула на заправку.

– Кажется мы застрянем здесь, – говорил водитель, выкручивая руль. – Резервуары заполняют.

Припарковавшись на стоянке, водитель сделал радио громче, а сам вышел узнать у заправщика, как долго им придется ждать чтобы заправиться. Яковлев, пригревшись,

заснул. За окном слышался неразборчивый бубнеж. Яковлев очнулся. Он не понимал сколько времени проспал, а в мокрое от капель стекло стучал знакомый патрульный. Яковлев, выключив радио и отстегнув ремень безопасности вращал головой, чтобы размять мышцы шеи.

– Не кури, дурак что ли, – сказал ппсник, вышедшему из авто Яковлеву с сигаретой в зубах.

– Время сколько? – спрашивал он патрульного.

– Шестой час.

Яковлев оббегал глазами заправку, но водителя нигде не было. Машины свободно заправлялись.

– Подкинешь? – спросил следователь.

– Садись.

Яковлев забрал из машины папку и пересел к патрульным.

На следующий день до Яковлева дошел слух, что машина, в которой его застали патрульные – машина прокурорского следователя, который был найден мертвым тем же днем в туалете заправки.

Глава 4

Милиция стала полицией, отделение превратилось в отдел, а Яковлеву дали капитана за выслугу. Уже не только в Подмосковье пропадали граждане ближнего зарубежья, но и в самой Москве участились случаи пропажи.

– А, капитан, заходи, – грозно сказал начальник отдела увидев Яковлева в гражданской одежде. – Почему опять в гражданке? Приказ был, всем получить новую форму.

Начальник помолчал, собираясь с мыслями и припоминая, зачем же вызывал Яковлева.

– Впрочем, сегодня она тебе не понадобится.

Яковлев выдохнул.

Порядком разочаровавшись в службе, он принципиально не надевал новую форму полиции, искренне считая, что реформа не принесет никаких перемен.

– Парень ты надежный, проверенный. Не в службу, а в дружбу, покатайся сегодня с операми нашими, узнай, какие настроения гуляют в отделении... ах ты дьявол... в отделе. Кто чем дышит..., – подойдя вплотную к капитану говорил начальник. – Мне нужен свой человек, понимаешь? Их нач новый, без году неделя, а уже порядки свои наводит.

– Недопонял, – возмущенно сказал Яковлев.

– Но, чего набычился, – зыкнул начальник.

От напряжения у Яковлева на переносице выступила глу-

бокая вертикальная морщина. Прежде чем дать начальнику ответ, он стоял и вспоминал как тот два года тому назад отдал следователю приказ, чтобы все принятые им заявления от родственников о пропаже передавались лично начальнику. Тема о пропаже лиц азиатской национальности в отделе была под запретом. Отдел задыхался, пачками получая ориентировки и заявления о пропаже людей, в основном это были молодые мужчины от двадцати до сорока лет. Яковлев был возмущен бездействием и равнодушием коллег. Всякий раз заикаясь об этом на планерке, начальник пресекал домыслы следователя, говоря, что этим делом занимаются наверху. Куратором специально созданной группы о серии пропаж граждан ближнего зарубежья был следователь прокуратуры, тот самый следователь, который подобрал Яковлева на дороге.

После убийства прокурорского следователя на заправке, Яковлеву лишь единожды было предупреждение, чтобы он не совался в дело о пропажах. Никто не дознавался у него, как Яковлев оказался в машине прокурорского следователя в тот день, о чем велся разговор, похоже никто не был в курсе этого. Ничего. Никаких допросов. Легко отделался. (Спустя некоторое время, Яковлев узнает от хорошего знакомого коллеги о том, что из машины прокурорского следователя был изъят видеорегистратор, на котором был записан его разговор с Яковлевым. Те, кто занимался расследованием убийства следователя, услышав на записи фамилию судьи

Маркова, и то, что в тот день его племянник был в машине следователя, закроют дело за отсутствием состава). Яковлев был уверен, что начальник тоже замешан во всем этом деле, и хочет таким образом избавиться от него, как избавился от бывшего начальника криминальной милиции. Яковлев продолжал вести свое маленькое расследование.

– Через полгода, глядишь и начальником следствия станешь, – видя колебания Яковлева сказал начальник. – Дела текущие, передашь капитану Дубкову.

Быть стукачом (чего явно хотел от него начальник) он и не собирался. Зато времени прибавиться, размышлял про себя Яковлев.

– Добро, – подумав, коротко ответил Яковлев.

Ни через месяц, ни через полгода Кристина так и не вернулась домой. Теперь он четко понимал, о чем она пыталась сказать ему тогда, на допросе. Как ее отец может быть причастен к пропаже и убийствам людей?

– Если бы только увидеться с ней, – говорил он каждый раз, перебирая свои наработки.

Появлению следователя Яковлева оперативники рады не были. Опер и следак – две противоположные друг другу стихии. Но что поделаешь, ведь приказы не обсуждаются. На удивление следователь быстро вошел в оперскую колею. На вызовах было спокойно. Ничего из ряда вон. Типичная бытовуха.

Каждое утро отдел расшевеливался как потревоженный

муравейник. Следователь Яковлев стоял во дворе отдела после ночного дежурства, докуривая сигарету и ожидая своего напарника оперативника Сергея.

– Что Капитан, разжаловали тебя? – подкалывали проходящие мимо знакомые патрульные.

Яковлев, улыбаясь кивал головой.

– Серегу ждешь? – спросил патрульный.

Яковлев, выдохнув дым вновь кивнул.

– Здорово наверно вы вчера погуляли, – хихикнул ппсник.

– О чем ты? Я с дежурства только.

– Да ладно тебе, у Сереги вон, морда, разукрашенная. Красавец. Не могли пятницы дожждаться?

– Адрес? – коротко спросил Яковлев.

– Да ты чего, в моем подъезде на втором справа.

– Подбросишь? – затушив о перила бычок спросил Яковлев.

– Только отмечусь, – ответил ппсник.

Опер долго не открывал. Звонок был вырван с корнем, и Яковлев со всей мочи тарабанил в деревянную дверь. Наконец открыла сожительница. Яковлев прошел по узкому коридору на кухню и увидел напарника. Лицо его в действительности, как и говорил патрульный было «разукрашено». От Сергея несло перегаром.

– Рассказывай, – подставив рядом табурет, сказал Яковлев.

– Вон пошла! – прикрикнул Сергей на любопытную сожигательницу. – Что рассказывать?

– Кто тебя так? – спрашивал Яковлев.

– Не имеет значения, – ленно натягивая на себя растянутую майку ответил он.

– Рассказывай, может помочь смогу. Не дело это, когда вот так запросто мента можно тронуть, – говорил разъярённый Яковлев. – Свои?

– Нет.

Сергей тянул с рассказом, ему хотелось излить душу, но он не знал с чего начать.

– Ну, давай же!

– За городом как с моста кривого съезжаешь, лесок есть, знаешь? – начал он.

– Ну.

– Там если с другого конца заехать, от болотца, дом для душевно больных стоит, психушка по-нашему.

– Не знаю такой.

Яковлев весь превратился в слух.

– При совке это был дом для умалишенных. Предполагалось, что там лечат душевнобольных, но в действительности об этих несчастных никто не заботится, они заброшены и предоставлены сами себе. С ними обращаются как с животными. Кто эти люди, чем они занимались до того, как попали сюда, – никто не знает. Наш нач бывший, оказывал им услуги по защите, – мялся Сергей.

– Крышевал что ли? – сразу поняв в чем дело, спросил Яковлев.

– Правильно понял. Там не совсем всё законно, в общем. Нача нашего снесли, а в курсе его дел с крышей этой психушки, из действующих оперов, был только я. Пару раз я с ним ездил. По старой памяти наведалься туда позавчера. Бабки нужны позарез, мать в Твери больная. И у них нач сменился. Я бы к старому и не пошел. Отморозок тот ещё. Его закрыли недавно. Говорят, сам Марков закрыл. Давай напьемся? – предложил Сергей.

Яковлев еще больше насторожился, услышав до боли знакомую фамилию.

– Нет, не слышал об этом. Это ведь даже не наша земля. За что закрыли то?

– Как бы помягче выразиться... Главврач той психушки теток из женского отделения в аренду сдавал извращенцам разным. Ну и видимо стуканули на него. А мой нач с этого имел свой интерес, – разливая водку по рюмкам, говорил он. – Закрыли, разумеется, не за это. Его убрали с должности по тихой, а потом с весом на кармане взяли. Все дела какие по наркоте проходили, всё на него повесили.

– Это новый тебя так отделал? – спросил Яковлев, аккуратно отодвинув от себя рюмку.

– Охранник дедок, – потупив взгляд, отвечал Сергей.

– Один? Правильно сделал, чтобы не повадно было, – удивившись заключил Яковлев.

– Ты же сказал, что поможешь мне.

– Чем я тебе помогу? Сам виноват. Развели в отделе черт знает что! – говорил почти взбешенный Яковлев.

– Прикрой меня в отделе, а? Куда я с такой рожей?

– До понедельника приведи себя в порядок. Завязывай бухать. А вообще... Лучше расскажи подробнее об этой психушке.

– Зачем тебе? Только не говори сейчас, что мстить поедешь, – напугано говорил Сергей.

– Ментов трогать никому не позволено, но, если мент сам виноват... Просто скатаюсь, посмотрю, что там за дом такой.

– Не надо тебе туда. Потом проблем не оберешься. Это не просто психушка. О ней даже не каждому менту известно, а уж гражданскому подавно, – трезвея говорил он.

– Не волнуйся за меня. Просто объясни, как добраться до туда.

– Ладно, бери мою колымагу, доверенность в бардачке, если что вдруг, скидывай ее смело, она на другого человека оформлена концов не найдешь, – сказал Сергей, потянувшись на полку за ключами от машины. – Прошу тебя, никому не трепись, – дав Яковлеву ключи и крепко сжав его ладонь просил напуганный Сергей.

Яковлев молча посмотрел на напарника, встал и ушел. Дверь громко хлопнула от сквозняка.

Старушки, сидящие у подъезда на лавочке, вежливо здоровались с капитаном Яковлевым.

– Без формы вас и не узнать, товарищ старший лейтенант, – приговаривали они.

– Капитан, теперь я капитан, – говорил он им в ответ.

Старушки ахали, радуясь за него, и каждая хотела обратиться к любимому следователю со своими проблемами и неприятностями.

– Все в отдел, все в отдел, уважаемые, – говорил он, удаляясь от них, так, что они слышали обрывки его ответа.

Во дворе дома у мусорных баков стояла бирюзовая Нексия Сергея, облепленная мошкаррой. Яковлев не знал с какой стороны к ней подойти. После автокатастрофы, в которой погибли его родители, на том самом кривом мосту, когда он только поступил на юридический, он боялся машин как огня. Однако права получил, так, ради навыка. Постояв около машины, он сел за руль и наконец медленно тронулся. Хоть услышанная им фамилия из уст напарника была и крохотная, но все же это была зацепка. Он не узнавал себя. Спонтанно и необдуманно сорваться...

Обочина дороги за городом была утыкана кенотафами – могилами неизвестных водителей. У Яковлева защемило в груди, и он сбавил скорость.

День промчался, словно не было. Преодолев расстояние в шестьдесят километров от города, он заехал в лес по маршруту, который указал ему напарник. Долго кружа по неезженным тропинкам, вдалеке показался дом. Он подъехал по-

ближе. Масштабы леса поразили его. От желтого дореволюционного двухэтажного дома, именуемого психушкой, Яковлева отделял висячий дощатый мост метров в двадцать над болотцем. Он не решился выйти из машины и исследовать округу. Побоявшись возвращаться в ночи по трассе в город с разбитой фарой, и боясь заплутать в лесу, он принял решение заночевать прямо в машине, убрав на всякий случай табельный пистолет, который забыл сдать утром после дежурства, в бардачок, а с собой взял «левый» пистолет...

Толстая пихта, словно нехотя, через усталость, сквозь бремя тяжких годин и испытаний, тихо скрипнула, потянулась всем телом навстречу утреннему солнцу и неожиданно повалилась, повалилась набок и рухнула всем усталым телом, ломая кустарник и подлесок, не в силах более поддерживать вертикальную свою старость. Тот час же стала отставать и местами отслаиваться кора, оборвался и провис многолетний мох и на изломе стало видно, что она долго болела, и древесина ее просто прогнила. Продолжая содрогаться от падения, она словно бы облегченно вздохнула и успокоилась.

Так все живое устает жить и уже не мил ему белый свет, не радуют молодые побеги. Ему просто хочется лечь и уснуть. Навсегда.

Кто сказал, что человек должен или может жить столетиями? А, впрочем, какая разница!?! Во-первых, человек устает, когда познает собственную сущность, а во-вторых, кому нужна проблема перенаселения? Все, как в лесу! Даже мо-

лодой подлесок губит сам себя, чтобы проредиться и дать жизнь другим. Но тут уже вступает в силу естественный отбор. Это уже сама природа борется за выживание...

Поднялся он засветло, в сумерках раннего утра. Нащупав под сидением бутылку задохнувшейся минералки и попробовав ее на вкус, он, скривив лицо резко открыл дверь и сплюнул воду.

– Ну и гадость! – сказал он, вытирая воротом футболки рот.

Выйдя из машины, он потянулся во весь рост. Остатки воды вылил на облепленное следами от мошкеры и мух стекло. Включил дворники. Только размазал. Из-за слоя белесой пыли нельзя было различить ни цвета, ни номерного знака.

Закрыв машину, Яковлев подошел к мосту, достал из кармана джинсов помятую сигарету и закурил. Сделав первый шаг, мост зашатался. Яковлев, ругнувшись, схватился за веревку, служившую перилами. Он смотрел по сторонам, ища другой способ перебраться через болотце. Болотце сплошь заросло дурным травостоем. Но единственной дорогой к желтому дому был висячий мост. Насмелившись, он пробрался по мосту приставным шагом.

Высокий, ненадежный забор из сетки рабицы окружал сам дом и современную одноэтажную пристройку. Увидев следы от грузовой машины на дороге за висячим мостом, он понял, что заехать в лес можно было и с другой стороны.

– Чья-то бывшая усадьба, – сказал Яковлев, закинув го-

лову назад, оглядывая высокие заколоченные окна второго этажа дома.

– Барская заброшка, – раздался низкий с хрипотцой мужской голос за спиной Яковлева.

Яковлев остался стоять как стоял. Правая рука медленно потянулась к поясу под футболкой, в котором был запрятан пистолет. Мужчина понял, что собирается сделать гость. Грызая ягоды, по-видимому, нарванные с кустов, растущих около дома, он спокойно обошел Яковлева.

– Заплутали? – спросил он Яковлева.

Яковлев, увидев перед собой низкорослого старика расслабился.

– Нет. Я по поручению Олега Валерьевича.

Лысый, чересчур морщинистый старик с торчащими из ушей и носа волосами и беззубым ртом, прищурившись, с подозрением смотрел на Яковлева. Яковлев смотрел на старика.

– Говорят у вас тут гости незваные завелись, – уверенно говорил Яковлев.

– Странно, мы не сообщали еще. А сам Олег Валерьевич? Мы его вчера ждали, – вздохнув сказал старик.

Яковлев убрал с пояса руку. Попал в точку. Легенда сработала. Старик поверил ему.

– Занят, – взволнованно сказал Яковлев.

– Идемте, – сказал старик.

На охранника он похож не был. Скорее на обывателя этих

стен. У Яковлева дух захватило. Сергей не смог справиться с этим стариком? Неужели Кристина может находиться здесь, в этом доме? А что, если отец держит дочь в психбольнице?

Они вошли в холодный холл. Два крупных охранника, вооруженные дубинками боролись на руках, но как увидели постороннего тут же подпрыгнули со своих мест.

– Отбой, парни, – сказал старик.

Охранники, вылупившись на гостя, медленно опустились на свои места.

– Никогда такого не случалось, чтобы Олег вместо себя присылал человека, – протягивая Яковлеву миску с ягодами говорил старик.

– Занят сильно, – трухнув, увидев зоновские наколки на пальцах старика отвечал Яковлев, взяв ягоды.

– Ну да Бог с ним. Начальство еще вчера после обеда разъехалось на выходные, а вот санитар не сменился еще с дежурства, он вам расскажет, что да как, – сказал старик, хлопнув Яковлева по спине.

Яковлев оглянулся вослед старику, но тот, как будто испарился в длинном коридоре.

– Следуйте за мной, – сказал санитар.

Яковлев поставил миску на первую попавшуюся поверхность и пошел, догоняя санитаря. С деловитой быстротой он направлял свой взгляд в комнаты, должно быть служившие палатами. Повсюду, как гирлянда была расклеена липкая лента для мух. Помещение внутри дома не сильно бы-

ло похоже на обычную больницу. Только высокой панелью стен коридора, окрашенного в оливковый цвет. Санитар завел Яковлева в процедурный кабинет.

– Давно работаешь здесь? – не зная с чего начать, спросил Яковлев.

Санитар, открыв шкаф, медленно и нервно снимал с себя халат.

– Две недели, – уклончиво отвечал он.

– Ты куда сейчас?

Санитар выронил плечик из рук, на который собирался повесить свой халат.

– Послушайте, я понятия не имею кто позавчера приходил к нам и что произошло, – вдруг осердился санитар.

– Не бойсь, я тебе допрос не устраиваю. Я знаю, что машина с персоналом уехала. Как добираться планируешь? Могу подбросить.

– Спасибо, не нужно.

– Странное у тебя дежурство, – заметил Яковлев. – Дежурил подряд двое суток?

– Да, нехватка персонала, – ответил он.

Санитар молча смотрел на Яковлева.

– Хорошо, – сказал Яковлев, показав удостоверение следователя. – Скажу по секрету, я веду маленькое расследование. Я в курсе дел вашего бывшего начальника и не удивлюсь, если ночью ты не дежурство нёс, а зависал в женском отделении.

Санитар виновато и быстро опустил глаза.

– Бывший начальник за решеткой, а дело его живет. Я морали сейчас не касаюсь. Я говорю о более серьезных вещах. Будешь молчать обо мне, а я буду молчать о твоём поведении, – говорил Яковлев.

Санитар махнул головой и закусив губу дал согласие.

– Как вы поняли, что меня не было на посту? – робко интересовался санитар.

– Потому как зеленый, застенчивый. С бабами категорически не клеится. Тебе сейчас любая сойдет.

Яковлев каждым своим словом вгонял молодого парнишку в краску.

– Проведи меня в женское отделение.

– Да вы что? Мне замечание сделали, а сами... – перебил его санитар.

– Дослушай. Я ищу одну девушку, – тихим голосом произнес Яковлев.

– Я не могу водить вас по палатам. Посторонним у нас вход строго воспрещен.

– Если эта девушка находится здесь, то она в большой опасности.

– В опасности? Фотка есть девушки?

– Фотка? – Яковлев задумался. Нет, фото ее у меня нет. Такая знаешь, светловолосая, худощавого телосложения, невысокого роста, двадцати трех-пяти лет. Красивая, – засмутился Яковлев.

– Нет, таких точно нет. У нас в основном зрелые дамы лечатся, – оскалился санитар.

Яковлев паниковал. Неужели он ошибся?

– Уверен? А карты медицинские можешь достать?

– Вы слишком многого просите. Меня за это не то, что по головке не погладят, а вообще турнут. Да вы хоть знаете, как сюда непросто попасть, – поморщившись сказал санитар.

Яковлев отчаявшись плюхнулся на кушетку.

– Тогда сведи меня с тем, кто сможет помочь. Сколько на выходных персонала остается?

– На выходные обычно дед дежурит, тот, который вас привел. И дежурный санитар.

– Пара охранников на входе. Еще есть?

– Нет, только они. Что вы собираетесь делать? – тревожно спрашивал санитар.

– Пока не знаю.

– Ах да, сейчас больных поведут в загон на прогулку, – глянув на настенные часы вспомнил санитар. – Это за домом, что-то типа территории для выгула. Там можете поискать свою больную. Только прошу вас, со стороны.

– Идёт, – сказал Яковлев.

Пока санитар отвлекся на вошедшего в кабинет второго санитара, Яковлев стащил белый халат из открытого шкафа и засунул себе под футболку.

– Пойдемте со мной, – скомандовал санитар.

Яковлев, сложив руки на груди пряча халат вышел из про-

цедурной. Он посмотрел на место у входа, где сидели два бугая, но охранников на месте не было. Санитар подвел Яковлева к эркерному окну¹¹.

– Стойте здесь и никуда не уходите. Пациентов скоро выведут на прогулку, – пытаюсь скорее отвязаться от назойливого гостя, сказал санитар.

Из окна ничего, кроме необъятных человеку стволов, судя по всему, многовековых деревьев видно не было. Ожидая, он нервничал, когда же в окне меж стволов замаячат пациенты. Но никто не появлялся.

– Парни, бери его, – на весь коридор раздался низкий старческий голос. Яковлев не успел оглянуться как двое охранников схватили его за ноги, повалили на пол и закрутили руки.

– Вы че творите! – взбесился Яковлев, лежа лицом на холодном полу.

Охранники не церемонились. Один из них вытащил у Яковлева из заднего кармана джинсов удостоверение.

– Ты кто такой, сука? – сказал дед, держа в руках удостоверение следователя.

– Я же сказал, я от Маркова.

– Да что ты говоришь, – ощерившись сказал дед. – Я токмо что говорил с Олегом. Никого он к нам не присылал вместо себя.

---

¹¹ Эркерные окна – это такие изделия, которые выступают за плоскость фасада здания.

– Я капитан полиции, отпустите меня немедленно, – просил Яковлев. – У вас будут проблемы.

– Отпустить говоришь? – сказал дед. – Нет уж, в подвал его, парни. Тебя сюда никто не звал. Олег придет в понедельник, пусть сам разбирается с тобой.

– Может его «того»? – предложил один из охранников.

– Ты что, душегуб? Мешок ему на голову и в подвал. Выполнять! Олег оценит.

Как Яковлев ни брыкался, охраннику удалось надеть ему на голову черный пакет.

– Ах ты еще и воришка? – сказал дед, увидев выпавший халат из-под футболки Яковлева, когда охранники подняли его на ноги.

Пинали его не сильно. Скорее, так себе, просто чтобы место знал, мент. Морду, конечно, разукрасили, ребра побили, да скулу немного помяли. Жаль только, что зуб выбили. Не столько больно, сколько обидно.

Яковлев очнулся в полутемном подвальном помещении, судя по количеству труб это была бойлерная. Повздыхал, поругался в полголоса и попытался встать. Тело ныло от ушибов. Теперь он был уверен, что идет по правильному следу.

– Документы... – сокрушенно произнес он, ошупав себя и не найдя своего удостоверения.

Покрутив головой, он обратил внимание на поблескивающую полупустую пятилитровую бутылку у двери. Мучимый жаждой, он подполз к двери, скрутил крышку и понюхал во-

ду. Взяв бутылку в обе руки, он начал жадно глотать воду из нее. Прорывав, он облил себя остатками воды. Ранка на лице сильно пощипывала.

– Восемь окон с одной стороны, восемь с другой. Два этажа, получается около тридцати палат, – бормотал он. – Один вход... Нет, должен быть еще один.

Вдруг он замолчал, услышав движения за дверью.

Между тем, наверху произошло событие, напрямую связанное с дальнейшей судьбой Яковлева. Ранним утром понедельника, чуть свет, как и было обещано, в желтый дом приехал сам судья Марков. Охранник-дед, надеялся на похвалу от Олега за поимку самозванца. Но Марков был в своем неумолимо грозном настроении.

– Два нападения на объект за неделю! Где чертов главврач? – вне себя от ярости кричал судья.

– Олег успокойся, одного мы поймали. Можем сейчас же спуститься в подвал, и ты лично его накажешь. Смотри что у меня есть, – уговаривал дед, показывая судье удостоверение капитана.

– Ты в своем уме? Опять на зону захотел? Ты хоть понимаешь, дурья твоя башка, что меня никто не должен видеть? А ты мне предлагаешь встретиться с ментом лицом к лицу?

– Но ведь он назвал твое имя.

– Выяснил что ему надо?

– Нет, мы подумали... что ты сам у него спросишь.

– Идиоты! Так, – разгневанно говорил судья, – Я поехал,

охрану усилию по возможности.

– А мент? – говорил испуганный дед.

– Помогите ему бежать. Или вколите что-нибудь, и выведите отсюда на хрен. Пока работу прекращаем. Надо разобратся с налетами. И помалкивайте про меня.

Разозленный судья поспешил уехать в город. Дед-охранник был настолько зол и напуган визитом Маркова, что со всей дури сорвался на своих двух охранниках. Мат стоял на весь дом.

– На зону он меня вернуть захотел, – сказал он, отдышавшись после драки с охранниками. – Значит так, план такой: снимите замок с двери подвала, пусть бежит мент. Надо успеть до приезда главного.

Охранники молча слушали деда.

– А ещё лучше Изгою отдайте документы мента, пусть он его выпроводит отсюда через цоколь, пока сотрудники не прибыли. И так всех психов перебудили. Надо их успокоить.

– Сделаем.

Яковлеву не показалось. За дверью действительно кто-то шебуршал. Дальше случилось то, чего Яковлев ожидал меньше всего увидеть. Из-за двери показался бомжеватого вида мужчина. На вид ему было лет сорок. Неопрятно выросшая борода, космы волос на голове, говорили о том, что живет он здесь, в подвале не первый день.

– Вот так встреча! – воскликнул Яковлев, когда в подвал

вошел человек.

– Да, старлей, я и не поверил, когда фамилию твою увидел. Ты как здесь очутился? – спросил мужчина, включив в помещении свет.

– Я как? Да это ты как здесь? Тебе еще сидеть и сидеть, – говорил озадаченный Яковлев, выйдя из-за трубы и увидев бывшего коллегу и подследственного Черкашина.

– Держи, – отдав Яковлеву его удостоверение и зажигалку приветливо и смиренно сказал мужчина.

Это был Изгой, бывший сотрудник милиции. Яковлев недолго проработал с ним в одном отделении. Вскоре его осудили по обвинению в убийстве и жестокой расправе над своей женой. Прозвище свое получил от коллег, которые находились в немалом шоке от произошедшего и полном отторжении его как человека.

Яковлев, проверив свое удостоверение, убрал его в задний карман джинсов.

– Я уже капитан. Ствол где?

Изгой молчал. А Яковлев понял, что оружие назад ему не получить. Благо пистолет был левый.

– Ладно, Игорь, не отвечай. Лучше помоги мне отсюда выбраться, – просил уставший, изможденный Яковлев.

– Я за этим и пришел сюда, – смиренно говорил Изгой.

Он был рад встрече со следователем, хоть коллеги и отвернулись от него и распускали ложные слухи о нем, все же он как ни в ком другом видел в Яковлеве человечность.

– А вышел я по УДО.¹²

– Время не подскажешь? – спросил Яковлев.

– Эх, юноша, нет никакого времени. Это человек удумал, чтобы, значит, разделить да разложить все по полочкам. Сам себя в рамки загнал. А времени нет, – отвечал ему Изгой.

– Слушай, я вот не перестаю удивляться, как урки после отсидки такими философами становятся? – сказал Яковлев. – Ведь это только название «исправительная», но кого, когда наши колонии исправляли?

– Не урка я, – как бы оскорбившись возразил Изгой. – Даже если мне придется сейчас бок-о-бок работать с урками, я все равно остаюсь ментом.

– Бывшим ментом, – настаивал Яковлев.

– Бывших ментов не бывает. Я всю жизнь был ментом еще при той власти, ментом и умру.

Яковлев ничего не ответил, только посмотрел на бывшего коллегу своим глубоким, вдумчивым взглядом. Изгой включил фонарик. Он повел Яковлева по подземному лазу. От самого входа тянулась вдоль стены череда крупных камней. Они огибали всю пещеру. Они подошли к люку, заставленному пустыми картонными коробками от лекарств. Расчистив люк от коробок, Изгой открыл крышку.

– Лезь, – сказал он следователю.

– А вот сейчас у меня еще больше вопросов назревает, – непонимающе говорил Яковлев. – Как тебя на воле найти?

---

¹² УДО (аббревиатура) – Условно-досрочное освобождение.

– Никак. Лес мой дом теперь, – отвечал Изгой.

– Я девушку ищу одну, – напоследок сказал Яковлев. – Светловолосая, худощавого телосложения, невысокого роста, двадцати трех-пяти лет. Я не буду дознаваться у тебя обо всей этой белиберде, которую я успел увидеть за короткое время пребывания здесь, просто ответь, есть тут у вас такая или нет?

Изгой всем своим видом показал, что понял кого имеет в виду Яковлев.

– Да, она здесь.

– Уверен? Взволнованно говорил Яковлев. Кристина, ее зовут Кристина.

– Да. Уходи, больше ничего не скажу. Я Олегу многим обязан, в частности тем, что имею сейчас. Ступай, и забудь обо всем что здесь увидел, – сказал Изгой, сжав пальцы щепотью, как для того, чтобы крест сотворить.

– Слушай, не в службу..., передай девчонке. Просто передай, – сказал Яковлев повиснув на лестнице и протянув Изгою зажигалку, которую подарила ему Кристина.

Яковлев поднялся наверх из подвала и нехотя закрыл за собой тяжелую крышку люка, поросшую мхом. Вечерело. В лесу начало холодать после прошедшего недавно дождя. Переходить болотце ему не потребовалось. До машины было рукой подать. Заряд телефона, оставленного в машине, был на нуле. Ночевать в лесу ему больше не хотелось, и он переборов себя включил фары и заведя мотор тронулся с места.

***

– Дубок рвет и мечет! Ты где пропадал? – с порога набросившись на вошедшего в отдел Яковлева, спросил дежурный.

– Ай! – отмахнувшись от него рукой воскликнул следователь.

– Он требовал, чтобы, как только ты появишься в отделе, сразу к нему зашел, – сказал дежурный. – А еще к тебе наряд на адрес выехал, – крикнул он во след Яковлеву.

Яковлев на ходу оглянувшись махнул головой, решив сначала зайти к начальнику отдела. Он бесцеремонно ворвался в кабинет нач.отдела, а начальник по своему обыкновению даже не отчитал подчиненного за дерзость, чему Яковлев был удивлен; наоборот, начальник виновато смотрел по сторонам пряча глаза, боясь пересечься взглядами со следователем.

– Вызывали? – после долгой паузы спросил Яковлев.

– Да-да, проходи, – ответил начальник, зарывшись в бумагах.

– Может наконец-то скажите зачем вызывали? Служба ждет.

– Прости, но это указание сверху, – прося прощения, сказал начальник, громко бросив папки с делами на стол и ослабив галстук.

– Недопонял...

– А что я мог поделать? Приказ был, а если точнее по-

про-си-ли, – сквозь губу сказал нач. – И главное не простым переводом, а насовсем из органов.

– И кто попросил? – сунув кулаки в карманы ветровки, поняв, что хочет сказать ему начальник спросил Яковлев.

– Пиши по собственному, – сказал начальник. И можешь не дорабатывать.

– Не шути так со мной подпол¹³, – вынув руки из кармана и навалившись ими на стол сказал следователь. – Это Марков приказал тебе?

– Вот, возьми, – швырнув конверт на другой конец стола, где стоял Яковлев, сказал подполковник.

Яковлев взял в руки белый конверт и открыл его. В конверте лежало несколько стодолларовых купюр. На внутреннем клапане конверта была надпись: «У меня твои пальчики». Яковлева бросило в дрожь. Он понял, что речь идет о пистолете, который был изъят у него в лесу. Теперь он как это говорится «на крючке». Малейшее неправильное движение, и на него можно будет повесить все что угодно. Яковлев без сожаления вытащил деньги из конверта оставив их на столе, а конверт забрал с собой. Подполковник наблюдал за действиями капитана, но как только Яковлев посмотрел на него он тут же отвел от него взгляд и продолжил рыться в бумагах.

---

¹³ Подпол – подполковник. Здесь: звание начальника отдела.

Глава 5

Многие коллеги-опера только и ждали повода, чтобы предложить непьющему следователю компанию и разделить с ним его уход из полиции, но Яковлев предпочел заливать свое горе в гордом одиночестве. Теперь уже бывший капитан Яковлев сидел за стойкой бара ночного клуба, того самого клуба в котором часто отдыхала Кристина с друзьями.

– В адвокаты пойду, – лепетал Яковлев.

– Что? Не расслышал, – сказал бармен, дрыгаясь под громкую музыку, протирая салфеткой стакан.

– В адвокаты, говорю, пойду, – приподнявшись с места и облокотившись туловищем на стойку, крикнул он. – Повтори мне еще, – икнув и пододвинув пустую рюмку бармену, попросил Яковлев.

Бармен, улыбаясь, тряс головой в такт игравшей музыке, не обращая внимания на надравшегося клиента.

– Налей ему еще, – сквозь громкую музыку крикнула подвыпившая женщина, устроившись рядом с Яковлевым у бара.

Бармен тут же выполнил ее просьбу и налил Яковлеву водки.

– Эй, а я тебя знаю. Ты мачеха Кристины, – говорил пьяный Яковлев тыча пальцем в подсевшую к нему женщину.

После большого количества выпитого алкоголя, бурных

танцев и жалоб на жизнь, Яковлев сам не понял, как очутился в гостиничном номере.

– А как мы с тобой в одной постели-то оказались? – проснувшись утром спрашивал он незнакомую женщину застегивающую на спине молнию платья.

Жанна резко обернулась на голос.

– Вы? – спросил он, держась за больную голову. – Бля-я-ять... – обреченно протянул он, узнав жену судьи.

– А что так? – кокетливо спросила она. – Ночью ты по-другому пел.

– Не гони... не гоните, – говорил он, путаясь в словах. – Я в усмерть пьян был, у нас ничего с вами получиться не могло.

– Ты вчера пообещал, что сможешь мне помочь, ты помнишь? – долго не томя, перейдя к делу, заявила Жанна.

– Чем помочь? Не помню ни хрена, голова трещит по швам.

– Мне очень страшно... я боюсь, что скоро меня убьют.

Яковлев внимательно смотрел на Жанну и все что она ему рассказывала он слышал впервые.

– Вероятно я еще не проснулся. Извините конечно, но вчера вы точно ни о чем таком мне не рассказывали, – в легком замешательстве от услышанного, перебив Жанну, сказал он.

– Само собой. О таких вещах надо на трезвую рассуждать. Давай уже перейдем на ты, – предложила она.

Яковлев глубоко и озадаченно вздохнул.

– После проведенной с вами ночи мне теперь самому помощь понадобится, – прямо сказал он, вспомнив, наводящий ужас, взгляд судьи.

– Если ты поможешь мне, Олег ничего не узнает; ну а если откажешь, узнают все.

Яковлев, вставая с кровати забористо матерился.

– Ты совсем пить не умеешь, а еще мент называется, – подтрунивала над ним Жанна.

– Я и не пью. Говорят, примета есть, если звезду не обмыть, то вскоре ее лишишься. Работает. Отвернитесь, я оденусь.

– Да пожалуйста, – поджав губы сказала она.

– Мало мне проблем с Марковым, еще и это теперь..., – одеваясь ворчал он.

– Да не ссы ты, поможешь мне, и я тебе может однажды пригожусь. К тому же ты вчера про адвокатуру заикался. И да, не было у нас ничего с тобой, выдыхай, – пожалев парня быстрым грудным низким голосом сказала Жанна.

– Зачем это все? – спрашивал он.

– Мне помощь нужна, ты хороший, я вижу, ведь не случайно ты мне вчера попался, – уже не веселясь говорила она. – Мне известно обо всех ручных ментах моего мужа, и тебя в том списке нет, а значит тебе можно доверить мой секрет.

– Это шантаж. И вообще раз вас убить хотят, как вы говорите, обратитесь за помощью к супругу.

– Так он и планирует это сделать.

У Яковлева на джинсах оторвалась пуговица и запрыгала на полу.

– Стоп, стоп, стоп, слишком много информации. Где-то я уже это слышал, – вспомнив о Кристине сказал он. – Я всегда считал судью Маркова идеальным примером правосудия. Он столько отморозей пересажал. И мне совсем, даже после всего того, что за последнее время произошло, не хочется верить, что он на нечто подобное способен.

– Сядь и просто выслушай меня, – хлопнув ладонью по кровати, призывая Яковлева сесть прикрикнула она. – А кто вчера орал на весь клуб что расправится с Марковым? Я что ли? Кто приходил к нам в дом и интересовался Кристиной?

Он взял со стола пол-литровую бутылку воды и разом осушил ее.

– Предположим... сегодня вы не ночевали дома и как у любого здравомыслящего мужчины у него к вам появятся вопросы, – сказал он, сев на ручку кресла, стоявшего напротив кровати.

– А, не переживай, он на охоту укатил с прокурором, завтра к вечеру заявится, – хлопнув в ладоши, улыбаясь, сказала она. – У него если какая задница приключается на работе, он берет ружье и едет выпустить пар. Я же тоже в ментовке начинала следачкой, – сменив тему сказала Жанна. – Да-да, не удивляйся. Только вот на жалование ментовское ноги протянешь. А тут меня мой бывший начальничек следствия

в карты проиграл своему другу, только начавшему свою карьеру судьи. Олежек меня как увидел, так и забрал к себе в секретарши, а потом и в дом. Конец девяностых... и такой подъем у меня, все друзья-знакомые завидовали черной завистью.

– Понятно теперь, где я вас видел, – вспоминая говорил Яковлев.

Жанна закурила. Яковлев поднес ей пепельницу.

– Зажила я припеваючи, даже какие-то чувства появились к нему. Детей он больше иметь не собирался, да и мне тогда особо не хотелось, это было его условием. Как раз жена от него сбежала, но с девчонкой, дочкой его никак нас мир не брал. Я в ее воспитание даже не вмешивалась, она уже сформировалась, лезть было бесполезно. Мать ее бросила, а мне и подавно ее воспитание не сдалось. Меня вон тетка родная воспитывала, так она все причитала: «Родить надо, ребенок совместный, а то вышвырнет тебя, и с голой жопой останешься»... Ладно, хоть фамилию свою дал. А Криська, она хоть и дурная, но добрая. Повезло, укатила в Европу и в ус не дует... А меня Олежек так никуда и не свозил. Но не суть. Он как с этим обществом элитарным связался, совсем с катушек слетел.

Яковлев смущенно прятал взгляд от эффектной женщины переводя глаза с потолка на окно.

– С каким обществом?

– Да кто их знает, то ли высшее московское общество, то

ли орден какой-то, в общем не знаю, он все грезил туда попасть, они ему раз в месяц задания присылали в конверте, он вроде как все выполнял, но так и не принимали они его почему-то. Но главное не это, главное то, что он дома почти не появлялся, скрытным стал и мне внимание уделять перестал. Я начала выяснять, может бабу завел на стороне. Секретарь у него пожилая женщина, значит этот вариант отпадает. Проследить-то за ним почти невозможно. Замок врезал на двери кабинета своего. Я у домработницы ключики сперла и стол его прошерстила.

– И? – спросил он, подойдя к окну и одернув шторы, впус- тив в комнату свет.

– Что и? – передразнив Яковлева, сказала она. – И ока- залось, что меня нет нигде, а точнее у меня нет ничего, мо- жешь представить?

– Имеете ввиду недвижимость?

– Именно.

– Знаете, что, это уже ваши личные дела. Вполне возмож- но, что он все оставит своей дочери и это будет справедли- во, – не зная, как правильно реагировать на это, сказал он.

– Да что ты говоришь, справедливо... Но на Криське тоже ничего не висит. Понятно, что она единственная наследница и все такое, но в завещании о ней нет ни строчки. Так-то. Я сначала подумала, что это он ее так наказал за то, что она с прессой связалась и на отца ушат помоев вылила, хорошо у Олежака все везде подвязано, вовремя пресекли, а то с ме-

стом попросился бы на раз-два.

– Это когда было? – интересовался Яковлев.

– Около года назад, – забежав зрчками ответила Жанна.

Яковлев, оживившись попросил огня, чтобы закурить.

– Что было потом? Что она собиралась рассказать об отце? Как Кристина оказалась в Европе?

– Честно сказать, я до последнего была уверена, что Криська в санатории в Чехии. А когда я недавно ознакомилась с его завещанием, то поинтересовалась у Олега про дочку, как она да что с ней, а он ты представляешь, весь побледнел, наорал на меня ни с того ни с сего, сел в машину и уехал. Согласись, странное поведение. Я впервые зашла к ней в спальню, дневник найти, или записи какие. Знаешь, а мне она начала нравится. Хоть ее воспитанием ни Олег особо и уж я подавно не занимались. Кажется, она сама себя воспитала неплохо. У нее в спальне столько книг, пластинок крутых. Нашла ее электронный адрес, написала ей, но она не отвечает. Ясное дело, мы с ней не лучшие подруги, но ответить-то можно было бы. А еще я нашла в комодке ее паспорт. Как она без загранпаспорта могла улететь в Европу? Думаю, Олег скрывает что-то. И мне кажется, точнее я почти уверена, что Криська тогда правду говорила.

– А что конкретно она говорила?

– В последние дни перед отъездом, Олег из дома ее не выпускал. Она каким-то образом связалась с популярным местным газетчиком, и дала ему интервью. Разумеется, в тираж

ее бредни не пошли, Олегу сообщили, и он быстро среагировал. Но слухи начали распространяться среди его коллег. Он выставил Криську психически больной, всех убедил что займется ее лечением. Все ему конечно же поверили, старались посочувствовать. И я поверила в это. Ну она действительно вела себя неадекватно. Называла отца убийцей, маньяком и что он хочет ее убить.

Рассказ Жанны прервал телефонный звонок в номер. Жанна сняла трубку. Администратор напомнил о времени выселения из номера.

– Для чего было цирк устраивать? – спрашивал Яковлев.

– Что ты все заладил: «зачем» да «почему», не бросать же тебя было пьяного. Адрес твой мне не известен, пришлось сюда тащить, – отвечала она, суетясь в поиске совей сумочки. – Пойдем лучше в кафе, тут неподалеку неплохая кухня есть.

Яковлев скупно поблагодарил Жанну, но отказался от ее предложения.

– Давайте коротко. Какая помощь вам требуется? – частично поверив Жанне, уже в коридоре спрашивал он. – И давайте выйдем из гостиницы по очереди. Сначала вы, а потом я.

Жанна вопросительно посмотрела на него, но согласилась. Достав из сумочки записную книжку и ручку, она что-то писала, затем вырвала лист и сунула в ладонь Яковлеву.

– Пашковская Анна Леонидовна тысяча девятьсот два-

дцать восьмого года рождения? Что это? – вслух прочитав записку спросил Яковлев.

– Этой бабке мой дорогой муженек отписал все свое имущество. Я же говорю, он с этой сектой совсем с катушек слетел. Найди мне ее адрес, – ответила Жанна.

– Почему вы думаете, что это посторонний человек? Может это ваша родственница? Или его мать.

– Мать я его не видела никогда. Да, я рада не рада была, когда поняла, что у меня не будет свекрови.

– Насколько мне известно, – перейдя на шепот, увидев в коридоре людей, сказал он. – Насколько мне известно, в завещании должен быть указан и адрес.

– Да, но, по тому адресу, что в завещании написан, никто не живет, – беспокойно, также шепотом, сказала она. – Точнее там живет молодая семья, и ни о какой такой Пашковской они не слышали никогда. А это мой номерок, – перевернув бумажку, сказала Жанна. – Как узнаешь, звони.

Яковлев вышел из гостиницы пяти минутами позднее Жанны. Первое, о чем он подумал, так это о ее поведении. Она не была напугана, в ее голосе не звучало отчаяния. Может это ловушка от Маркова? Умолчав о том, где предположительно сейчас может находиться Кристина, он незамедлительно направился в бывший отдел что находится в соседнем квартале, чтобы узнать адрес женщины из записки. Может она прольет свет на ситуацию с Кристиной. По дороге он по-

звонил оперу Сергею, попросив его выйти за ворота отдела.

В будке охраны у ворот отдела сидел безбородый старик в накинутом на плечи бушлате. Он энергично задвигал плечами, заметив бывшего следователя Яковлева, выжидательно и с хитрецей смотря на него.

– Ты чего такой? Запил? – спросил Сергей, протягивая Яковлеву руку для приветствия.

– Все хорошо, – протянув руку в ответ сказал Яковлев.

– Злишься на меня? – умоляющими глазами, глядя на Яковлева, спросил опер.

– Нет конечно, – цокнув языком сказал Яковлев.

– Правда, что ты по собственному написал? Это из-за того дома? Прошу, не говори никому, что я там тоже был. Я же не дурак, догадался из-за чего тебя турнули.

– Правда, но не из-за дома. Давай закроем эту тему. Можешь пробить человека? – сунув оперу бумажку с именем, спросил Яковлев.

– Без проблем. На предмет?

– Фактический адрес проживания.

– Сделаю. Может зайдешь к нам на чаёк? Ребята рады будут, – предложил Сергей.

– Да нет, Серёг. Ты набери меня, как адрес узнаешь.

– Ну а в целом как дела? Чем заниматься планируешь?

– Набери меня, не забудь, – не ответив на вопрос Сергея, уходя, говорил Яковлев.

Всё это утро, начавшееся с хлопот, Яковлев думал о той

ночи, когда в отдел доставили дочь судьи. Сожалел-ли он о случившемся? С одной стороны, одновременно потерять работу, которая заменяла ему семью и дом, с другой же история о несчастной и, как выяснилось, беззащитной девушке Кристине, которая, как ему хотелось верить нуждается в его помощи. Сергей оперативно выяснил адрес. Яковлев без промедлений назначил встречу Жанне.

– Слушай, дружок, я до дома еще не успела доехать и переодеться, ты меня уже дергаешь обратно, – придя на встречу в сквер сказала недовольная Жанна. – Я же просила, звонить только когда будет информация.

– Информация есть, – спокойно отвечал Яковлев.

– Внимательно слушаю, – требовательно и дерзко сказала Жанна.

– Я дам вам адрес, но при условии, что я поеду с вами.

– Опана. А как же: «Мне не нужны проблемы с Марковым?»»

– Вас кто-то должен сопровождать по дороге в Калугу. Это может быть небезопасно, – все также спокойно говорил Яковлев, напрашиваясь в компанию к Жанне, которая была на личном авто.

– Куда-куда? – сняв солнцезащитные очки, спросила она.

– Пашковская ваша на данный момент проживает в деревне под Калугой. Предлагаю не терять времени и выдвинуться туда прямо сейчас. Поздним вечером будем на месте.

– Тебе-то это зачем? – скрестив руки на груди, спросила

она. – Адрес узнал? Всё, помог, спасибо. Или ждешь, что я с тобой поделюсь потом?

Яковлев, сложив губы в улыбку, встал со скамьи и пошел не оглядываясь вдоль аллеи. Жанна в туфлях на высоких каблуках спешила догнать его.

– Постой! Чего обижаться сразу? – кричала она ему вслед.

Яковлев остановился на месте.

– Ладно, поедем вместе, – сказала Жанна, поравнявшись с ним.

Весь путь Яковлев испытывал пугающую тревогу. Уже за городом поток машин с подслеповатыми фарами, скользивший по шоссе навстречу им, убавился. Ночью в одну из деревенок калужской области по разбитой дороге въехала московская серебристая ауди и Яковлев совсем успокоился. В свете фар блеснул поломанный и облезлый железный символ солнца на въездных воротах деревеньки.

– Куда же ты меня затащил? – выйдя из машины, и угодив напрямик в лужу, зарычала Жанна.

– Спокойно, сейчас главное отыскать этот дом.

– Предлагаю вернуться на трассу и переночевать с комфортом в том мотеле, – сказала Жанна, поспешно вернувшись обратно за руль.

Яковлев смотрел в темную даль деревни, подсвечивающуюся фарами, но не видел домов. Он сел в машину, когда Жанна уже начала ему сигналить. Уставшие от долгой доро-

ги и от одиночества, эту ночь они провели вместе.

Вернувшись по утру в деревню, они быстро отыскивали нужный им дом. Из деревянного дома с неухоженной оградой и покосившимся облезлым зеленым забором долго никто не выходил. Туман добавлял некоторой жути этому дому. Легко можно было подумать, что он пустует. Жанна нервно продолжала сигналить.

– Перестань уже, – сказал Яковлев. – Всю деревню перебудишь.

– Давай, надо же что-то делать. Чего мы сюда приперлись? – потянувшись за сигаретой, сказала она.

Яковлев молча вышел из машины. Жанна вышла следом за ним. Во дворе дома стояла пустая собачья будка. Они смело зашли во двор. Оконные бело-зеленые ставни были закрыты и лишь в одном окне на веранде показался крупный силуэт.

– Кто такие будете? – раздался через лопнувшее стекло голос пожилой женщины.

– Пашковская Анна, это вы? – не выдержав пока та откроет дверь, крикнула Жанна.

Женщина резво отодвинула щеколду, приоткрыла дверь и высунула свое старое лицо.

– Я, – ответила женщина.

Жанна, натянув подол платья как можно ниже к коленям и убрав очками челку со лба, атаковала вопросами:

– Кто ты такая моему мужу? – с напором, активно жевав

жвачку, спросила Жанна.

Яковлев растерянно оглянулся, услышав её вопрос. Он смотрел на нее, на ее манеру поведения, на ее манеру одеваться и ее образ никак не соответствовал той взрослой элегантной и состоятельной женщине, которую он себе представлял. В эту минуту он почувствовал разочарование и сожаление о связи с ней.

– Позволь мне, – шепнул он Жанне.

– Капитан Яковлев, – сказал он, махнув перед Пашковской своей ксивой, которую должен был сдать еще при уходе из полиции. – Вам знаком Олег Валерьевич Марков?

Худая черная кошка бесшумно вынырнула из-под ног хозяйки, на согнутых лапах пробралась к деревянной скамеечке, прибитой к стене дома, вспрыгнула на нее и элегантно обвила куцым хвостом свои четыре лапки.

– Что с ним? – показавшись, полностью выйдя на крыльцо, с трясущейся головой, спросила Пашковская.

– Все в порядке. Я его помощник по нотариальным делам, – в очередной раз Яковлеву пришлось соврать.

– А я подумала пенсию принесли. Идемте в дом, – тряся головой, пригласила она.

– Не бойтесь в дом пускать незнакомых людей? – спрашивал Яковлев, поднимаясь по ступенькам крыльца.

– Кого мне бояться? Я свое уже отбоялась, – зачесав гребнем длинные седые волосы назад, сказала она.

Яковлев с Жанной вошли в дом.

В темной веранде стоял круглый заставленный разными вещами стол, подле стола диван, а ближе к окну, (на которых не было занавесок, и комната все равно казалась темной) – тумбочка, на которой стоял маленький пузатый телевизор с антенной. На стене висел портрет мужчины. Было件нятно, что она живет в этой комнате.

Усевшись за стол, Жанна вновь задавала один и тот же вопрос.

– Это супруга Олега Валерьевича, – показав на Жанну сказал Яковлев.

Пашковская внимательно и добродушно слушала его, тряся головой, но не придавала никакого значения его словам о Жанне.

– Анна Леонидовна, скажите, кем вам приходится Олег Валерьевич Марков.

– Сын мой.

Жанна, громко цокнув языком закатила глаза и откинула голову назад.

– А фамилия?

– У Олега фамилия отца.

Яковлев продолжал.

– Олег Валерьевич составил завещание, в котором все свое недвижимое имущество завещал вам, но вот в документе прописан другой ваш адрес.

– Да, я живу теперь тут, – после паузы выставив на стол свои морщинистые трясущиеся руки, медленно говорила

она.

– Вот зачем вам столько денег? – взорвалась Жанна.

Анна Леонидовна сохраняла удивительное спокойствие, не отвечая на нападки молодой особы, являющейся супругой ее сына.

– Чаю хотите с дороги? – вежливо спросила она.

Разозлившись на себя, Яковлев пристыженно опустил голову. Сейчас ему как никогда было стыдно за свое непрекращающееся вранье и трусость; за то, что не помог Кристине, когда она надеялась на его помощь, за то, что оказался в машине прокурорского следователя, за то, что обманом проник в дом в лесу, за мимолетную связь с женой судьи, за саму жену судьи; а теперь он сидит перед больной старушкой и обманом пытается получить от нее информацию. Он обхватил голову руками, словно стянутую железным обручем и издал вопль.

– Где ваша внучка Кристина? – прямо спросил он Анну Леонидовну. – Мне очень надо ее найти, ей нужна моя помощь.

– Как, а она разве еще жива? – без эмоций спросила Анна. Яковлев был сражен ее равнодушным тоном.

Жанна, не думая ни о чем кроме завещания, фыркая, вышла из-за стола пройтись по комнате.

– Думаю, да. Помогите мне найти ее, – умоляюще просил он.

– Ей ничем нельзя помочь, – будто вынося приговор, ска-

зала Анна.

– Да она прикалывается над нами, не видишь, что ли, – вскинув руками сказала Жанна, прохаживаясь по скрипучим полам веранды. – Думает, раз ей Олежек все отписал, то и внучка теперь побоку. Не удивлюсь, если это она ее и кокнула.

– Вы знаете где она? – с надеждой продолжал Яковлев.

– Не знаю. Мы с ней не знакомы.

– То есть как? – ничего не понимая спросил он.

– Олег у нас с мужем приемный. Я не знаю ни о каком завещании, но я знаю почему Олег себя так ведет. Все-таки чаю мы с вами выпьем, молодые люди, – очень медленно, нерасторопно с придыханием говорила Анна Леонидовна.

Достав из шкафчика пакет с печенками и конфетами, она трясущимися руками выкладывала их в стеклянную вазочку, стоявшую посреди заваленного стола. Яковлев помог разлить кипяток по железным кружкам. Жанна всячески выказывала свою неприязнь и брезгливость.

– Не думаю, что живая она, а если и живая так в муках жизнь живет, – заговорила Анна. – Мне около сорока было, Валере под пятьдесят, а ребеночка то у нас не было, – смотря на портрет на стене рассказывала она. – Валера уж смирился, что не получается у нас зачать. Он жуть как хотел дитя, и я хотела. Ссориться начали из-за этого шибко часто, – тряся головой, с трудом говорила она.

Яковлев пил чай и с трепетом слушая рассказ, взглядом

приказал Жанне сесть за стол и не мельтешить.

– Долгое время я работала фельдшером. Валера, муж мой, в милиции. Им приказ был, чтобы человек свой на каждом соц. объекте стоял, чтобы статистику правильную докладывать. Ему начальник предложил меня в дом малютки заведующей, я согласилась, – вновь зачесав гребнем волосы, рассказывала Анна Леонидовна. – Валера то думал, что я не могу понести¹⁴ по здоровью. А я могла, да умышленно оттягивала. Потому как ежели бы родила, то дитя мое страшная жизнь ждала. Мамку мою вся деревня боялась, стороной обходили, колдушкой кличали. Она и впрямь грязные дела делала, да вот те, кто так ее называл, и не подозревали какая там сила черная за ней стояла, ведьминская. И вам лучше не знать того. Я и сама трусила пред ней. Помню, как в детстве к нам в дом бабы ходили аборт делать. Особенно после войны. Мамка в стаечку их уведет и там вершит свои дела грязные. А по весне как-то полный двор милиционеров набился, одной бабе неудачно ребенка выскребла, так мамка рукой перед глазами у них провела, да они как котята слепые стали. Ходят по двору, понять не могут. Замороченные. У нас деревня, ежели так посмотреть, так в каждой избе колдовали. Погост весь перерыт, – кинув руку в сторону севера, показала она.

– В каком смысле перерыт? – слегка напуганная и вовлеченная в рассказ спросила Жанна.

---

¹⁴ Понести – забеременеть

– Пакости делают, фотографии прикапывают в могилки. Мне эта сила тоже перешла по наследству, да вот не могла я с ней справиться. Я врач, я людям помогаю, а сила эта соки тянет из тебя ежели не служишь ей, ежели не пакостишь. У меня два брата на тот свет ушли молодые, и все из-за этой черноты. Отец ушел. Ежели бабы так, от дури ворожат, у меня мамка сильные пакости делала. Да вон она, в доме лежит, сто лет в обед давно, а уйти не может, Бог не принимает к себе. Так и лежит тело высохшее, ни туда, ни сюда.

Жанна поменялась в лице.

– Не бойтесь, – заметив напряжение гостей, сказала Анна. – Мне покоя эта сила не давала, мамка учила меня что де кому подпортить, что де кому подгадить. Не могла она без этого. Я замуж как вышла, Валера меня в город увез. Как избавиться от этой силы черной, я не знала, а знала, как рожу, так ребенку перейдет. Надо было кончать с этим. Хоть и далеко уехали, а мамка во снах приходит и все тут, мол, делай знай. А я не могу, – заплакав говорила она. – Я этим людям одной рукой помощь даю, а другой убиваю порчами. С Валерой ругань до потолка стоит. Как-то повздорили шибко, до кулаков дело дошло, так я аж из дома бежала. Ночь была, идти то некуда, только на работу в дом малютки. Часто ночевать приходилось там. Вот и в ту ночь я после работы осталась ночевать в своем кабинете. Лежу на диванчике и думаю: рожу, рожу я тебе дитя. Как только я в этой мысли укрепи-лась, уснула, слышу собака дурью лает, ну думаю, не приве-

ди господь проверка какая. На крыльцо вышла, а там ведро стоит. Батюшки мои, – приложив ладонь к груди, воскликнула Анна. – А в том ведре кулек с младенцем. Как сейчас помню, занесла ведро в кабинет, положила на диван кулек, и тут меня бес попутал. Я в ту же ночь ритуал на крови сделала привязки к себе, что это мое дитя, что это я его родила. Я тогда подумала: никому ненужное дитя, ежели его выбросили, то лучше и не жить ему вовсе. Трудно ритуал дался, делаю, а не получается, защита стояла на нем крепкая. Скинула я на младенца этого, силу свою пакостную, все ему передала, себя очистила и потомков своих через этот ритуал. Это был Олег. Но высшие силы хоть и можно обмануть да не на долго. Я всегда полная была, живот большой, так что и не поймешь, беременна иль нет. Выдали за своего, только Валера и подружка моя знали, что этот мальчик приемыш. Радости то было... Валера коллег созвал, обмыли это дело. Несколько раз ко мне женщина в дом малютки приходила, она была подругой родной матери Олега, просила забрать ребеночка, родня у него есть где-то в Средней Азии, да я соврала ей, что не поступал к нам такой. Хотела потом от себя отсоединить Олега, уже после передачи ему силы, но не вышло, способностей то у меня уже нет. А он, как потом я узнала, семимесячный, недоношенный. Кто ж знал, что он жить будет? И сразу после этого узнала я, что беременна. Мужу ничего не сказала, тайно родила. Подруга, с которой работали вместе в те времена помогла мне в родах. Родилась у меня девочка.

– Так, а чего про ребенка мужу не сказали? – недоуменно спросила Жанна.

– Мамка, когда узнала про ритуал, что я силы лишилась, только посмеялась надо мной. Дура говорит я, сила ведьминская по роду нашему только бабам передается. И никогда нам от этой силы не избавиться. Валера начал угасать на глазах, захворал сильно. Это от сына началось, силы тянул с него. Испугалась я за девочку, и отказалась от нее. Записали мы с подружкой ее в дом малютки как сиротку. Я наблюдала за ней, как она росла, все время у меня на глазах была. Чистая девочка получилась, ничего ей не передалось. Я так счастлива была за нее. А вот мальчишка бесноватым рос. Любовь у него ко мне, сравни привороту. Но меня ни его бесноватость, ни его любовь не заботила, знала я что не мой он и все тут.

– Получается, не передалось Олежеку ничего? – спросила Жанна.

– Передалось и сверх того. Сама пакость, которую я сделала невинному младенцу.

– Все, теперь мне точно кранты, – заключила Жанна.

– Вы говорите, что с внучкой не знакомы, это как? – спрашивал Яковлев.

– Потом дом малютки переделали в детский дом. Как Олег подрастал, Валере лучше становилось. Часто приходилось с собой на работу брать Олега. Некуда девать его было. Из детсада нас выгоняли за плохое поведение. А в детдоме... он

там с ребяташками играл, и как я не берегла от него свою девочку, Ирочку... – тремор рук никак не давал ей выпить чай. – Пришлось уйти с должности, чтобы дочь уберечь от себя и от Олега. Устроилась фельдшером в детсад, там и проработала до пенсии.

Гости молча слушали, перестав задавать вопросы, а Анна Леонидовна, пользуясь моментом, когда можно поговорить с живым человеком, излить душу, продолжала рассказывать о своей жизни.

– Подруга моя видела, как я мучаюсь. Сколько помню, всегда мне говорила, чтобы я Олега бросила, отказалась от него. Олег, когда вырос, все бегал в детдом тот к Ирине, дочери моей. Полюбили они друг друга. В ней моя кровь, поэтому его к ней и притягивало. Запреты мои на него не действовали, не слушался он меня. Подруга осталась там работать, видела это все, и как-то проговорила Олегу что приемный он у меня, как его в ведре подкинули под дверь нам, как я его потом из благородства усыновила, что его родители родные – мрази, неруси, мигранты. Она думала, что он обидится на меня и уйдет. А он еще пуще любить стал, по Валериним стопам пошел. Он так сыном гордился... Все наладилось вроде бы. А как Ирину из детдома выпустили, так она на пороге у нас оказалась, Олег привел. Поженились. Ох, горе-то какое, – вновь заплакав, говорила Анна Леонидовна.

Жанна достала из сумочки носовой платок и подала его Анне. Та достала из халата свой.

– Позже дочь у них родилась. Вот тут-то Бог меня и наказал за грех мой. Как не избегай черной силы, а вот она через род все равно пошла дальше. От сына неродного через родную дочь и во внучку. И тут я уверена была, что девочка долго не проживет, а если и проживет, то маяться будет всю жизнь. Я, когда на нее посмотрела, меня как током прошибло. Сила у нее, – возведя трясущиеся руки к потолку показала она. – Эта его любовь ко мне – ненастоящая. То, что он мне в завещании отписал, это все от морока. Языки добрые донесли ему, подруга моя, то ли от зависти, то ли не знаю, что Ирина дочь моя родная. И у него ревность ко мне разыграла, – плача, выговаривалась Анна. – Когда Валера умер, я пряталась от Олега, не лезла к ним в семью. Виню себя во всем, по сей день виню. Потом узнала, – еле сдерживая плач, говорила Анна, – что он дочь мою убил.

– Подождите-ка, – вклинилась Жанна. – Как убил? Она вроде ушла от него, сама бросила.

– Убил из ревности.

По Яковлеву было видно, что он ожидал чего угодно, только не такого страшного откровения.

– Вы хотя бы раскаиваетесь в содеянном? Как вы вообще живете с этим? – спрашивала Жанна.

– Так и живу. Как и хотела, сама пакости не делаю, зато детки мои мучаются, – быстро успокоившись, ровно, без эмоций заговорила Анна. – Знаете, молодые люди, что я поняла за свою долгую жизнь? От нас уходят, нас покидают

родные и близкие нам люди. Возможно, что их кончина является собою избавление от болезней, облегчение не только для них самих, но и для живых. И только в душе остается ноющая заноза от потери любимого, родного человека. Да, в жизни не всегда все гладко, и вы порою ссорились, ругались, кричали друг на друга, но были уверены, что вы правы. И уже после, вспоминая и перелопачивая память, вы так и не находите изъянов в своих поступках и словах. Но иногда вы видите ушедших, словно наяву. Они сами появляются в вашем сознании и мило улыбаются, словно говоря: «Пустяки все это». И даже сейчас вы чувствуете их любовь. Людей уже нет, а их любовь с вами. И происходит нечто непонятное. Нет, не сразу, а лет через пять-семь после кончины человека. Все скандальные поступки, которыми вы украшали ваш быт с тогда еще живыми, начинают рассматриваться вами, но уже совершенно под другим углом зрения, с другой, ранее неизвестной вам стороны. Вот. Вот! Только сейчас вы начинаете действительно правильно оценивать себя, свои мысли, поступки и желания. И что невероятнее всего, вы видите, как ваша, казалось бы, непогрешимая правота летит к черту, а вы сами чувствуете и глубоко понимаете всю неправильность и глупость своих действий. Только теперь вы осознаете свою вину и готовы встать на колени и молить родных о прощении. И понимаете, что в том или ином случае надо было поступать иначе. И вас захлестывает волна желания все исправить, как-то приласкать обиженных вами людей, и вы бежите

на могилку с букетиком цветов и слезно просите прощения. Это и есть раскаяние и покаяние. Смотришь на свою жизнь, каешься, словно говоришь Богу: «Не суди строго моего сына, не наказывай его жестоко за дела его, он не виноват ни в чем. Я виновата, меня накажи!» И что происходит? А ничего не происходит. Ящик Пандоры открыт.

Глава 6

Смеркалось. Серое, тусклое небо опускалось на дома и деревья, бесформенно и чернильно растекаясь. Жанна, опершись на капот машины, тонкими пальцами сжимала дымящуюся сигарету. Яковлев шел на этот едва заметный огонек. Она хмуро посмотрела на подошедшего к ней Яковлева, задушила бычок прямо о капот собственного авто и села за руль. Тоскливо было на душе и у него, муторно и тяжело от услышанной истории.

– Ты веришь во все это? – после нескольких часов езды в тишине вдруг спросила Жанна.

– Черт его знает, – ответил Яковлев.

– Есть ощущение что нас, как бы это помягче так выразиться... обманули?

– Не знаю. Похоже на правду...

– На правду? То, что Олежек родом из Средней Азии? И все равно как-то не по себе от нее. Слушай, я так и не поняла, чего это ты так за Криську вписываешься? У вас с ней что-то было? – начав ревновать нового любовника, спрашивала Жанна.

Яковлев вздрогнул.

– Ничего не было... она так же, как и ты боится Маркова. Если у него действительно проблемы с головой, если то, что Анна Леонидовна нам о нем рассказала правда, то мне

ничего не остается, только как сдаться.

– Эй, а как же я?

– А что ты? – устало сказал он.

– Ты меня вот так запросто бросишь?

– А что я могу?

– Как же меня вымораживают твои постоянные «ничего не могу», «зачем» да «почему», – ударив в истерике по рулю ладонями, говорила Жанна.

– Веди пожалуйста аккуратнее. На дорогу смотри, – напрыгшись сказал он.

– Слушай, я такая голодная, давай заедем, пожужем чего-нибудь, – остыв предложила Жанна, увидев громадный рекламный щит с рекламой фастфуда.

– А давай, – безучастно согласился Яковлев.

Два фонаря с разными по форме плафонами освещали небольшое придорожное кафе и бензоколонку у входа. Ауди припарковалась на небольшой стоянке, скрывшись между двумя большими фурами. Трое дальнобойщиков заехали на ужин. Яковлев с Жанной выбрали столик в самом углу полупустого кафе, сев рядом друг с другом спиной ко входу. В ожидании заказа они продолжили свой разговор.

– Как думаешь, Криська уже того? – махнув головой вверх спросила Жанна.

– Уверен, что нет, – сложив на столе руки в замок, сказал Яковлев.

Жанна ластилась к нему, но он неохотно принимал ее лас-

ки.

– Ах, если бы точно знать... можно было бы попробовать что-то сделать...

– Ты серьезно? – оживившись, спросил он.

– Ну, конечно. Если даже мать от него прячется...

Он решил открыться ей:

– Послушай, я знаю где, возможно, Кристина находится сейчас. Тебе известно о желтом доме в лесу что в шестидесяти километрах отсюда? Там у Маркова что-то наподобие психбольницы. И по моим предположениям именно там он ее и держит. Только вот зачем он ее там держит?

– Ясно зачем, у нее крыша поехала, лечится значит. Откуда ты знаешь?

– Знаю.

– Если она в больнице, значит она больна. Логично?

– Ты ведь только что говорила, что хотела бы помочь ей.

Ты забыла кто такой Марков?

– Я-то помню кто он такой, но и ты не забывай. Но на соседних койках с Криськой мне бы оказаться ой как не хотелось.

– Надо хотя бы попытаться ее вытащить оттуда, – предложил он.

– С ума сошел? Как ты себе это представляешь?

– Не я, а мы, – уверенно произнес он.

– Бабка же ясно сказала, что она не жилец и все такое в этом духе. Если на ней действительно проклятие, то мы с то-

бой здесь бессильны, – говорила Жанна, снимая с себя кожанку и вешая на спинку стула. – Когда я сказала, что можно попробовать что-то сделать, я ведь не знала, что ты в курсе, где она. Если Олег ее удерживает, и он узнает, что я помогла ей бежать... – сказала она, очертив рукой петлю вокруг шеи.

– Прошу прощения, – вмешалась в разговор немолодая уборщица, которая шваброй протирала пол возле соседнего стола.

Жанна испуганно оглянулась. Она боялась, что кто-нибудь из ее знакомых или знакомых ее вездесущего мужа могут ее увидеть в компании другого мужчины.

– Я краем уха услышала, что у вас проблемы с девочкой, – продолжила уборщица, облокотившись желтыми резиновыми перчатками на швабру.

– Ну-ну, продолжайте, – сказала Жанна.

– Так вот. Одна история была. На дочку моей подруги порчу навели, так она чуть не померла. По врачам ее таскали, а все бёз толку, на глазах умирала. Я, когда в Москве на заработках была со мной одна женщина в Макдоналдсе работала, полы мыла, так я ей рассказала про горе своей подруги, и она попросила встретится с ней, посмотреть. Короче говоря, девочку она спасла, вылечила. Так вот и ваша девочка может и не психическая сроду, и проклятие какое там есть как вы говорите, можно вылечить, – протараторила она.

– И как нам с этой женщиной связаться? – заинтригованно спросил Яковлев.

– Ты серьезно? – ткнув локтем в бок Яковлева удивленно спросила Жанна. – Как же тебя легко удивить. Ты слишком сентиментален для мента. Это уже перебор, – приступив к принесенному официанткой салату, констатировала Жанна.

– Как связаться с ней не знаю. Но вот у администраторши нашей бывшей, думаю, адресок найти можно. Администраторша паспорт ее у себя держала и чуть что она не по-ейному сделает доставала его и перед лицом у Назирки трясла. А адресок забегаловки я тебе сейчас продиктую, – сказала уборщица.

Перед ксивой полицейского колени трясутся в особенности у преступника и у предпринимателя с нелегальными работниками, поэтому раздобыть адрес целительницы Назиры Яковлеву труда не составило. Оставалось разработать план, как вытащить Кристину из психушки. Суеверным его тоже нельзя назвать, не верил он ни в какие приметы, ни в экстрасенсов, не боялся ни тринадцатого числа, ни пустых ведер навстречу, ни черных кошек, перебежавших дорогу. Но версию о том, что судья Марков узнав о своих настоящих родителях из Средней Азии таким образом мстит им расправляясь с остальными выходцами из тех же мест, Яковлев прокручивал в своей голове все чаще. Сколько раз он обещал себе забыть историю с семейством Марковых, столько же раз он обещал себе разобраться с этим делом до конца.

Месяц после ухода из полиции Яковлев провел в суете, в

телефонных звонках, в запое и напряжении. Чтобы отвести от себя малейшие подозрения и не попадаться на глаза Маркову, он оборвал связь с Жанной. Она была надоедлива своими звонками и несколько раз была замечена Яковлевым карауля его в машине у его же дома. Наконец он позвонил ей:

– Приезжай.

Через пару часов Жанна уже нежилась в объятиях Яковлева.

– Если все получится, в это воскресенье нас с Кристиной будут ждать в Москве, – закурив прямо в постели сказал он.

– В смысле? – откинув от себя одеяло и резко встав с дивана, спросила Жанна.

– Пока у меня есть два варианта как вытащить Кристину. Какой-то из них точно должен сработать.

Жанна молча пошла в ванну. С какой-то лихорадочной поспешностью, боясь упустить хоть секунду, он бросился за ней. Перед самым его носом она захлопнула дверь.

– Ну ты должна мне помочь, понимаешь? Разберемся с девчонкой и потом я смогу придумать как помочь тебе, – говорил Яковлев через дверь ванной комнаты.

Жанна включила душ. Он подергал дверную ручку, но дверь была заперта. Ударив кулаком об дверь он докурил сигарету и вернулся в постель.

– Не терзай меня. Выслушай, – сказал он Жанне, появившейся в его рубашке и с полотенцем на голове.

– У моего старого хорошего приятеля есть охранное пред-

приятие. А он сам лично крайнее время занимается сопровождением грузов по стране и за рубеж. Я сделал Кристине паспорт, – взяв со стола папку с документами и вытащив оттуда паспорт, показал он ей. – Если мы легально пересечем границу, то Марков в два счета сможет отследить нас. А мой приятель готов помочь и перевезти нас через границу нелегально.

– У тебя фена нет? – спросила Жанна, разматывая полотенце с волос.

– Жан, ты вообще слышишь, что я тебе говорю?

– Слышу. Ты хочешь укатить с Криськой, оставив меня одну. Причем так укатить, чтобы тебя никто не искал.

– Сейчас не время для ревности, – спокойно сказал он.

– Республика Казахстан? А это фото откуда? – вырвав из рук Яковлева паспорт, разглядывая, спросила она.

– Из дела, – забрав паспорт, смутившись, сказал он. – Я планирую вывезти ее из России в Казахстан, а затем уже на машине мы пересечем границу с Узбекистаном. Там недалеко. Должно сработать.

– Почему в Узбекистан? – удивилась она.

– Потому что та самая целительница живет в Узбекистане. Я узнавал, она вернулась домой три года тому назад.

– Ага. Ну и делал бы сразу узбекский паспорт.

– Не получилось. Паренек, который этим занимается его в глаза не видел.

– Мог бы попросить меня, я привезла бы тебе ее докумен-

ты.

– Нельзя. Ничего не должно пропасть из ее вещей.

– Тебе не приходило в голову, что Олег мог перепрятать дочь? Что целительница твоя вас не примет? – скептически спрашивала она.

– Ты мне не доверяешь? Я проследил. После моего последнего визита в лес ничего не изменилось. Ни охраны, ни усиления, в общем ничего нового. А на счет целительницы стоит рискнуть. Ну не идет мне в голову более гениальный план, чем тупо ворваться туда и забрать Кристину, – разведя руками сказал он. Мы ведь не в кино про спецназ.

– Да... План, конечно, так себе. Олег если не посадит тебя за похищение дочери, так убьет точно.

– Не нагнетай.

– А со мной что? Ты вернешься, а потом?

– А потом решай сама. Девчонку спрячу, а сам в Хабаровск подамся. Квартиру эту продам. Сбережения имеются кое-какие. Там у меня брат двоюродный служит в органах. Обещал пристроить. В адвокаты попробуюсь. Захочешь, можешь со мной, не захочешь не надо. Самолет в четверг вечером. Здесь мне жизни не будет, я это понимаю. Доказательств против преступлений, совершенных Марковым, у меня нет. Даже если у меня и есть кое-что, даже если вы с Кристиной дадите показания... Однако это все догадки. Понадобятся факты, а их у нас не будет...

– Да, верно, верно, – устало согласилась Жанна. – Фиг с

ним с наследством, тут бы живой остаться. Но ты же понимаешь, что, прося моей помощи делаешь меня соучастницей похищения? – подойдя к нему спросила она.

– От тебя многого не потребуется. Просто отвлеку мужа. Я все сделаю сам.

– Ты сумасшедший!

– Ты просто не видела ее испуганного взгляда полного страха и мольбы.

***

Теперь перед ним стояла задача к которой он был морально не готов. Яковлев сидел в машине Сергея и нервно перекладывал с места на место вещи, которые понадобятся Кристине в дороге. Изгой обмолвился, что у девочки не было никаких вещей при себе.

– Вроде бы все взял, ничего не забыл. Тьфу ты, черт, да все я взял, все! – говорил он.

Спрятав машину в зарослях кустарника, он пошел искать то место, откуда ему помог бежать Изгой в прошлый раз. Выйдя по тропинке на место, Яковлев опешил, увидев Изгоя и рядом лежавшую на земле Кристину.

– Она жива? – подойдя ближе спросил он.

– Жива, – ответил Изгой, подняв и усадив ее на землю. – Чего так долго? Мы уже около часа тут торчим.

– А-а-а, а говорил времени не существует! – подколот он Изгоя.

Яковлев посмотрел внимательно и увидел, что лицо и само тело ее какое-то мучное, неподвижное и в глазах пустота, как будто она никуда и ни на что не смотрела, хоть и направлен был взгляд вперед, прямо на стоящего перед ней Яковлева. И все-таки лицо у нее красивое, серо-зеленые глаза, необыкновенные и губы... как тюльпан.

– Бери ее, и чешите отсюда подальше, пока я не передумал, – зло сказал Изгой.

– Вас никто не видел? – спрашивал Яковлев, пытаюсь взять Кристину на руки.

– Никто. Охрана спит. Вчера гульнули крепко. Верное средство. То количество водки, что ты привез нам еще на день хватит.

– Что с ней? – спросил Яковлев, уже не слушая о подробностях.

– Отцовский деспотизм. Насколько я знаю, лично ей кололи препараты, подавляющие волю. Но в последнее время за ней контроля особо не было, Олег давно не появлялся. Дела встали.

– Ясно, – боясь, но очень желав расспросить его о делах Маркова, ответил Яковлев. – Спасибо тебе, Игорь, – взвалив Кристину на свое плечо, сказал Яковлев.

– Берегись его. А моя дочь ведь так меня и не простила... Все, идите уже, – сказал он, махнув на них рукой.

Идти сначала было легко. Только когда начались кустарники им пришлось непросто. Кустарник мешал движению, а

ветви отводить нечем, руки заняты Кристиной. Приходилось следить, чтобы ее не хлестнуло по лицу. На ней была одета непонятная ночнушка, вывернутая наизнанку и рваные кеды не по размеру. Добравшись до машины, Яковлев выдохнул. Достав из рюкзака спортивную кофту, он накинул ее на голые плечи девушки. На ногах виднелись синяки и следы крови. Их ждала Москва.

К вечеру они заехали в город. Проехав пост, Яковлев скинул с Кристины плед, которым она была укрыта с головой, лежа на заднем сидении. Хоть у Яковлева и было с собой удостоверение капитана полиции, все же он немного трусил. Простояв в пробке, а после покружив по району в поисках конторы друга, они прибыли на место ровно в полночь. Николая в конторе еще не было, он обещал быть к утру.

Яковлев осторожно выгрузил девушку, и они вместе с охранником отнесли ее наверх. Она по-прежнему не приходила в себя. В кабинете Николая стоял диван, на котором Кристина проспала еще до утра. Яковлев примостился рядом на стуле. Когда Кристина очнулась, он еще дремал.

Страннотекущее бытие, пришедшее в ее жизнь с потерей сна, в котором утеряно было то дробное деление жизни на сутки, ночи, дни и часы, на простейшие периоды, которые диктуются физиологией в добавок с беспорядочными головами в голове, не давали ей окончательно прийти в себя. Надо было хотя бы внешне казаться спокойной. Она то ерзала на диване, не могла сидеть неподвижно, то резко меняла по-

зу. Услышав шевеления, Яковлев открыл глаза.

– Я уж думал вы так и не проснетесь, – проведя ладонью по своему заспанному лицу сказал Яковлев.

– Я и не спала, – вяло, почти безжизненно отвечала девушка.

– Как? Вы же..., – недоумевал он.

– Внешне похоже на то, что я сплю, но я не сплю. Я уже давно спать не могу. У них кроме снотворного ничего нет. Всех подряд им пичкают, ну а таким слишком буйным как я дают лошадиную дозу, только она меня не берет, – говорила она закрыв глаза, Яковлев смотрел на ее медленно шевелившиеся губы. – Так я прикинусь что сплю и меня не трогают. Я почему-то была уверена, что увижусь с тобой снова, – сказала она, помаячив рукой на кулер.

Яковлев, набрав стаканчик воды поднес его девушке. Он с грустью смотрел на ее истощенное, уставшее тело и не мог в ней узнать ту дерзкую, борющуюся за правду девчонку.

– Че смотришь?

– Вы помните, что с вами произошло? Сможете рассказать?

– Где я?

– Сейчас вы в безопасности. Это офис моего хорошего друга. Мне столько всего нужно вам рассказать! – говорил он.

Она снова легла.

– Как вы оказались в лесу?

– Мне больше интересно как ты там оказался, – говорила она, еле-еле шевеля губами.

Яковлев задумался.

– Я искал вас. Хотел извиниться за то, что не поверил вам тогда, – дотронувшись до ее руки сказал он.

– Я думала это отец сделал. Но после того, что со мной было я думаю, что меня похитили, – делая длинные паузы между словами, говорила она. – Ты уже сообщил отцу, где я?

Яковлев подскочил поприветствовать только что вошедшего Николая.

– Первый мой вопрос покажется совсем банальным... Но что с ней? Ты говорил надо перевезти через границу живого человека. А если она дуба даст в дороге? – с недовольным лицом сказал высокий миловидный молодой черноволосый мужчина с гладко выбритым лицом, поставив полные пакеты с едой на стол, думая, что девушка спит и не слышит его.

– Я рассказывал тебе про Кристину, – не зная, что ответить сказал он.

– Пффф, придется потрудиться, – сказал Николай, почесав затылок. – Ее бы по-хорошему в больничку. Кто она тебе, что ты так жопу рвешь из-за нее?

– Коль... – сказал Яковлев, взглядом прося друга замолчать.

– Не, я все конечно понимаю, но твое обостренное чувство справедливости тебя однажды под монастырь то подведет.

– Не подведет... – тихо говорил ему Яковлев.

– Когда я тебя просил отмазать свою подругу, так ты заднюю включил, – припоминая Яковлеву прошлое, сказал Николай.

– Коля, – мучительно вздохнув и опустив голову вниз сказал Яковлев. – Твоя подруга самая настоящая преступница. И суд это доказал. Или ты думал, что хорошенькие бухгалтера могут свободно похищать документы, и давать ложные показания?

– Ладно, не кипятись, – похлопав Яковлева по плечу сказал Николай. – Кто старое помянет, тому... Ну и правильно оно все, пусть посидит теперь птичка в клетке, подумает. Я не на словах знаю, что это такое быть отверженным собственным отцом. До сих пор содрогаюсь как вспомню занесенную над моей головой руку отца.

– Именно за этим я и пошел в милицию, чтобы такие мрази по закону отвечали за свои дела, – сказал Яковлев.

Николай демонстративно вздохнул, развел руками и всем своим видом показал, что справедливости все равно не добьешься.

– Ты меня похищаешь? – раздался тихий голос Кристины.

– Не-ет, – с улыбкой сказал Яковлев, бросившись к ней. Николай отвезет вас в Узбекистан, там вам, надеюсь, смогут помочь, – не вдаваясь в подробности, в присутствии друга говорил Яковлев.

Все происходящее сейчас, здесь, было для нее словно в

бреду.

– Прошу вас, доверьтесь мне, – взяв Кристину за руку произнес он.

Кристина, разжав левую ладонь вложила в руку Яковлеву ту самую зажигалку.

– Это был подарок.

Яковлев прослезился, глядя на чуть живую девушку.

– У тебя имя то хоть есть, Яковлев? – спросила Кристина расчувствовавшегося спасителя.

– Василий, – сказал он.

– Приятно познакомится, Василий, – полушепотом, стараясь улыбнуться, сказала она.

– Здесь еда, вам следует перекусить перед дорогой, – похозяйски сказал Николай, взглянув на Кристину. – Путь не близкий.

– Да, надо бы еще переодеться. Вот ее документы, – протянув Николаю паспорт, сказал Яковлев. – И деньги. Передашь ей потом, как прибудете на место?

– Вась, ты решил не ехать? – спросил Николай.

– Да, – с сожалением ответил Яковлев, считая в телефоне количество пропущенных звонков от Жанны.

– Ты уверен? Что делать если по адресу никого не будет?

– Позвонишь мне, я скажу, что делать.

– Хорошо. Моя секретарь поможет девушке переодеться, – позвав секретаршу, сказал Николай.

– Хороший ты человек, Яковлев, – сказала Кристина, ко-

гда секретарь Николая вошла в кабинет. – Хороший, но глупый.

Яковлев с чувством выполненного долга последний раз взглянул на Кристину и покинул офис.

Глава 7

Он взглянул на нее своими темными, непроницаемыми глазами, когда она к обеду вернулась домой – так смотрит кошка, или ягуар, или пума – пристально, внимательно, безо всякого выражения.

– Где ночевала?

– Машина сломалась, пришлось в сервис загнать, осталась у подруги в городе, а утром поймала тачку и сразу домой, – испугавшись отвечала Жанна, на самом деле спрятав машину неподалеку от дома в леске. – А ты почему не на охоте?

– Не охотится, – сказал Олег.

– Ясно. Я в душ и спать. Устала как собака.

– Ничего не хочешь мне рассказать? – спросил Олег, когда Жанна уже поднималась по лестнице.

– Что именно? – замерев на месте, сказала она.

– Например о билете в Хабаровск в один конец.

Жанна резко обернулась.

– Я жду, – с каким-то преувеличенным спокойствием говорил Олег, сидя в кресле гостиной за бумагами, попивая коньяк.

– Уже пьешь с утра? – переводя разговор сказала она. – Тетушка позвонила, просила приехать. Приболела. Ты же помнишь ее? – закашлявшись сказала Жанна, будучи уверенной в том, что Олег и не вспомнит ни про какую тетю.

– Помню. Хорошо, поезжай.

Жанна расслабилась, что легко отделалась от расспросов мужа, но все-таки его спокойное поведение насторожило ее. Яковлеву она все же позвонила. Она звонила ему целый день, но он был недоступен. Она была так воодушевлена им, его настроем, что готова была уехать с ним хоть на край света, не то, что в Хабаровск.

Только в понедельник утром, увидев в окно как из гаража выезжает машина Олега, она от нетерпения засобиралась в город, таким образом выдав себя с потрохами.

По пути в город, она наконец-то услышала долгожданный звонок.

– Ты где? – восторженно спросила она, ответив на звонок.

– В Москве, – сказал Яковлев, садясь в машину. – Чего звонила?

– Я, между прочим, переживаю. Все ли получилось?

– Да, – отвечал Яковлев, увидев, как Николай выносит из офиса сумки и рюкзак Кристины с вещами.

– Реально Криська была там? Она как вообще?

– Жить будет.

– Ну ладно. У меня для тебя новости.

– Какие еще? – устало спросил он.

– Я взяла билет на четверг. Полетим вместе! Сейчас везу к тебе часть вещей, в четверг уже налегке приеду, – с нетерпением говорила она.

– Как же Марков?

– Дундук твой Марков. Отпустил на все четыре стороны! Я ему наплела про тетку, а он и поверил!

– Будь осторожнее, – как бы с радостью, но в то же время и с досадой в голосе сказал он, видя, как Кристине помогают взобраться в кузов.

Газель с грузом разной электроники и Кристиной на борту отправилась в путь троекратно и затяжно сигналив, выезжая из дворов на проспект. Яковлев ехал за ними в след, чтобы проводить, но на первом же светофоре он упустил газель из виду, остановившись на красный сигнал.

***

Жанна, увидев в окно выходявшего из машины Яковлева, погасила сигарету о дно обрезанной жестяной банки, стоявшей на подоконнике пятого этажа его подъезда. Мигом спрыгнув с высокого подоконника, и одернув кожаную юбку она достала из чемодана маленькое зеркальце. Яковлев вошел в подъезд вместе с соседями. Любопытная, игривая девочка спрашивала своих родителей, почему у нее есть папа, а у ее подружки нет. Отец деликатно объяснял ей что такое случается в жизни, а ее мать ехидно поясняла, что как только мама подружки выберет себе мужа из трех пап, так у подружки сразу появится папа. Яковлев заслушался рассуждениями соседей, и не заметил, как поднялся по лестнице к квартире мимо Жанны.

– Знаешь Вась, можно скрыть нелюбовь, иной раз и нена-

висть можно скрыть, но вот равнодушие... к тому же если оно непритворно – скрыть не удастся.

– Ой, прости. Задумался, – сказал Яковлев, обернувшись на ее голос.

– Слушай, я веду себя как школьница, – схватившись за ручку чемодана и пытаясь взгромоздить его на лестницу, сказала Жанна.

Яковлев бегом спустился на один лестничный пролет вниз, поднял чемодан и занес в квартиру.

– Да на тебе лица нет, – сказала Жанна, глядя на осунувшегося Яковлева.

– Устал с дороги. Большое дело сделали, – отвечал он, скидывая с себя кроссовки и потную футболку.

Он плюхнулся на диван, запрокинул правую руку за голову и закрыл глаза. Жанна устроилась рядом с ним, положив свою ладонь на его липкую холодную грудь. Они лежали и молчали.

– Зачем я тебе нужен? – спросил он.

– Ну, – сказала Жанна, помедлив. – С тобой вроде как надежно.

– А если хорошо подумать?

– Ты хочешь от меня избавиться? Так сразу и скажи, – надулась она.

– Не знаю. Я ничего уже не знаю. Я как будто проваливаюсь куда-то, как будто утопаю в зыбучем песке.

– Как это? – облокотившись на локоть и посмотрев на

него, спросила она. – Ты меня так не пугай. У нас самолет через три дня, ты не забыл?

– Жан, езжай домой, – сказал он, отвернувшись к стенке.

– Что ж, – встав с дивана сказала она. Увидимся в аэропорту. Чемодан оставляю здесь, не забудь привезти его, – сказала Жанна, нацепляя на ногу босоножку.

Укутав голову в платок и надев темные очки, она оглядевшись по сторонам быстро села в машину. Отъехав от подъезда Яковлева, за ней следом, чуть выждав тронулась грязная бежевая «девятка». Жанна почти сразу заподозрила слежку и умело сбросила «хвост». Вернувшись домой, она застала мужа за делами.

– Как, ты дома? – напугавшись спросила Жанна.

– Да, слушания перенес. Ты где была? Машину забрала из сервиса? – не отрываясь от своих бумаг, спрашивал Олег.

– Нет еще. Чинят.

Домработница, опустив глаза, держала портфель.

– Ясно. К ужину не жди. Дела, – даже не взглянув на жену, взяв у домработницы портфель, сказал он и вышел из дома.

– Чего вылупилась? – прикрикнула Жанна.

Домработница, едва сдерживая слезы, убежала на кухню. Жанна и не собиралась повышать голос на нее, она была напугана сама.

Не ожидая от сурового мужа иной реакции, она занялась своими делами. Весь вечер собираясь позвонить Яковлеву, она все же решила больше не беспокоить его сегодня.

Бежевая девятка, въехав во двор осветила окна дома светом фар. Яковлев так и уснул в той позе, в которой оставила его Жанна, когда уходила. Он настолько крепко спал, что даже не проснулся от шебуршаний в замке входной двери. Одетый во все черное мужчина в перчатках и в балаклаве на голове без особых усилий проник в квартиру. Он медленным, бесшумным шагом подбирался к спящему Яковлеву, попутно заглядывая в другие комнаты. Убедившись, что в квартире кроме них двоих больше никого нет, он, подойдя к дивану, играючи делал выстрелы направляя пистолет на лежащего человека. В итоге он взял подушку и аккуратно накрыл ею голову спящего. Робко и неуверенно поднеся пистолет к подушке, он, зажмурившись, нажал на курок. Пошарив по ящикам шкафа, убийца забрал себе паспорт с билетом на самолет, кое-какую наличку, сотовый телефон и стоявший посреди комнаты большой желтый чемодан. Пистолет он оставил на оголенной груди Яковлева. Колеса чемодана с шумом катились по паркету.

Тело бывшего капитана полиции Василия Яковлева было обнаружено его соседкой по лестничной клетке к вечеру следующего дня, когда семейная пара, будущие хозяева его квартиры, не дозвонившись до него, приехали на сделку вместе с нотариусом.

Часть 3

Наша кровь опять обретает корни...

Катеб Ясин

Глава 1

Только сойдя с самолета и пройдя паспортный контроль ташкентского аэропорта Николай радостно выдохнул. Новоиспеченная гражданка Казахстана Маркова Кристина Олеговна всю дорогу показывала свои капризы другу Яковлева, наотрез отказываясь от пищи. Николай, доставив свой груз в Алма-Ату и желая поскорее отделаться от «живого груза», купил на деньги Яковлева два билета на самолет Алма-Ата -Ташкент, потому как еще двое суток с этой капризной особой он не выдержал бы. Да и в Москве дела.

Выйдя из холодных, продуваемых стен аэропорта в зеленый вечерний город, их обдало жаром. Исушенная ташкентским солнцем земля радушно встречала измученных долгой дорогой путников. Широко и приветливо улыбаясь навстречу им, шли таксисты, предлагая символическую плату за свои извозчицкие услуги.

– Акташ? Нет брат, туда не поеду, – отвечали таксисты один за одним, узнавая, что пассажирам надо в Самаркандскую область.

Николай подобно выючному мулу взвалил на себя сумки, ведя под руку ослабшую девушку. На стоянке дружно в три ряда стояли припаркованные Нексии. Кристина от непривычной ей жары валилась на землю. Николай, поправляя сумки, подтягивал девушку. Завидев издалека эту картину, к

ним подошел юркий смуглый мужчина лет пятидесяти, одетый в черную рубашку с коротким рукавом и белые брюки, поднимая с земли свалившиеся с Николая сумки.

– Брат, куда ехать надо?

– В Акташ, – с надрывом ответил Николай, схватив за подмышку девушку.

– Хоп¹⁵, брат, поехали, – шустро потащив сумки до своей белой Нексии, с акцентом сказал мужчина.

Николаю только оставалось поспевать за ним. Он уложил Кристину на заднее сидение, подогнув ее ноги, а сам сел вперед.

Уже реже стали попадаться деревья, стало пусто и однообразно. Вдруг посреди степи вырос поток из машин, ожидавших своей очереди, чтобы заправиться газом на единственной заправке в городе. Простояв на заправке около часа, они наконец поехали дальше.

На темно-синем загустевшем небе тем временем зажглись яркие звезды. Свежий ветерок залетал в открытое окно машины. Круглолицый приветливый водитель, улыбаясь во весь свой белозубый рот, смущал пассажира своей ненаигранной открытостью.

– Вы откуда приехали, брат? – спрашивал водитель.

– Прилетели из Алматы. Девушка с Москвы, – кивнув головой на Кристину, ответил он.

– Меня Асанали зовут.

---

¹⁵ Хоп (узб.) – договорились, хорошо, ладно.

– Николай, – будем знакомы.

– Хоп, брат.

Асанали включил радио. Из колонок раздавалась веселая, задорная музыка. Напряженный и уставший за эти дни Николай, начал расслабляться, словно оказавшись дома.

– Вы к кому приехали, брат?

Николай полез в поясную сумку за бумажкой с адресом. Асанали включил свет в салоне.

– Так... Узбекистан, Самаркандская область, город Акташ дом ##

– Назира хон? – еще больше обрадовавшись, спросил Асанали.

– Да, похоже, что к ней.

– Аааа, – все поняв, сказал Асанали. – Девушка лечить везете, брат?

– Ну, что-то типа того, – отвечал Николай.

– Назиру хон не только в кишлаке знают, а во всем Узбекистане! Все уважают ее и побаиваются.

– Ясно.

– Сестрица ваша?

– Кто? Эта горемычная? Нет. Лучший друг попросил доставить ее до места.

– Назира хон поможет, – весело, пританцовывая за рулем, говорил Асанали.

– Ну, дай Бог! Или кто у вас? Аллах? – с ухмылкой сказал Николай, так же, как и Яковлев, не особо веривший в цели-

тельство. – А ты сам откуда?

– Я Октош живу. Хорошо, брат, ты мне попался, домой еду, семью увижу. Ты, брат, в гости ко мне заходи вместе с сестрицей. У меня дом, семья большая: жена, два сына, – перечисляя, протяжно говорил водитель.

– Хоп брат, – ответил Николай.

Степной придорожный пейзаж сменился кое-где слабо подсвечиваемыми одноэтажными постройками утопающими в зелени деревьев.

– Все, брат, Октош приехали.

– Что означает «Октош» как вы говорите?

– Если перевести на русский язык, то получится «Белый камень», – ответил Асанали.

Они проезжали по главной улице кишлака. Водитель завернул в переулок, в котором жила Назира. Нежданно-негаданно подул сильный ветер, тревожно зашумела листва невидимых деревьев. Асанали остановил машину рядом с роскошно отделанными высокими серебристыми воротами, перед которыми протекал арык. Николай вылез из машины едва удерживая дверь. Пыль забивала рот и нос. Асанали долго стучал в ворота, но никто не выходил. Наконец зажегся фонарь во дворе. Асанали даже подпрыгнул от радости. Из ворот выглянула высокая, с широченными плечами, грозным, нахмуренным лицом с черными длинными волосами женщина в цветастом халате. Было очевидно, что незваные

гости потревожили ее сон.

– Ну чисто гренадер, – вылетело у Николая, стоявшего у машины и наблюдая за ними.

Непонятная для него узбекская речь, струилась ручьем словно мелодия, хоть и ругались они громко и эмоционально. Он подошел к ним поближе, чтобы спасти Асанали от гнева разбуженной женщины.

– Здравствуйте, извините нас за поздний визит без предупреждения.

Женщина тут же успокоилась и стала внимательно слушать.

– Меня зовут Николай, но это, собственно, не важно... Я привез к вам девушку. Примите ее. Ах, да, чуть не забыл, – сказал он, роясь в своей поясной сумке. – Это вам.

Женщина взяла протянутый ей измятый листок.

«Назирка привет дорогая! Это Валентина. Помнишь меня? Там ребятки хорошие интересовались тобой, надо им помочь. Адреса то у меня твоего нет, а номерка и давно. Передаю записку через парня, найдет тебя или нет, уж не знаю. Лизка, девчонка, которую ты лечила – замуж вышла, детей родила, хорошо все у нее. Мы с дочкой и зятем переехали в Подмосковьё, здесь аренда дешевле, а квартиру в Москве сдаем. Так и живем. Работаю тоже здесь. Вот тебе мой адрес, пиши».

– И где девушка? – хорошо говоря по-русски спросила женщина, положив листок в карман халата.

Радостный, от того, что наконец пристроит девушку, Николай побежал к машине. Асанали пошел вслед за ним. Взяв на руки Кристину, Николай занес ее во двор.

– А я поеду обратно, дела, – сказал Николай, уложив девушку на топчан.¹⁶

– В понедельник Асанали отвезет вас. Чего-чего, а постели у узбеков всегда навалом. Оставайтесь.

Ветер стих. Водитель, выгрузив сумки и попрощавшись с Назирой поехал дальше, к своей семье, которую не видел всю неделю. Назира закрывая калитку, внезапно остолбенела, заметив лежащее на земле у ворот перо белого ворона. Зажмурившись и бегло прошептав молитву «Ля-илляхе иль алла Мухаммад Расул Алла¹⁷», она захлопнула калитку, не открыв глаз.

Солнце вставало утром в душном мареве, огромное, как раскаленная чугунная болванка. Из соседнего переулка густо пахло дымком тандыра и свежими лепешками. Николай вздрогнул, услышав, как за его спиной во дворе кто-то начал подметать. Обернувшись, он увидел Назиру с веником в руках.

– Ну и пыли вчера нанесло! – сказала она.

---

¹⁶ *Топчан – это тип уличной мебели, уникальный для Центральной Азии, сочетающий в себе большую кровать, на которой могут разместиться 4–8 взрослых, и стол, за которым можно принимать пищу.*

¹⁷ *Нет бога, кроме бога (Аллаха), а Магомет пророк его.*

Вымощенный тротуарной плиткой «Клевер» просторный крытый внутренний двор разделял дом на две части: на мужскую половину и женскую, с выходящими во двор окнами. В центре двора располагалась квадратная большая и ухоженная глубокая клумба с крупными бутонами красных и белых роз, обнесенная забором из балясин, посередине которой из густой высокой травы выглядывал хауз.¹⁸ Цветы – старинная любовь узбеков и не найти в Узбекистане ни одного дворика, где бы они не росли. Дальняя часть дома представляла собой хозяйственные помещения, с крыши которых водопадом спускались вниз вьющиеся растения. Снаружи светло-голубые стены дома наполовину скрывала пыльная живая изгородь. Ближе к мужской половине дома стоял топчан, застеленный пушистым цветным ковром и подушками. Под топчаном, в тени охлаждались арбузы. В лакированном потолке в крытой части двора можно было увидеть свое отражение.

– Не бойтесь меня. Я ничего о вас не знаю и если не хотите рассказать, что вас привело ко мне, то и не надо. Я и так все увижу, – сказала Назира, положив веник у стены.

– Честно признаться, я никогда еще так не высыпался. Ваш дом словно колыбель. Хотел с утра деньги поменять, вышел на улицу, а от меня почему-то как от чумного шарохались, – невинно, по-детски говорил Николай.

---

¹⁸ Хауз - искусственный водоём, *резервуар* питьевой воды, часто при *мечетях*, на городских *площадях*, в садах; обычно *прямоугольный* в плане, укреплённый по берегам посадкой деревьев или отделанный каменной облицовкой.

– В кишлаке все по-иному. Жизнь здесь течет спокойно, как глубокая река, не бурлит по-городскому. И ее чувствуешь всем своим существом, отмечаешь все ее грани. В городе не знаешь, кто живет с тобой на одной лестничной площадке, а в кишлаке у нас люди приветливые, отзывчивые. Вот увидели нового человека, и интересуются.

– Да уж, приветливые.

– А зачем ты на улицу с голыми ногами вышел? Вот и привлек внимание.

– Так лето ведь, а это шорты, – посмотрев на свои волосатые ноги ответил Николай. – В чем у вас мужчины летом ходят?

Назира проигнорировала его вопрос.

– Откуда вы так хорошо владеете русским языком? – спросил он.

– Институт культуры и искусств кончала. Хватит болтать, айда завтракать! – завязав в объёмный пучок свои густые иссиня-черные волосы, сказала Назира.

Николай последовал за Назирой, которая, обойдя клумбу своим тяжелым шагом, оказалась на задней части двора. Пригнув голову, он нырнул в след за ней, оказавшись в просторной комнате с отделанными в едином стиле с фасадом стенами. Лепнина на потолке не показалась ему чересчур вычурной. Напротив, чувствовалась какая-то эстетика во всем этом. На длинном, во всю комнату деревянном столе с фигурными ножками, имитирующими лапы неведомого зверя,

стояла ваза со свежесрезанными розами, наполнявшая душную комнату нежным ароматом. В центре стояли блестящие вазочки с вареньем, трехъярусная конфетница, наполненная различными орехами, и большой поднос с зеленым и черным виноградом. Окаймлял все это чайный сервиз на десять персон, с классическим узбекским орнаментом. Николай из скромности сел с краю у входа, и Назире это не понравилось. Поймав на себе ее грозный взгляд, он понял, что провинился еще сильнее чем за оголенные ноги.

– Мужчина должен сидеть во главе стола. Тур¹⁹.

Николай, поняв что хочет от него Назира, покорно встал и прошел вглубь комнаты.

Ничего не помнящую Кристину уложили в женской половине дома. Проснувшись на полу, среди разноцветных одеял и подушек она еще долго лежала и смотрела на потолок с массивными бревнами, считая их: ровно одиннадцать балок, с хрустальной люстрой, свисающей по центру. Узбеки делали потолки с деревянными балками в качестве защиты от обвала в зависимости от сейсмозоны, в которой жили. Пробуя восстановить в памяти фрагменты из недавнего прошлого, с момента, когда последний раз видела Яковлева, она быстро устала и закрыла глаза. На стуле лежали банные принадлежности, на спинке висел цветастый халат, любезно приготовленный Назирой для гостыи. Кристина впервые за

---

¹⁹ Узб. – Встань.

долгое время заинтересовалась своим внешним видом. Перевернувшись на живот, она попыталась встать на колени, а затем подняться с пола. Пытаясь поймать равновесие, она держалась рукой за стену.

На белом декоративном камине стояло два портрета. Портреты молодых мужчин, сделанные в разные периоды времени. Черно-белый снимок первого мужчины узбека с усами, явно был сделан в советское время. Тогда было в моде носить такие усы. Красавец-парень со второго фото, смотрящий прямо на Кристину – наши дни. В какую бы сторону она не отошла, он точно следил за ее движениями.

Над камином в толстой раме из дерева висел гобелен «Утро в сосновом лесу». В памяти Кристины вспышкой промелькнул момент как медведь-Яковлев тащит ее изнеможенную на своих руках по густому лесу; как ветви кустов задевают и царапают ее нежную кожу. Делая мелкие шаги, она передвигалась по комнате. Она подошла ближе к картине и коротко улыбнулась. Сняв со спинки стула халат, Кристина долго крутила его в руках, не понимая, как правильно он одевается. Она обмоталась этим пестрым куском материи, запахнула полы и подвязалась поясом. Этот халат больше бы подошел высокой плотной узбечке, в нем Кристина казалась совсем ребенком. Крутя головой по сторонам, Кристина морщилась от тянущей боли в шее. Она искала зеркало, чтобы за долгое время наконец увидеть свое отражение, как вдруг замерла на месте. Прямо перед ней стоял неболь-

шой книжный шкаф со стеклянными дверцами, в котором она уловила свой силуэт. Ей стало неприятно от самой себя: осунувшееся лицо с черными кругами под глазами, некогда густые и пышные волосы, превратившиеся в лоснящиеся, жирные колтуны, спадающие с плеч тяжелыми сосулями. Она собрала банные принадлежности со стула и пошла приводить себя в порядок.

Из комнаты во двор вело три двери. Кристина смотрела на них так внимательно и долго, почти поверив в то, что у нее троится в глазах. Сделав выбор в пользу средней двери, она вышла прямо к клумбе.

– Я что в раю? – увидев розы, тихо, словно про себя, произнесла Кристина.

Эти пышные бутоны привлекли ее внимание. У порога стояло много разных и красивых шлепанец и босоножек. Она смотрела на них также долго, как и на двери, выбрав из них самую скромную пару. Пройдя по свежеполитой плитке к розам, она не заметила Николая со шлангом в руках, поливающего плитку, а заодно и клумбу.

– Идиот! Ты меня всю вымочил! – с укоризной сказала она, не имея силы выругаться привычным ей образом.

– Прости! – бросив шланг в клумбу, сказал Николай, поспешив к девушке на помощь.

– Ты зачем потоп устроил? – спросила Кристина, обтираясь полотенцем.

– Хозяйка сказала сбить пыль. Двор грязный.

– А где она сама?

– А ты оказывается разговаривать умеешь, – обрадовался Николай, заметив в девушке значительные улучшения. – Хозяйка намаз читает, просила не беспокоить.

– Куда ты меня привез? Что такое намаз? Где Яковлев? Он приедет?

– Разговаривать то умеешь, да только одними вопросами, – наклонившись перекрыть воду пробормотал он.

Не успел Николай поднять голову, а девушку уже как водой смыло. Перехотела Кристина любоваться розами, обошла клумбу и даже не взглянула на них. Тычась в каждую дверь на заднем дворе, скрытыми свисающими сверху крупными листьями, она испытывала разочарование. И вот, наконец, одна дверь была не заперта. Переливающаяся всеми цветами радуги мозаичная плитка украшала стены уличного туалета, с одиноко стоявшим в углу кумганом.²⁰ В соседней комнате была обустроена баня. Кристина, долгое время лишенная этих благ и удобств, испытала восторг. Не считая и не следя за временем, она чистенькая и распаренная вышла во двор. Столкнувшись в дверях с мужеподобной хозяйкой дома, Кристина растерянно оглядывалась, словно ища поддержки Николая.

– Ну что? Пойдем я тебя посмотрю, – сказала Назира, с

---

²⁰ *Кумган – Кумгайн – узкогорлый сосуд, кувшин для воды с носиком, ручкой и крышкой, применявшийся в Азии в основном для умывания и мытья рук, исходя из традиции отправления естественных потребностей на исламском Востоке. Кумганы изготавливались из глины или из металла.*

прищуром смотря на девушку.

Кристина, вновь обретшая дар речи, тут же потеряла его, смиренно проследовав за хозяйкой. Она не разговаривала с хозяйкой, а та, не обращая внимания на девушку, совершала нужные ей приготовления. Назира повязала платок на голову, села на пол, взяла в руки бархатный мешочек и достала оттуда новый тасбих²¹. Кристина села на курпачку²² рядом с ней, и скрестила руки и ноги. Назира попросила девушку выпрямить ноги и освободить свои руки. Закрыв глаза, Назира стала сильно и часто зевать. Начав читать молитву, шарик тасбиха, сделанный из камня раскололся пополам. Назиру, прекрасно владевшую до этого своим телом, начало трясти и шатать из стороны в сторону. Порядком удивившись, но не подав виду она взяла другой тасбих и продолжила читать молитву.

– Наколки есть? – спросила Назира.

– Есть, – со страхом в глазах отвечала Кристина, собрав волосы в хвост и оголив шею.

– Ты зечка что ли? Или ишак? – с неприязнью говорила Назира, увидев на шее девушки две волнообразные черные линии.

---

²¹ Тасбих – чётки, применяемые в исламе. Используются в мусульманской среде практически повсеместно для облегчения счёта при совершении зикра, восхваления Аллаха, дополнительных молитв к намазу.

²² Курпача – легкий стеганый матрас, который используется для разных целей. На матрасах сидят во время приема пищи, особенно когда обед проходит за дастарханом.

– Это водолей. Мой знак зодиака, – виновато сказала Кристина.

– Всевышний дал тебе чистое тело, чтобы ты его клеймила? Сама в лапы к шайтану идешь, – негодовала доброрасположенная до этого Назира.

Назира плюнула на свои пальцы и не вставая потянулась рукой к горшку с цветком, стоявшему на полу, зачерпнула земли и растерла ее на шее девушки, замазав рисунок.

– Йа Шафи, Йа Шафи, Йа Шафи... Йа Шафи, Йа Шафи, Йа Шафи²³, – нараспев повторяла Назира. Кристина, словно под гипнозом упала навзничь. Назира продолжая напевать молитву, занесла над девушкой тасбих. Тасбих крутился над ней с такой скоростью, едва не вылетая из рук Назиры. Скорость верчения нарастала все больше, в итоге Назира потеряла над собой контроль, тасбих вылетел из ее рук и ударился о стену, а она без сил свалилась рядом с девушкой.

Николай маялся без дела, не зная, чем себя занять. Ни денег местных, ни связи, на улицу просто так не выйти. Полдня пролежал на топчане, доедал оставшийся с завтрака виноград, отгоняя назойливых пчёл, а там и темнеть начало. В мужской половине дома было пусто. Он заглянул в женскую – тоже никого. В столовой, и других помещениях такая же история. Еще в одной части дома, не похожей на остальные постройки во дворе и полностью скрытой свисающими рас-

---

²³ Одно из прекрасных имен Аллаха, с помощью которого человек может обратиться к Всевышнему за исцелением. Дарующий исцеление.

тениями – дверь была заперта. Он вернулся в столовую. Зачерпнул горсть орешков со стола. В животе неприятно урчало от такого количества съеденного за день винограда.

– Блин! Блин! Блин! – громко воскликнул Николай, заметив лежащие на полу ноги хозяйки, выглядывающие из проема соседней комнаты, выходявшей из столовой вглубь дома.

Бросив орешки на стол, он, обойдя его вошел в комнату. Его глаза испугано расширились, когда он увидел хозяйку с девушкой, лежащих вповалку.

Подойдя к Кристине первой, он тряс ее за руки, но она никак не реагировала на это. Назира услышав вопли парня, очнулась сама.

Вечерний свет изливался на землю, дома. Тишина заполнила собой все улицы готовившегося ко сну кишлака. Если бы не чайхана, находящаяся в самом центре кишлака на пересечении главных улиц и хоть и тусклые огни ее навесных лампочек, кишлак казался бы не спящим, а мертвым.²⁴ Вокруг чайханы целыми днями царили вкусные запахи свежих горячих мант, жареного мяса, которые поневоле привлекали прохожих. Назира и Николай с обеих сторон вели Кристину под руки. Оказавшись на пороге чайханы, эта троица не могла не привлечь к себе внимания. Мужчины, ужинавшие

---

²⁴ *Власти в ночное время суток отключают в кишлаках, да и не только в кишлаках, но и в городах подачу электроэнергии, из-за острой нехватки газа в стране.*

в чайхане тем вечером ошарашено вскочили со своих мест приветствовать Назиру, редко появлявшуюся на людях и в общественных местах.

– Бопты²⁵ – сказала Назира мужчинам, помогшим довести Кристину до отдельно ото всех стоящего столика.

Официант, а по совместительству хозяин заведения, вынес дорогим гостям аккумуляторный светодиодный фонарь и установил его в центре стола. Вся летающая братия – мушки, комары, мотыльки и прочие жучки – слетелись на свет.

– Как братишка? – спросила официанта Назира.

– Яхши, рахмат, – приложив руку к груди и низко поклонившись Назире, ответил официант. – Ваши новые гости?

– Да. Готовить сегодня некогда было. Неси нам как обычно.

– Хуш келебсиз²⁶, – таким же образом поклонившись перед гостями, сказал он и побежал на кухню.

Гости, не зная как себя вести, молча кивнули в ответ.

Официант скоро принес большую тарелку свежееиспеченной самсы с бараниной. Назира опустила голову, раскрыв перед собой ладони и что-то тихо и невнятно прошептала, затем умыла руками свое лицо с возгласом «Биссмилях»²⁷, взяла правой рукой самсу и протянула ее девушке. Кристина растерялась, но взяла из рук хозяйки самсу.

---

²⁵ *Всё, хватит. (узб.)*

²⁶ *Добро пожаловать! (узб.)*

²⁷ *Во имя Аллаха!*

– Ммм, как же вкусно! – сказала Кристина, облившись вытекшим из самсы жирным соком.

– Ешь, тебе силы нужны, – сказала Назира, протянув самсу и Николаю.

– Во мне проснулись непонятные силы, будто и не подыхала совсем недавно, – говорила Кристина, уминая одну самсу за другой.

Николай смотрел на оживавшую девушку и умилялся.

– Раз все хорошо, значит мы можем уже в понедельник ехать обратно? – спросил Николай.

– Куда обратно? – удивилась Назира.

– В Москву.

– Ты можешь ехать, а она пусть останется. Тебя тоже не лишним будет посмотреть, – предложила Назира.

– Да? – сомнительно посмотрев на Назиру сквозь свет фонаря спросил он. – А ничего в том, что мы разной веры?

– Да? – передразнив его сказала Назира. – Ты в кого веришь?

– Я? – Николай смутился и немного помедлив с ответом сказал:

– В Бога.

– И я в Бога. Получается вера у нас одинаковая.

Николай смутился еще больше.

– Я имел ввиду религию. Вы шепчете непонятные молитвы, если это молитвы, не думаю, что Бог одобрит это дело, – ткнув пальцем в небо сказал Николай. – Насколько я знаю,

знать будущее для православного человека – это грех, да и в принципе считаю это дело неправильным.

– У Бога нет других рук, кроме человеческих! Запомни! Всевышний помогает нам через нас же самих. И будущее кроме Бога никому не известно. Бывает приходит человек и просит будущее предсказать. Ты молитву читаешь, а тебе духи говорят, что нельзя этому человеку знать, нельзя говорить, что будет. Можно лишь дать ему правильное направление.

– Сейчас шоу новое идет по телевизору с Пореченковым. Там люди со сверхспособностями угадывают о человеке всё. Не видели?

– У меня нет телевизора.

– Раз уж зашел разговор о будущем, как же предсказания знаменитой Ванги?

– А что она предсказала? Ни один специалист никогда тебе не скажет точное время и место. Ни один. Если предсказания даются, то только на ближайшие два года, и то размыто: такое-то и такое-то может произойти. Слышишь? Может произойти. Опять же, если тебе гадалка нагадала быть богатым, ты услышал, обрадовался и сидишь ждешь «когда же я стану богатым?», при этом ничего не делаешь, то и богатство к тебе не приходит. Кто виноват? А она тебя подтолкнула, дала направление правильное или просто увидела в тебе предрасположенность.

– Стоп, стоп, стоп, – замахал руками Николай. – Если

предсказала, значит судьба? Правильно я понимаю? Если судьба, то сто процентов должно сбыться.

– Вот тебе история. В нашем кишлаке давно когда-то жила цыганка. Она и хорошие и плохие вещи делала. Но манера у нее такая была: без спроса людям говорить то, что она видит и думает. Мне сказала, что у меня через неделю муж умрет. Я молода была, поверила ее словам. С базара домой вернулась, мужа в комнату посадила и закрыла на все замки, только через окно во дворе с ним общались. Думала так уберегу его от смерти. Он у меня на ТЭС работал электриком. Ему, наверное, надоело запертым сидеть, он достал свой чемоданчик с инструментами и отверткой полез чинить, – показав рукой, как крутят отверткой, говорила Назира. – Токком ударило, мгновенная смерть. Остались мы с сыном одни. Я долго потом обижалась на нее. Иногда лучше правды не знать. Вот тебе предсказание.

– А вы сами неужели не видели, что ваш муж скоро умрет?

– Видишь ли, Николай, врач сам себя лечить не может, как и человек, у которого белый дар ничего о себе спросить высшие силы не может. Те, кто черной магией занимается, те могут смотреть и себя. Я нет.

– Если сможете помочь этой девушке, будет очень здорово.

– Давайте хоть познакомимся, – с полным ртом и неожиданно прорвавшейся страстью, сказала Кристина. – Я Кристина. А вас как зовут?

– Назира. Можешь называть меня мамочка Назира.

– Круто вас здесь встречают, – подметила девушка, смотря на разных людей, подходивших к их столику поприветствовать Назиру.

– Это они еще не знают кто ты, – сказала ей в ответ Назира.

– Не думаю, что им известен великий и ужасный подмосковный судья, – засмеявшись сказала Кристина.

Назира и Николай не поняли ее шутку. Николай накинул на плечи девушки свою олимпийку. Назира попросила еще добавки.

– Я напишу письмо Яковлеву, или отцу и они меня потом заберут! – обратившись к Николаю, сказала Кристина. – Передашь?

По дороге до дома, Кристину распирало от любопытства и накопившихся вопросов. Она вела себя так искренно, как может вести себя только ребенок. Николай не переставал удивляться как на его глазах полуживой человек распускался как поистине прекрасный цветок. Чудеса, – думал он.

Ночи были прохладные, свежие. Хозяйка включила электрогенератор. Во дворе и в комнате, где расположилась Кристина зажегся свет. Назира, как заботливая мать заглянула к девушке пожелать ей доброй ночи.

– Простите меня за наглость и за мое чрезмерное любопытство, – обрадовалась Кристина увидев Назиру в проеме двери своей комнаты.

– Туууф, это не наглость же. Это душа у тебя открывается.

А сейчас если сможешь уснуть, усни. Тебе надо сил набраться. По своим делам каким я все что смогу, то сделаю. Но от тебя тоже немало зависит. Ты почему ночью не спишь? День с ночью перепутала.

– Можно я вас обниму? – попросила Кристина.

Назиру не на шутку передернуло.

– Йок. Нет. Все, давай спи, – засобиравшись уходить, ответила Назира.

– А на этих фотографиях ваш муж, да? – не желая отпустить Назиру, спросила она.

– Тот, что с усами – муж. А это сын, – подойдя к камину, и взяв в руки портрет, отвечала она.

– А где он?

– Спи, сказала! Завтра сложный день.

Глава 2

Жаркому сентябрьскому дню предшествовало непростое утро. Николай ходил по двору загруженный, не решаясь позвать Назире. Его дилемму разрешил Асанали, с шумом ворвавшийся во двор.

– Ассалому алейкум брат! – воскликнул Асанали. – Вы как брат, готовы ехать обратно? – Как сестрица?

– Как, уже сегодня? – удивился Николай, пожав руку Асанали.

– Я после обеда везу клиента в Тошкент, брат, вы поедете с нами.

– Ну, хорошо, – нехотя согласился Николай.

– Назира хон, Ассалому алейкум!

– Эй, Асанали, ты чего здесь? – с кухонным полотенцем на плече грозно сказала Назира показавшись на шум во дворе.

– Николай брат повезу обратно.

– Эээ! Как обратно? – нараспев и даже сердито сказала она, уже успев привыкнуть к Николаю.

– Назира хон, не ругайтесь прошу вас, – сказал Асанали.

– Идемте обедать, – пригласила она обоих.

Асанали обрадовался и пританцовывая пошел мыть руки. Пока мужчины мыли руки, Назира зашла проверить Кристину. Девушка лежала на полу с открытыми глазами и не моргая смотрела в потолок.

– Чего лежишь, день давно.

– Я опять их слышу.

– Кого? – Назира сняла с плеча полотенце, чтобы прогнать муху.

– Голоса. Они опять меня донимают.

– Вставай, надо поесть и Николая проводить.

– Сейчас встану.

Асанали уже сидел за столом в предвкушении угощений Назиры, во всех подробностях рассказывая Николаю какие вкусности она умеет готовить. Назира на большом подносе из кухни несла через весь двор три крупных пиалы свежеприготовленной наваристой шурпы из баранины, разнося по двору насыщенный аромат. Асанали увидев из окна идущую Назиру, оторвал маленький кусок лепешки с тмином себе и кусок побольше для Николая.

– А где? – посмотрев на Николая спросила о девушке Назира, расставляя пиалы.

Николай пожал плечами. Асанали взял сервизный чайник с крепко заваренным ташкентским черным чаем и омыл им пиалу, вылив чай обратно в чайник, затем заново наполнил пиалу и с поклоном подал ее Николаю. Николай в свою очередь поклонился в ответ и принял пиалу.

– Чего лежишь, вставай сказала! – вновь зайдя в комнату к Кристине воскликнула Назира.

– Не могу, сил нет, – еле ворочая языком говорила Кристина.

Назира немного постояла и ничего не сказав вернулась обратно в столовую.

– Назира хон, научите мою жену так готовить! Пальцы все какие есть облизал! – сказал Асанали.

– Все в порядке? – спросил Николай помрачневшую Назиру.

– Хоп, хоп, – кротко сказала она и принялась за шурпу.

После обеда Асанали торопил Николая ехать в дорогу.

– Я заходить к ней уже не буду. Вот, возьмите, – достав из своей поясной сумки непрозрачный сверток сказал он.

– Это что? – удивилась Назира.

– Здесь ее паспорт и деньги. А это номер телефона моего друга Васи, передайте ей.

Назира спрятала сверток в карман халата.

– Хорошо тут у вас. Спасибо, – напоследок оглядев двор и низко поклонившись сказал Николай.

– Езжай с Богом!

Назира проводив гостя и закрыв за ним калитку резко переменилась в лице. Предстоял еще один непростой день. Отдав вчера все свои силы девушке, она боялась идти к ней вновь. Видение, которое посетило ее в момент отключки сильно настораживало и волновало ее. Пропустив вечерний намаз и боясь из-за видения совершить намаз утренний, она еще некоторое время просидела на топчане во дворе перебарывая в себе нежелание идти к больной. Ведь без желания ни одна молитва не даст плодов.

Неторопливо встав с топчана, Назира пошла к девушке. Кристина спала в той же позе, в которой ее застала Назира, приглашая к обеду. Назира повязала на голову платок, вынула из мешочка тасбих и не тревожа девушку устроилась на коленях рядом с ней.

– Бисмилляхи Рахмани Рахим²⁸, – начала она зевая.

Кристина пошевелилась. Назира смотрела на нее своими черными, непроницаемыми глазами с опущенными вниз уголками. Занеся над девушкой тасбих и нараспев читая молитву, тасбих в точности как в предыдущий раз раскрутился до предела и вылетел из ее рук ударившись о камин. Назира потеряла сознание.

Вечера здесь наступают раньше нежели в Москве, – ведь это Восток. А судьба так затягивает узел, что его не развязать и тысяче мудрецов. Очнувшись в полной темноте, Кристина нащупав рядом с собой лежавшую без сознания хозяйку закричала во весь голос.

– Мамочка Назира, что с вами!?! – тряся ее и приложив ухо к груди проверить, дышит ли она кричала Кристина.

– Найди во дворе фонарик и спустись в подвал, надо свет включить, – уставшим голосом пробасила Назира.

– Хорошо, сейчас.

Кристина подскочила с места и перешагнув через хозяйку вышла во двор. Небо стало совсем темным и покрылось

---

²⁸ Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного. Начало молитвы всех мусульман.

звездным бисером. В столовой зажегся свет.

– Я такая голодная! Я бы сейчас даже слона съела! – сказала Кристина, помогая Назире подняться с пола.

– Слона говоришь? Идем со мной, с обеда шурпа осталась. Назира налила в крупную пиалу разогретые остатки шурпы и подала девушке. Кристина, не донеся ужин до столовой, накинулась на еду, не отходя от плиты.

– Жирная какая, но вкусно невероятно, – говорила Кристина.

– Ешь. Мясо барашка хорошо иммунитет укрепляет.

Назира поставила на поднос еще одну пиалу, вышла во двор и скрылась за клумбой. Когда Кристина насытилась, то поняла, что хозяйка оставила ее наедине уже давно. Прилив сил и энергии в буквальном смысле разрывали Кристину на части.

– Коля, Коль. Ты где? Выходи, – заигрывая крикнула девушка, подойдя к мужской половине дома.

Но никто ей не отвечал. Она обошла большую квадратную клумбу по периметру больше десяти раз, ожидая появления хозяйки, но та, как в воду канула. Выглянула за ворота – никого. Тишина. Даже собаки не лают. Кристина вернулась в свою комнату. Достав из привезенного с собой рюкзака вещи, которые Яковлев наспех собрал ей в дорогу, Кристина не нашла ничего подходящего на свой размер. Всё либо висело на ней, либо было коротко. По размеру подошел только черный спортивный костюм и лиловая олимпийка, в которой

ее и привезли в этот дом. Принюхавшись к кофте, в которой она проходила больше недели, Кристина решила постирать ее. Взяв с собой кофту и банные принадлежности, она отправилась во двор. Погасив свет в своей половине дома и потушив фонарь во дворе, она еще раз прошла мимо открытой двери комнаты хозяйки и онемела от увиденного. На кровати сидела Назира готовящаяся ко сну. Она расчесывала свои длинные черные волосы, а рядом с ней стоял костыль. Кристина, скрипнув массивной дубовой дверью вошла к ней в комнату. Назира была спокойна. Кристина стояла и молча смотрела на ее больные ноги.

– Возьми курпачку и садись, – сказала Назира, кивнув головой в угол комнаты, в котором стопкой были уложены цветные матрасики.

Кристина сняла верхнюю курпачу, расстелила ее перед ногами Назире и села. Кристина, прождавшая весь вечер хозяйку, не находила что сказать.

– Это меня Бог так наказал, – объясняла Назира.

– За что? – удивленно спросила девушка.

– За то, что по молодости, по неопытности бесплатно людей лечила.

– За такое разве можно наказывать!?

– Можно. Богу все можно. В его глазах это выглядит как гордыня. А гордыня – страшный грех.

– Подождите, но вы же лечили, помогали людям. Вы же сами рассказывали, когда мы в кафе сидели, что у Бога нет

других рук. Только человеческие.

– Все верно. Я плату с больных не брала, считая себя все- сильной, всемогущей, – подключив свой восточный акцент говорила Назира. – В этом дворе раньше толпы из больных выстраивались в длинные очереди. Это очень, как это ска- зать, – подбирая слово говорила Назира, – это очень тешило мое самолюбие. То, что я могу делать такие вещи, ничего не прося взамен.

– Ничего не понимаю, – говорила Кристина, поджав под себя ноги. – Если ваш дар от Бога, то почему вы не можете лечить просто так?

– Потому что я не Бог, а в первую очередь человек, кото- рому нужно что-то кушать. Это моя работа. Бог дал тебе дар или талант быть хорошим врачом, поваром или бухгалтером. Ты ходишь на работу чтобы получать за свой труд денежное вознаграждение. Ты бы стала работать бесплатно, просто по- тому что делаешь свою работу лучше других?

– Честно сказать, я ни дня в своей жизни не работала, – сказала Кристина, а на ее щеках выступил румянец.

– Лечить людей – большой труд, который тоже должен оплачиваться. Почему я трачу свои силы и время на пьяни- цу, или наркомана, забираю на себя его дерьмо, а он дальше идет пить и курить? На это у него деньги есть. А я свои силы отдаю ему просто так. Я ни в чем нужды не знала, больных спасала. Глупая.

Кристина задумалась.

– Я еще спросить хочу. Можно? – сказала Кристина смотря на Назиру снизу вверх.

Назира кивнула.

– Вы совсем одна да? А где ваш сын что на портрете?

– Я не знала где он. Могла бы посмотреть, давно бы посмотрела. Ни себя, ни семью свою смотреть не дано. Если только во сне попросить. Когда у меня нога начала загнивать, я до последнего к врачу не обращалась. А когда приперло, сын меня повез к кишлачному врачу. Тот руками развел и в Ташкент отправил нас. В Ташкенте сказали, что отрезать надо ногу. Но пока такие операции они не делают и сказали надо ехать в Москву. Сын бросил работу собрал меня и повез в Москву. Там в больнице Пироговке,²⁹ мне операцию казах хирург делал. Я крови много потеряла, и он мне сказал, что нужно переливание делать мне. Ищут мою группу крови. Я ему говорю: «Эээй, не надо мне русский кровь вливать, как я буду людей лечить?» Вот видишь какая глупая была, – улыбаясь рассказывала Назира. – А он мне отвечает: «А к тебе что, русские лечиться не ходят?». И сын уговаривал на переливание. Мама говорит, ты что, умереть хочешь? Так что во мне течет не только узбекская кровь, но и наполовину русская!

– И что было потом? – с любопытством спрашивала Кристина.

– Кровь влили, операцию сделали. Сын все со мной си-

---

²⁹ Первая городская больница им. Пирогова.

дел в больнице, ухаживал за мной. А где-то за неделю до нашей выписки пропал. В больнице никто его не видел. Вышел за лекарством в аптеку и не вернулся. Меня выписали, а идти куда? Сына нет. Денег нет. Документы сына у меня. В больнице помогать сына искать отказались, мы за палату еще остались должны. Но меня тот хирург казах отпустил, договорился с кем надо, да защитит его Аллах! – сказала Назира, подняв ладони вверх. – Пошла я в милицию заявление писать о пропаже сына. Заявление моё приняли. Но искать не искали. Куда сын мой пропал? Я сидела на скамейке у милиции и попросила Аллаха помочь найти моего сына. Так всю ночь просидела, замерзла, а после операции врач запретил переохлаждаться. Я сидела и вспоминала наш дом, как у нас тут тепло и как холодно и зло у вас, там, – говорила Назира указывая рукой в сторону. – Вышел следователь, который заявление мое принял, и накричал на меня что я сижу людей отпугиваю. Пришлось уйти оттуда. Идти тяжело было, непривычно. Очень кушать хотелось и кафе как раз попало по дороге. Я предложила им помощь по кухне в обмен что они меня покормят. Хозяйка согласилась и взяла меня к себе полойкой. Так я провела в Москве в поисках сына год. Жила в кафе там же. Хозяйка паспорт забрала.

– Ого. А как вернулись домой обратно?

– Просила Аллаха, чтобы он мне показал, где мой сын. Сын во сне пришел ко мне и показал, что рядом с Аллахом теперь, и что искать его не надо, – подняв палец вверх ска-

зала Назира. – Я молила Аллаха, чтобы он забрал и меня к себе.

Кристина внимательно слушала хозяйку и в ее голове всплывали обрывками странные, неяркие картинки, в которых мелькал ее отец, но она не придала им особого внимания.

– Потом подружилась с одной женщиной хорошей, Валентиной. Она меня все домой отправляла. Да она сама концы с концами сводила, детям ипотеку помогала платить. Она так удивлялась как это я говорит, умею лечить, а денег за это не беру. Тут в Москве говорит этим на каждом углу зарабатывают. А хозяйка кафе паспорт мне не отдавала, ничего не платила, я за еду так и работала. Потом Валентина привела ко мне знакомых своих, у них дочка болела. Я ее вылечила, и они хорошо меня отблагодарили.

– Да ладно! – подпрыгнув на месте воскликнула Кристина.

– Да. Это были мои первые деньги, заработанные целительством. Я большую часть Валентине отдала, и себя смогла выкупить у хозяйки.

– Офигеть! Это ж сколько вы бабла подняли?

Назира нахмутив брови смотрела на девушку.

– Ну имеется ввиду, как много вам заплатили!

– Я и не считала сколько там было. Главное, что выкупила себя и домой вернулась.

– А сейчас к вам ходят лечиться?

– Ходят, кому денег не жалко. Слух недобрый пошел по кишлаку, что я деньги брать стала за лечение. Но я на себя ни сума³⁰ не потратила. Все на благо идет, на пожертвования, но людям этого не объяснишь.

– Интересная у вас жизнь. Вы так интересно рассказываете. Я бы, наверное, тоже брать деньги не смогла, если бы умела лечить, – рассуждала Кристина.

Назира поменялась в лице.

– Ночь давно. Тебе спать надо. Завтра будем тебя на учет ставить, а то время пребывания истечет, депортируют еще.

– Ну неееет, – с неохотой сказала Кристина. – я спать сейчас вот совсем не хочу. Давайте лучше вы мне еще что-нибудь о себе расскажете?

Назира смотрела на нее и вспомнив свое видение поняла, что наутро девушка и половины не вспомнит от того, что сейчас слышала. Та жизнь, которую Назира вдыхала в нее с каждым днем, за ночь сжирала темная сила. Эта живая и любопытная девушка утром будет валяться пластом, пока Назира вновь не отдаст ей часть себя и так до бесконечности.

– Я не буду больше лечить тебя, – неожиданно произнесла Назира.

Кристина растерялась.

– Это потому, что я не могу вам заплатить? Вы к этому вели? – напугалась девушка.

– Бог с тобой! Конечно не поэтому.

---

³⁰ Узбекский сум – денежная единица Узбекистана.

– А почему тогда?

– Я все никак разобрать не могу. У тебя происхождение какое?

– Как это какое? – задумалась Кристина. – Человеческое. Назира не поняла ее шутки.

– Давай погасим свет, и ты можешь лечь сегодня со мной. Кровать у меня большая, поместимся, – предложила Назира. Кристина, обрадовавшись схватила фонарик и побежала в подвал отключить генератор. Назира решила рассказать девушке все, как есть, потому как дальше оттягивать было бессмысленно. Кристина быстро обернулась и легла рядом с хозяйкой приготовившись внимательно ее слушать.

– Ну что, шагнем далеко назад, чтобы увидеть контуры будущего? Мне тогда не исполнилось еще и тринадцати, и жизнь представлялась мне доброй, сказочно-прекрасной, готовой в любое мгновение – только пожелай, подарить все хорошее и радостное, что есть в мире. Семью нашу в округе хорошо знали, уважали, поэтому отец не мог допустить чтобы образование дочери, подобно окружающим ее сверстникам, ограничивалось школьной программой. По настоянию отца я училась музыке, усиленно занималась историей и естествознанием. Мы жили не здесь, а в горном кишлаке неподалеку от Ташкента. В том кишлаке, очень давно жила семья, еще больше уважаемая чем наша. Отец мой только их и нас признавал, с остальными людьми он не считался. Поэтому о выборе для меня будущего мужа вопрос не сто-

ял. Мне с малых лет предназначался внук одной почтенной женщины. Да вот женщина эта была непростая. А вот такая как я, понимаешь? – спросила она тихо лежавшую рядом девушку.

– Людей лечила? – уточнила Кристина.

– Не только людей. И скот лечила. И разные чудеса творила. С силой её никому из ныне живущих не сравниться. Она больше ста лет прожила. Никогда она моему отцу не подчинялась. Он к ней и так и этак, но она супротив ему всегда шла. Отец мечтал выдать меня за муж за ее внука Алишера. Алишер был сыном ее внука, а внук ушел на войну и не вернулся. Она забрала к себе Алишера и его брата на воспитание.

– А как звали ту женщину?

– Галия.

– И вы вышли за него замуж?

– Нет, не вышла. Бабушка Галия обладала необычным даром. Никто не знал о ее происхождении. Где она выросла, кто ее предки. Внешне она менялась, не старела. В свои девяносто лицом выглядела на сорок лет. Известно всем было только то, что дар ее может только девочке-наследнице передаться. А в ее роду все мужчины: три сына, четыре внука, два правнука. Муж Галии рано ушел, она с сыновьями жила, потом с внуками своими, и даже правнуков воспитала. Помню, как отец мой однажды проговорился про потом-

ков Тамерлана³¹, и что Галия принадлежит его роду. Ну да о человеке необычном всегда плетут небывлицы. У отца моего идея фикс, – с акцентом произнесла Назира. – Задумал он дар ее себе забрать, мечтал о могуществе, чтобы всех к себе подчинять.

– А как? Если только девочкам?

– Через меня. Мне исполнилось четырнадцать, самое время становиться женщиной. Алишеру восемнадцать исполнилось и пришел мой отец к бабушке Галие договариваться о нашей женитьбе: «Вот вам моя дочь Назира, она вам наследницу родит». Моя мать – дочь кишлачного имама. Дед мой, отец матери – человек богобоязненный и мудрый, он боялся отдавать меня в жены внуку всевидящей. Он считал ясновидение за большой грех. Алишер сам не пожелал брать меня в жены, хоть я была и образованной девушкой, и играли мы в детстве вместе. Алишер сказал мне, что я должна выбрать для себя мужа сама, а не отец должен решать мою судьбу. И мне как тогда, так и сейчас, кажется, что он был прав в своих словах. Но отца моего захватило желание и переубедить его было неподвластно никому. Так Алишер бежал из родного дома спасая меня от уготованной моим отцом ложной судьбы. И никто его больше никогда не видел. Я спрашивала у бабушки Галии, как ее внук, где он сейчас, но было похоже, что она и сама не знала где он. Отец уже разнес по кишлаку

---

³¹ Тимур (Тамерлан) (1336—1405) – государственный деятель и полководец. Создатель государства со столицей в Самарканде.

новость о нашей с Алишером женитьбе, раз бабушка Галия против этого, то, чтобы перед людьми ей не было стыдно, она заставит внука взять меня в жены. Но бабушка Галия своего решения не меняла и получилось так, что отец потерпел позор перед людьми. У отца гордыня разыгралась и как-то в одну из ночей он с топором пошел во двор к бабушке Галие и зарубил чинар, под которым она любила сидеть. Все люди думали на моего отца. И я думала. Но невозможно за одну короткую ночь срубить дерево, ствол которого не обхватить и пятером. А сама бабушка Галия скоро заболела. Бахтиёр, брат Алишера пришел к отцу с просьбой пожалеть старую женщину и не трогать больше их семью. Отца это еще сильнее разозлило, и он чинил им разные неприятности, поскольку он был влиятельным человеком в кишлаке, ему это делать было очень легко. Бабушка Галия и ее внук с семьей достойно принимали удары от моего отца. Чтобы спасти и меня от позора, отец отправил меня учиться в Ташкент. Бабушка Галия узнала об этом и попросила Бахтиёра привести меня к ней. Разговор у нас с ней был недолгий. Из-за своей болезни ей тяжело было разговаривать и двигаться, она говорила со мной обрывками фраз. В тех краях и поныне из уст в уста передается легенда о молодой женщине, которая придет на наши земли и будет исцелять одним своим прикосновением, о женщине, которая избавит людей от мук и страданий.

– Действительно, легенда, – подтвердила Кристина.

Я запомнила каждое ее слово, – сказала Назира. – Вот что она сказала мне:

– Аллах дал мне длинную жизнь, Назира. Но не дал мне наследницу. Это говорит о том, Назира, что время еще не подошло. Но подошло мое время. Чтобы мне легко уйти, я передам тебе все, что должна была передать наследнице, Назира.

Назира замолчала.

– И что было потом?

– Потом она передала мне свой дар со словами: «Ты не навсегда будешь владеть им. Когда белый ворон обронит свое перо, придет час».

Назира вновь замолчала.

– И что это означает? – спрашивала нетерпеливая Кристина.

– Белый ворон – символ их рода, их ангел хранитель.

– Подождите, – сев на кровати и подогнув под себя ноги сказала Кристина. – А белые вороны разве существуют в реальности?

– Конечно существуют. Но увидеть их, особенно в наших краях большая редкость.

– А вам удалось хоть раз увидеть его?

– Нет, только перо.

Кристина задумалась.

– Я тогда совсем девчонка была, представь себе. На следующий день отец отвез меня в Ташкент к своей сестре. Как

только я школу кончила, пошла учиться в институт искусств. Я очень любила петь. Отцу про бабушку Галию и про дар я ничего не сказала. А потом и совсем забыла. Мама моя рассказала мне, что через день после моего отъезда бабушка Галия умерла. Я так долго оплакивала ее. Она была ну очень хорошей. Только после замужества и рождения ребенка дар этот открылся у меня.

– Вы стали лечить людей вместо нее? Это про вас говорить в той легенде?

– Нет, жоним³². Это легенда про тебя.

Кристина очень громко и заливисто засмеялась.

– Вы шутите так?

– Нет, не шучу. Я пока не могу понять, почему в тебе ее кровь, – говорила Назира.

Кристина с трудом верила словам целительницы.

– Почему ты молчишь? – спросила Назира.

– Я устала. Можно я пойду к себе?

– Нет. Если ты сейчас уйдешь, то утром с тобой будет то же самое, что и сегодня, и вчера. Понимаешь?

– Нет. Я не помню себя ни сегодня, ни вчера.

– Пока ты не примешь свой дар, ты будешь мучаться всю жизнь. Пойми, другого пути у тебя нет. Либо с ума сойдешь, либо сопьешься. Жизнь в тебе поддерживает только твой особенный дар. Если ты не сделаешь то, что я тебе сейчас накажу, то все твои дни будут похожи на кошмар. Ты пони-

---

³² «Душа моя». (узб.)

маешь меня? Умереть тебе дар не позволит, но то, что ты будешь живым трупом это точно я тебе говорю.

Кристина смотрела в темноту и не понимала что хочет от нее хозяйка. Назира поднялась с кровати и включила фонарик. Она открыла нижний ящик прикроватной тумбочки и достала оттуда тонкую тетрадь. Смочив слюной пальцы, она листала тетрадь в поисках подходящей молитвы. Вырвав листок и подогнув его на нужном месте, она подала его напуганной девушке. Кристина прижалась к стенке обхватив руками колени.

– Бери, не бойся, – сказала Назира, протягивая ей листок.

– Что там?

– Эти слова ты должна повторять три раза в день по семь раз.

Кристине пришлось взять листок.

– Здесь же не по-русски написано. Я не понимаю.

– Попробуй прочти.

Кристина начала читать, а потом убрала листок и по памяти повторяла написанное. Назира не подала вида удивлению. Она, конечно, верила своему видению, верила предсказанию бабушки Галии, верила своим духам, но до конца все же не была уверена что это именно та девушка, которая должна унаследовать великий дар.

– Откуда я знаю это!?! – еще больше запаниковав воскликнула Кристина. – Я слышала эти слова. Голоса шептали мне эти слова!

– Эти слова – защита твоего рода. Чтобы закрыть в тебе на время темную силу, ты должна будешь читать эти слова.

– Если эта легенда про меня, то о какой темной силе вы говорите? Вы запутываете меня еще больше. Да у меня сейчас голова взорвется.

– Человеку легко запутаться, достаточно раскрутить его с завязанными глазами вокруг своей оси.

– Ну и шутки у вас.

– Послушай девочка, я пока сама не верю в то, что именно тебе бабушка Галия завещала свой дар. Я тоже думала, что это всего лишь легенда. Но как она могла это предвидеть? Ведь прошло столько времени, – забеспокоилась Назира. – Вылечить я тебя не могу, потому что ты не больна.

– Выходит, я здорова? И голоса в моей голове, и странные видения, это нормально? Отец, да и те, кому я пыталась раскрыться посчитали меня умалишённой. Значит то, что я видела тогда, на заводе не глюк? Это правда было...

– Ты здорова и сильнее меня во много раз. Но духи говорят мне, что ты прямая наследница дара. Расскажи мне, кто твои родители?

– Мама была простая учительница музыки в школе, отец..., – Кристина помедлила с ответом. – Отец судья.

– А дальше?

– Что дальше? – смотря на Назиру переспросила Кристина.

– Бабушки, дедушки. Кто они?

– Я никогда не знала ни своих бабушек, ни своих дедушек, – сползая с кровати сказала Кристина.

– Завтра на учет тебя поставим в миграции, потом съездим в одно место если Асанали нас подвезет. В соседний кишлак. Там и убедимся, настоящая ли ты наследница или нет.

– Слушайте, если вы так сомневаетесь, то может не стоит это все делать, – скомкав листок сказала Кристина. – Не нужен мне никакой дар, оставьте его себе.

Назира вспыхнула, поменялась в лице. Ее и без того грубое лицо, сейчас было похоже на старую, страшную ведьму.

– Я больше сорока лет ношу в себе эту тайну. Можешь ты меня понять, что это такое? Сколько мне всего пришлось пережить? Сколько людей прошло перед моими глазами! Сколько пришлось потерять. Да я мечтаю от него избавиться. Столько бед из-за него. Хоть на старости лет проживу как нормальный человек.

Кристина молча слушала, играя желваками.

– И вы хотите освободить себя, чтобы мучалась я?

– Это твой путь. А теперь посмотри на свою жизнь. Я не знаю как ты жила, но ведь что-то необычное ты за собой замечала? Тебя заносило из стороны в сторону? Ты кидалась в крайности? А твои голоса. И в конце концов. Почему ты здесь? Что такого с тобой случилось, что тебе понадобилась моя помощь?

Кристина залилась слезами. Назира поспешила ее успокоить.

– Иди ко мне, жоним.

Кристина села рядом с Назирой, и та по-матерински обняла ее.

– Поплачь. Я вижу, что тебе пришлось пережить. Да чтоб их могила не приняла, тех кто такое с тобой сотворил!

Кристина рыдала еще сильнее, вспоминая время, проведенное в лесу.

– Ты не можешь найти место в этом мире, среди этих людей. Потому что там нет места для тебя. Твое место здесь. Ты особенная. Не такая как твои друзья, сверстники. Ты обладаешь сильнейшей энергетикой, такая энергия только у высших сил, поэтому люди не могут находиться с тобой рядом. С такой энергией не имеют ни друзей, ни семьи, никого. Каждый должен встретить свою половинку, человек не может быть один, одиночество позволено только Богу. И не расстраивайся из-за этого. Знаешь же выражение «Белая ворона»? Ты рождена для большего. У каждого человека приходя в этот мир есть своя особая миссия. Все испытания, которые ты перенесла, это всего лишь борьба добра и зла в тебе. Твой дар, про который я тебе говорю, он уже есть в тебе, мне останется только открыть его. Но есть помеха. И эта помеха черный дар. Я не знаю откуда он у тебя, но в тебе идет борьба темных и белых сил. Одна пытается вытеснить другую. Если черным даром не пользоваться, то он убьет тебя. Но этого не может произойти, потому что у тебя великая белая сила. Тебе ни в коем случае нельзя пользоваться черным даром.

Тебе нельзя злиться, нельзя ругаться, чтобы черная сила не взяла вверх над тобой. Так вот с помощью этих слов, – Назира забрала у нее из рук бумажку и распрямила ее, – с их помощью, ты на какое-то время подавишь темную силу в себе, и сможешь жить нормально, как обычный человек, пока мы не придумаем как окончательно ее в тебе убрать. Надеюсь, ты понимаешь меня.

– А зачем нужны все эти испытания? Для чего они даются человеку?

– Чтобы человек мучался, – глядя Кристину по волосам отвечала Назира.

– Почему нельзя просто быть счастливыми? Всем людям на земле быть счастливыми.

– Понимаешь, высшие силы не могут допустить, чтобы человек по земле безгрешным ходил. Быть безгрешным может только Всевышний, поэтому человеку посылаются искушения. Если человек силен и способен перед искусом устоять, ему сверху добавляют еще испытаний. Поэтому у Божьего человека жизнь тяжелая. А еще испытания посылаются в виде шанса, чтобы человек на этом свете одумался, не дотягивая свои грехи до Судного дня.

– Неужели настолько все серьезно? – хлопая носом спросила она.

– Да. Люди – источники энергии для сил темных и светлых. Сейчас тобой питается темная сила, но ты можешь это остановить, прочитав слова. Отправляйся к себе. Завтра по-

едем, и ты сама все увидишь.

Глава 3

Кристина, вернувшись в свою комнату хоть и не до конца поверив в легенду рассказанную Назирой всё-таки перед сном прочитала молитву с листа. Плавно и мелодично повторяя каждое слово, она будто читала ее раньше, когда-то давно. Сон был короткий, Кристина проснулась еще до восхода солнца чувствуя себя бодрой и полной сил. Еще не успел рассвет выцветить небо, а хозяйка уже суетилась на кухню.

– Доброго утра, Назира! – воскликнула Кристина, проходя мимо кухни в баню.

Назира испугалась от неожиданности.

– Слава Аллаху! Ты помолилась! – обрадовавшись здоровому виду девушки сказала Назира. – Что снилось?

– Мама. Впервые за десять лет.

– Хороший знак. Ее что, нет среди живых?

– Скорее всего да.

– Отчего так неуверенно?

– Потому что я была уверена, что она бросила меня, точнее я думала она бросила отца и сбежала куда глаза глядят. Я не осуждала ее за это, честно сказать, была бы у меня такая возможность раньше, то я бы сделала то же самое. Как найти ее я не знала. Я просто верила в то, что отец запрещает ей приближаться ко мне. Вот и все. все что у меня от нее осталось так это ее инструмент, старенькое фортепиано.

Жаль, что никак не забрать его сюда. Скажите, вы же можете посмотреть? Жива она, или давно уже нет? – спокойно говорила Кристина.

– Да, сегодня посмотрим.

– Знаете, о чем я думаю? Я думаю о том, что только лишь ради того, чтобы говорить с мамой и видеть ее, стоит научиться этому дару.

Назира улыбнулась.

– А чем это так вкусно пахнет?

– Беляши жарятся. Будем завтракать и пойдем с тобой в миграцию. Асанали не отвечает. Ты, кстати, водить умеешь?

– Да. Только прав у меня нет, и документов похоже тоже.

– Жоним, мне Николай оставил для тебя мешочек и номер друга Васи, – сказала Назира. – В столовой на шкафу лежит.

Кристина, оживившись побежала в столовую спотыкаясь о собственные ноги. Впотьмах нащупав вакуумный черный пакет, обтянутый эластичными резинками, она вышла во двор, на свет. Поверх свертка, резинкой был прикреплен номер телефона Яковлева. Кристина, не разворачивая пакет, пошла к Назире попросить у нее телефон.

– У вас же есть мобильный телефон? Я видела, как вы говорили по нему.

Назира полезла в карман халата и достала раскладную моторолу³³.

– Звони.

---

³³ Название модели мобильного телефона

Кристина набрала номер. Телефон абонента был выключен. Она набирала повторно. Назира стояла рядом и внимательно изучала лицо девушки.

– Выключен, – расстроившись заключила Кристина.

– Друг твой? Или? – не отводя от нее взгляд спросила Назира.

– Яковлев то? Друг. Он очень благороден и за все время нашего если можно так сказать общения не позволил себе даже малейшей вольности. У нас самая чистейшая дружба.

– Вот он. Стоит за тобой, – сказала Назира смотря на плечо Кристины.

Кристина резко обернулась.

– Где? В смысле?

– Вот, душа его. Стоит за тобой. Убиенный.

Назира словно смотрела сквозь девушку.

– А как? Он мертвый? Не понимаю.

– Чего ты не понимаешь? Мертвый он. Стоит за тобой.

Кристина скуксилась, но не позволила себе заплакать.

– А как я теперь буду? Как я уеду отсюда? Кто меня теперь заберет? Кто его убил? Когда? Это точно Яковлев?

– Тууф, сколько вопросов, – сказала Назира, отвернулась и продолжила готовить завтрак.

Кристина кинула телефон на стол и быстрыми движениями развернула пакет. В пакете был паспорт со вложенными в него стодолларовыми купюрами в количестве пятидесяти штук.

– Стоп. Почему у меня паспорт синий? Это чего такое еще? Гражданка Казахстана? Серьезно? – смеявшись говорила Кристина не обращая внимания на деньги. – Сюрприз за сюрпризом.

– Садись, поешь.

Пока Кристина приходила в себя от очередной порции новостей, Назира хватая горячие беляши и бросая их в чашку снова незаметно покинула девушку.

– А что, если Яковлева убил отец? – жуя беляш, вслух рассуждала Кристина. – Да не, не может быть.

Жаркое летнее солнце не спешило сдавать свои права. Кристина надела единственный черный спортивный костюм, черную футболку и завязала свои белокурые волосы в высокий хвост.

– Ты сжаришься в этом, – выйдя в легком халате сказала Назира закалывая шпилькой объемный пучок на голове, и увидев Кристину, ожидавшую хозяйку во дворе на топчане.

– У меня больше ничего нет. Все ваши халаты мне велики, – ответила она.

– Хоп. Сходим на базар и купим тебе одежду.

Кристина впервые вышла за ворота дома. Яркое солнце слепило ей глаза. Назира быстрым шагом завернула за угол соседнего дома. Кристина, удивленная быстрой ходьбой хозяйки, закрываясь ладонями от солнца догоняла ее.

– Асанали не отвечает.

– Слушайте, так может у вас телефон не фурычит? Я же

тоже не смогла дозвониться.

– Фурычит все. Значит за рулем, некогда ему.

– Ого, – сказала Кристина, смотря на Нексию с которой Назира снимала тент.

– Это машина сына. У нас большинство машин на газу ездят, а эта на бензине. Бензин у нас не достать, но есть одно место...

Кристина обошла машину.

– Круто. Только прав у меня все равно нет.

– Будут тебе права, – уверенно сказала Назира.

Кристина, спрятав руки в карманы покачала головой в знак согласия.

– Давай, помоги накрыть обратно.

Идущие им на встречу жители кишлака радостно приветствуя Назиру, неприкрыто косились на белую девушку. Наконец они вышли с пыльной дороги на асфальт слившись с потоком женщин в пестрых одеяниях, идущих строем на уборку хлопчатника. Одинокое двухэтажное здание миграционной службы, соседствующее с пунктом милиции находилось около хлопкового поля, скрытого от людских глаз вереницей высоченных тополей. На поле всюю шла работа. Женщины и девушки, мужчины и дети, все, кто подрядился на уборку, бережно, чтобы не пораниться собирали со стеблей волокна, выдергивая их из раскрывшихся коробочек и складывали в специальный фартук, наполняя его до краев белым воздушным облаком.

– Можно я подойду поближе? – спросила разрешение Кристина.

– Хочешь, чтобы работа встала? Многие русских никогда в глаза не видели, не пугай их.

– Ну ок.

Кристина шла и улыбалась работающим узбекам искренней и восторженной улыбкой.

– Ассалому алейкум, Назира хон! – воскликнул молодой офицер, стоявший на крыльце и завидев Назиру еще у поля.

– Воалейкум Ассалом, Рашид. Как мама? – подойдя к крыльцу спросила его Назира.

– Все хорошо. Назира хон, я женюсь через месяц, приглашаю вас на свадьбу.

– А невеста кто? Наша?

– Нет, ташкентская.

– Хоп. Только я приду не одна.

Офицер, приложив руку к сердцу сделал в ответ низкий поклон.

– Вы по какому вопросу? – спросил он Назиру.

– Моей гостье нужна регистрация.

– Сейчас все на уборке. Пойдемте со мной, я поставлю вам печать. Откуда девушка приехала? – спросил офицер войдя в здание.

– Из Рос, – начала Назира.

– Республика Казахстан, – перебила ее Кристина.

Назира посмотрела на девушку и Кристина помахала ей

своим новым паспортом. Назира склонила голову и в недоумении вскинула левую бровь и уголок губ в насмешливой улыбке.

– Нам бы права еще сделать, – сказала Назира.

Офицер ничего не ответил.

– Надолго к нам? – офицер задал Кристине вопрос.

– Надолго, – подхватила Назира.

Офицер долго крутил паспорт в руках, смотря то на фото, то на саму девушку.

– Кристина Олеговна, ваша дата рождения? – спросил офицер.

Было видно, как Кристина занервничала от неожиданного вопроса.

– Эй, болам³⁴, – вмешалась Назира, строго посмотрев на него.

Офицер сделал регистрацию, поставил в паспорте печать и с улыбкой протянул его девушке.

– Заходите на чай, девушка.

Назира забрала у нее паспорт, а Кристина молча вышла на улицу.

– Ты что убежала? – догнав Кристину спросила Назира.

– Да странный он какой-то тип.

– Почему?

– Не знаю. – занервничав сказала она. – Курить хочется сильно.

---

³⁴ *Дитя мое, малыш. Ласковое обращение к младшему (узб.)*

– Ээй, ты что. Курение грех.

– Всё, всё. Поняла, – подняв руки вверх, будто сдаваясь сказала Кристина.

– Он не странный, а гостеприимный. У нас так принято, понимаешь? Вот, держи, – дав Кристине пакет сказала Назира.

– Тяжелый, что там?

– Разменяли твои деньги.

– Так много? Сколько здесь со штуки то баксов?

Кристину шокировала услышанная цифра.

– Ну спасибо Яковлеву, обеспечил. Это надо куда-то теперь припрятать, не буду же я с такой суммой по городу разгуливать.

– Не волнуйся, жоним. Это небольшая сумма. Половину я отдала Рашиду, будет делать тебе узбекский паспорт.

– Обалдеть. Теперь куда?

– Надо бензин купить и поедем.

– Командуйте, – волочась за Назирой с пакетом набитым деньгами, сказала Кристина.

Назира вела её через соседний квартал под палящим и слепящим солнцем в гору. Девушка изнывала от жары. От непривычно жирной пищи раздувало живот. Ее черная одежда притягивала к себе солнце как магнитом. Она щурилась глаза и чихала, таким ярким было солнце. Дома за домами, глиняные высокие стены узкими коридорами уводили их

куда-то вверх, в небо. Под ногами пыль и глина. И ни одного дерева. Воздух был горяч, будто прокален на сковороде.

– Хоть бы ветерок какой подул что ли, – сказала Кристина приставив козырьком ладонь ко лбу.

– Давай, не отставай, почти пришли.

– Ага, бегу, – язвительно крикнула она.

Назира стучала в ворота дома, стоявшего на самом склоне, казалось, он вот-вот упадет и покатиться вниз по белому глиняному коридору снежным комом. Хозяин долго не выходил, а через невысокий забор было видно, как кто-то резко задернул шторы.

– Да он же нас видит, – крикнула Кристина, выдав хозяина Назире.

– Отойди подальше, спрячься, – сказала ей Назира. – Хойчик Шерзод! Куркма! Бу рус аёл мен билан³⁵.

Хозяин, услышав слова Назиры несмело подошел к воротам.

– Ассалому алейкум Назира хон. Я не боюсь, почему я боюсь? – на ломанном русском проговорил хозяин дома.

– Бизларга икки канистр бензин керак³⁶.

Неподалеку сидела Кристина на корточках уже успев обжечься, спиной прижавшись к горячей стене. Шерзод сдвинув густые черные брови косился на русскую девушку.

– Ээ, зачем вам?

---

³⁵ Эй, Шерзод, выходи, не бойся, эта русская со мной. (узб.)

³⁶ Нам нужны две канистры бензина. (узб.)

– Сенга нима! Нима ишинг бор?³⁷

Назира заметила, как Шерзод зло смотрит на девушку.

– Бу яхши киз. У сенга хеч кандай емонлик килмайди.³⁸

– Яхши, шу ерда кутинглар.³⁹

– И что это было? – не вставая с корточек смотря на Назиру снизу вверх спросила изнуренная Кристина.

– У него год назад на глазах единственного брата до смерти забили, когда они на заработках в России были. Брат язык совсем не знал, Шерзод немного говорит. Ему удалось убежать домой. На нем места живого не было. Лечился у меня. Теперь он детей брата воспитывает.

– Жесть какая.

Жена хозяина вынесла за ворота две полные канистры бензина. Назира расплатилась с ними и не позволив Кристине ей помочь взяла обе канистры в свои руки и они, медленно спускаясь вниз пошли домой. По дороге Кристина просила Назиру рассказать ей еще о подобных случаях на примере с Шерзодом.

Залив полный бак и убрав канистры с тентом в багажник Кристина села за руль. В машине было пыльно и душно. Она открыла бардачок и закинула в него свой паспорт.

– Вы дорогу знаете? Куда едем?

---

³⁷ Ты чего это? Какое тебе дело? (узб.)

³⁸ Это хорошая девушка. Она не сделает ничего плохого. (узб.)

³⁹ Хорошо, ждите здесь. (узб.)

– Жоним, тебе не плохо? Ты листок с молитвой взяла? – интересовалась Назира уставшим видом девушки.

– Я наизусть помню. Эти слова у меня как пластинка заели в голове, – нервно отвечала Кристина.

– Яхши.

Кристина завела мотор, и они двинулись за город. Они ехали по пепельной, потрескавшейся земле, усыпанной по обочине густо поросшим янтаком и дымными кустами чахлой полыни. Пыль стояла столбом от проезжающего им на встречу транспорта. Назира быстро среагировав закрыла свое окно. Виднеющиеся туманные очертания пасущегося в стороне табуна, были бездвижны, словно нарисованы карандашом.

– Вы уверены что мы делаем правильно? Ну убедитесь вы, что я наследница. А дальше что? Как я узнаю какая у меня миссия? Кого я должна буду спасти? Это же всего лишь легенда.

Назира ничего не ответила на вопрос девушки, а только продолжила показывать дорогу. Наконец они съехали с пыльной дороги на местами асфальтированную.

– Хоть скажите к кому едем?

– Потерпи немного, скоро приедем.

Из-за высоких тополей показался яйцевидный купол мечети.

– Воот там остановись, – показав на стоянку у высокого забора вдруг сказала Назира. – Приехали.

Подъехав к самым воротам, Кристина удивленно выглядывала через лобовое стекло смотря сквозь кованную калитку на начинающие желтеть деревья хурмы и ее крупные поспевающие плоды. По узкой тропинке, задевая локтями свисающие плоды на встречу гостям шел невысокий старик в тюбетейке. Назира вышла к нему на встречу. Кристина, сидя в машине и задумавшись о чем-то своём не слышала, о чем они говорили. Назира постучала ей в лобовое стекло. Старик низко поклонился девушке, и она вышла. Кристина хлопнула дверью так, что пыль на машине от проеханной дороги создала небольшое облако. Кристина начала чихать. Старик с ходу начал экскурсию, изо всех сил стараясь говорить на языке девушки. Назира видя, как ему трудно дается русский язык, попросила старика рассказывать на узбекском.

– Эта мечеть названа в честь Хазрата Абу Кусам шейх ибн Саид Ахмед ан-Насафи, достигшего статуса «Кук-ота» в мире науки, порога вечности в вечной земле Нарпай. Этого святого человека жители Нарпая с уважением называют «Кук-ота», – переводила с узбекского Назира, когда они, пройдя по садовой тропинке вошли во двор мечети.

– Кук-ота родился с тягой к знаниям и первоначально обучал его отец. В дальнейшем став учеником ученых по религии в совершенстве овладел Кораном, хадисами⁴⁰, фикхом⁴¹,

---

⁴⁰ *Хадис* – предание о словах и действиях пророка Мухаммада, затрагивающее разнообразные религиозно-правовые стороны жизни мусульманской общины.

⁴¹ *Фикх* – мусульманское право (юриспруденция).

таухидом⁴² и многими другими науками.

Кристина делала вид что внимательно слушала, а сама жадным взглядом смотрела на бак с питьевой водой, что стоял у дерева. Назира заметила это.

– Жоним, эту воду нужно пить только после посещения кладбища, – сказала Назира.

– А мне теперь от жажды умереть? – едва не плача ответила ей Кристина.

– Капля воды, поданная жаждущему в пустыне, смывает грехи за сто лет. Узбекская пословица, – поддержав гостью сказал старик.

– Слышали? – довольно сказала Кристина.

Она подбежала к баку, схватила плавающий в нем ковш для питья и осушила его, повторив так два раза. Расплескивая до краев наполненный ковш, она жадно глотала воду. Назира со зрителем подошли к ней поближе. Девушка стояла довольная, под единственным деревом, отбрасывающим прохладную тень, наблюдая за игрой солнечных пятен. Деревья для узбеков не только растение, деревья для них как часть жилища, защищающие от палящих лучей солнца.

– Этому баобабу более двухсот лет. Это удивительное дерево было привезено и посажено паломниками, отправившимися в саудовскую Аравию для совершения хаджа, – переводила Назира.

– А теперь пройдемте в самую мечеть, – пригласил старик.

---

⁴² Таухид – исламский догмат о единственности и единстве Аллаха.

– Нет-нет, нам нужно на кладбище, – отказавшись зайти в мечеть сказала Назира, желая отделаться от сопровождающих.

Старик поклонился Назире и оставив гостей ушел заниматься своими делами. Обойдя мечеть, Назира вышла на задний двор к кладбищу. Узкий длинный коридор, выложенный невысоким кирпичным заборчиком, разделял кладбище на две части.

– Жутковато, – сказала Кристина.

– На этом кладбище находятся могилы десятков великих правителей, сановников и судей, – говорила Назира. – А еще здесь древние захоронения известных узбекских деятелей и писателей.

Назира занесла здоровую ногу на кирпичную стеночку и опершись на руку девушки поднялась к могилам. Кристина повторяла за ней. Они шли по потрескавшейся глиняной почве, через древние могильные плиты. Наконец Назира остановилась.

– Это здесь, – сказала она, остановившись у полутораметровой дахмы.⁴³

– И что это такое?

– Это могила святого. Религиоведы Кук-ота говорят, что его предки были потомками Пророка Мухаммада, да благо-

---

⁴³ Да́хма – зороастрийское погребальное сооружение; др. названия – «башня молчания», «башня смерти». Обладает духовной силой, предназначено оградить землю от проникновения нечистоты.

словит Аллах его имя. Давай я помогу тебе залезть.

– Не не не, я не полезу туда. Вы чего? – напугано говорила девушка.

– Лезь.

Кристине не оставалось ничего другого как послушаться грозную Назиру.

– Это безумие, – говорила Кристина, залезая в дахму.

Назира кряхтя залезла вслед за девушкой.

– Легенда гласит, что если избранный придет на могилу к святому, то есть сюда, и, если он действительно избранный к нему выйдет змея.

Кристина, услышав о змее, выскочила наружу разозлив этим Назиру.

– Залезь обратно, – сердито крикнула Назира.

– Мы с вами так не договаривались. Так вы решили меня проверить да? Если я не наследница дара, то пусть меня змея укусит. Так? Вы как будто не знаете, что в такое пекло змеи особенно агрессивны. Еще раз повторяю, не хотите отдавать мне дар, не надо!

– Нечего бояться. Знаешь сколько сюда рискуя жизнью целителей приезжает и мечтает, чтобы к ним вышла змея. Но никому из них не посчастливилось увидеть ее. Залезай обратно.

До ужаса напуганная рассказом о змее Кристина с неохотой делала то, что говорила ей Назира.

– А к вам? К вам она выходила? – дрожа от страха спро-

сила Кристина.

– Нет, ко мне тоже не выходила, – с легкой досадой сказала Назира.

– И долго нам здесь сидеть?

Назира промолчала закрыв глаза.

– Ладно, посидим. Зато в теньке, – поджав под себя ноги, успокаиваясь заключила девушка.

Они сидели в абсолютной тишине. Кристина смотрела на Назиру, которая, казалось, забыв о девушке медленно раскочивалась из стороны в сторону, словно входя в транс. Кристина, пощелкав пальцами перед лицом Назиры сама начала часто и громко зевать закатывая глаза. Назира напевала красивую мелодию своим грубым голосом. Девушка от жары и нехватки воздуха поддалась убаюкивающему эффекту. Спустя полчаса, как только Назира умолкла, обоим слышались отчетливые шорохи. Они одновременно открыли глаза. Плоская голова с раздвинутыми челюстями и быстро колыхающимся язычком в разинутой пасти смотрела прямо в глаза девушке. Кристина, как парализованная не могла пошевелить конечностями. Она была словно заморожена холодными и неподвижными глазами змеи.

– Вы тоже это видите?

– Имконсиз.⁴⁴

Из ниоткуда появившаяся змея вмиг испарилась, как только ошеломленная от увиденного Назира, едва не расте-

---

⁴⁴ Это невозможно (узб.)

рвавшись начала читать молитву. Ничего не объясняя девушке, она медленно выползла из дахмы. Кристина, находясь в исступлении еще немного посидела на месте. Она вся целиком и полностью превратилась в оголенный провод.

– Все это конечно до жути эффектно и таинственно, но черт возьми! Назира! Меня без моей воли везут за фиг знает сколько километров от дома в глухой узбекский блин кишлак и объявляют какой-то супер-пупер наследницей! Это розыгрыш? Где скрытая камера? Эй, Яковлев! Ты где? Выходи! – вылезая из дахмы кричала она вслед Назире.

Назира почти дошла до выхода с кладбища и даже не обернулась на Кристину. Но услышав, как девушка резко и неестественно взвизгнула остановилась и резко обернулась. Кристина сидела на земле упав на одну из могил и схватившись за колено тихо плакала. Назира ничуть не удивившись увиденной картине подошла к ней оставшись стоять в коридорчике.

– Что с тобой? Вставай, пойдем, – без жалости крикнула ей Назира.

– Я только что своими глазами видела Яковлева! – кричала она в ответ.

Ошеломленная столь внезапным видением, ощущая нечто вроде робости, смутения, испуга и, совсем как маленькая девчонка растерялась, не смея сдвинуться с места и не зная, как быть.

– А зачем ты его позвала, да еще и на кладбище? Вот он

и пришел, – нисколько не удивившись сказала Назира.

– Да в смысле? Вы издеваетесь? Как я его могла видеть сейчас?

– Привыкай, теперь всегда так будет, – протянув ей руку сказала Назира.

Кристина встала на ноги и прихрамывая подошла к Назире.

– Я правильно поняла, того Яковлева которого я только что видела, как живого, в живых больше нет?

– Правильно.

– Но как?

– Значит пришло его время, – спокойно отвечала Назира.

– Как время? Он же молодой совсем.

– Каждому человеку Всевышний отмеряет нужное количество лет. Кому-то двадцать, а кому-то сто двадцать. Но это не значит, что человек, которому Всевышний отмерил двадцать лет -плохой. Нет. Просто у этого человека миссия, с которой он пришел на Землю уже выполнена. А такая миссия есть у каждого. Для человека написан сценарий его жизни, и люди, которые ему встречаются на пути также не случайны. Твой друг был твоим Ангелом-Хранителем. Миссию свою он выполнил и Всевышний забрал его душу к себе.

– Как он умер?

– Ты можешь посмотреть сама.

– Да блин, просто скажите, как он умер и все, – требуя от Назиры немедленного ответа сказала Кристина.

– Был убит.

– Я знаю кто его убил, – уверенно сказала Кристина.

– Я вижу, что он послан был тебе, чтобы вернуть тебя на родную землю. Дальше у него жизнь не была прописана, – уверенно отвечала Назира.

Кристина, не поверив в выполненные миссии и в Ангелов-Хранителей уже четко представляла, как она отомстит своему отцу за Яковлева. Назира словно прочитав ее мысли коротко сказала:

– Не вздумай!

Кристина пошатнулась на месте.

– Вот видишь. Нельзя тебе о злом думать. Сейчас тебе предстоит укрепиться в своих силах, и я тебе в этом помогу. Здесь совсем недалеко есть место одно, проедем еще туда. Я расскажу тебе об одном человеке. Подожди меня во дворе, я сейчас глины наберу.

Назира достав из кармана халата целлофановый пакет, ковыряя палкой почву принялась собирать в него глину с могилы. Кристина, подустав от количества новой информации даже не стала интересоваться зачем она это делает и махнув на нее рукой вышла во двор мечети. По местной традиции напоследок испив воды из бака и умыв лицо после посещения кладбища они поехали дальше.

– Этот мавзолей был построен в восемнадцатом веке и в этом мавзолее находится гробница нашего великого предка, – начала Назира стоя у подножия тесной синей лестницы,

ведущей высоко в гору. – Не перебивай, – прервав пытающуюся вставить слово девушку сказала Назира.

Кристина закрыла рот на замок, а невидимый ключик выбросила себе за спину.

– Он был высокого роста, с непревзойденной силой и мощью. Бесстрашный, воспитанный в военном духе и был очень уважаемым человеком. Его жена была русской. Сражаясь в битвах с врагами, он ни разу не получил ранения. А воевал он много. К нему подсылали убийц, но он всегда выходил победителем. Потом русские полководцы, изнуренные долгой войной, пытались узнать его секрет невредимости у его жены. Когда его голова была на молитвенном ковре он, потому что любил жену подпустил ее к себе и его жена ножом убила своего мужа, потому что у неё не оставалось иного выхода. В народе его прозвали «ХожаКарзон», то есть «погиб от ножа жены» или «Хожа которого закололи».

– И какая мораль? – прервав молчание спросила Кристина, когда они почти поднялись в гору к мавзолею.

– Нельзя давать слабину. По наговору она увидела в своем родном муже врага, врага своего народа. И она ошиблась.

– Да уж.

На самой вершине лестницы их встречала кирпичная арка с синим куполом. Мавзолей состоял всего из одной просторной комнаты- склепа; пол склепа был устлан разными цветными коврами, а по центру располагалась девятиметровая гробница, обтянутая темно-зеленым бархатным покрыв-

тием.

– Хожакарзон был захоронен вместе со своими верными лошадьми. Прикоснись к гробнице.

Кристина несмело положила ладони на ковер.

– Чувствуешь силу? Ты должна чувствовать, ты тоже очень сильная.

– Да, что-то такое есть, – ответила Кристина, чтобы в очередной раз не расстраивать Назиру. – А что стало с его женой?

– Спустя какое-то время она наложила на себя руки.

Идя к закату, легко плывущее огненное светило с каждой минутой превращалось в тяжело остывающий шар, собственной тяжестью увлекаемый за край неба. Возвращаясь домой, они застали у ворот машину Асанали и самого Асанали, восхищенно размахивающего руками.

– Чего это с ним? – спросила Кристина.

– Сейчас узнаем.

– Фархад машинасы!⁴⁵ – радостно кричал Асанали, когда, подъехав к дому Назира вышла из машины.

– Чего расшумелся? – устало прикрикнула на него Назира.

– Ассалому алейкум сестрица!

– Воалейкум ассалом, – ответила Кристина, сама не ожидая от себя такого.

Асанали мельтешил под ногами Назиры, извиняясь за

---

⁴⁵ *Это же машина Фархада! (узб.)*

то, что не взял трубку, когда он был ей так нужен.

– Бопты, Асанали. Ужинать будешь с нами?

Асанали сжимался от смущения. Ему очень хотелось остаться на ужин и в то же время неловко было напрашиваться.

– А можно? – спросил он.

– Жоним, хозяйничай на кухне сама. У меня намаз, – дав Кристине команду, Назира торопливо повязала на голову платок и зашла в дом.

Кристина быстро сполоснула руки в умывальнике нагретой солнцем водой и зашла на кухню. Асанали как хвост следовал за ней. Подбоченившись, она осматривала кухню, не зная за что взяться.

– Чайник там, – показав пальцем на шкаф сказала Асанали. – А хлеб в той корзине, – отправив девушку в другой угол кухни сказал он.

Кристина молча делала то, что подсказывал ей гость Назиры.

– Клади больше чая! Ээй, не так надо! – подскочив с места сказал Асанали. – Давайте сестрица я вам помогу.

Кристина устало села на край кухонного дивана и запрокинула голову назад. Асанали наслаждался процессом заваривания чая пересказывая девушке в подробностях события, случившиеся с ним в дороге за день. Настойчивый голос все говорил и говорил, превращаясь в белый шум. Девушка думала о своем.

– Удовольствие одно! А запах какой! – воскликнул Асанали закончив приготовление чая.

– Может все-таки подождем хозяйку. Некрасиво получится, если начнем без нее, – осадив болтливого гостя сказала Кристина.

– Хоп.

Назира после молитвы вернулась к гостям с большим арбузом в руках. Асанали перехватив у хозяйки груз, отнес и положил арбуз в раковину под струю холодной воды. Арбуз едва помещался в раковине отталкивая от себя струю и превращая ее в брызги.

– Уже познакомились? – спросила Назира, заканчивая накрывать на стол.

Кристина, недоуменно подняв брови посмотрела на Назиру.

– Это Асанали. Он получается праправнук бабушки Галии.

– А это Кристина. Я не знаю как, не могу объяснить, но в вас течет одна кровь. Вы кровные родственники. Понимаешь? – смотря на девушку говорила Назира. – У меня есть предположения, что ты либо дочка, либо внучка Алишера, правнука бабушки Галии. Ты говоришь, что своих дедов не знаешь. Кто твой отец?

– Я уже говорила вам, мой отец Олег Валерьевич работает судьей, мама Ирина Валерьевна, была простым учителем музыки. Дедов я никогда не видела, но судя по отчествам ро-

дителей – они оба Валерии. Ни о каких Алишерах я не слышала никогда.

Асанали в панике метался по кухне, не понимая как русская девушка может быть с ним в родстве.

– Блин, я как чувствовала, что отец мне не родной. Мы слишком разные с ним, – прикидывала Кристина.

Назира закрывала глаза и губами шептала молитву, обращаясь к высшим силам. Девушка с нетерпением ждала ответа. Наконец Назира открыла глаза и долго думая, будто перепроверяя саму себя сказала:

– Нет, вижу у родителей ты родная. И они родные своим родителям. Что-то здесь неладно. Духи мне показывают ваше родство, – схватив за руку Асанали, чтобы он прекратил ходить туда-сюда.

– Алишер ака мог, – сказал Асанали.

– Да это как у кого судьба сложилась. Один вернулся, и все его у нас уважают, другой не вернулся и забыли его. Но Алишера мы помним... Я когда на операцию собиралась, думала отыскать Алишера, узнать, как он живет. А он ко мне сам во время молитвы пришел. Нет в живых его уже очень давно.

Асанали поменялся в лице.

– Когда буви умерла, родителям письмо приходило. У Алишера ака ребенок родился, и кто-то просил его забрать. Отец, итак, недоволен был Алишером ака, сказал: «Пусть сам разбирается раз такой самостоятельный», – сказал Асанали. – Мама не могла ему перечить. Это все, что я знаю об

Алишере ака.

– Да, Бахтиёр всегда недолюбливал Алишера за его характер, – закрыв кран, достав мокрый арбуз из раковины и положив его на большое блюдо сказала Назира. – Так что, жоним, вполне возможно, что ты внучка нашего Алишера. Будем чиститься, слой за слоем, там и увидим.

– Вы же сказали не сможете меня лечить.

– А я и не буду. Очищение само происходит, когда посещаешь святые места. С твоей то силой. Сколько сегодня мы с тобой дел сделали! Все на пользу.

Прежде приветливый Асанали сидел помрачневший и загруженный.

– Да не парьтесь вы. Я ни на что не претендую, – сказала Кристина Асанали, подавая ему кусок арбуза. Сок красного, сочного и прохладного арбуза стекал по рукам до самых локтей, делая их липкими.

– Я не потому, сестрица, – оскалившись ответил он. – Мне грустно и стыдно, сестрица, что я был мальчишкой и не смог помочь Алишеру ака.

Назира подсела к Асанали и ласково сказала:

– Только, Асанали, пока никому ни слова!

– Хоп, хоп!

Ночи были прохладные, свежие. Кристина научилась передвигаться по дому в темноте, наощупь. Съеденный за ужином арбуз давал о себе знать. Кристина бегала по темному двору в поисках фонаря, но лежавший на привычном ме-

сте фонарик куда-то исчез. Ее глаза уже привыкли к темноте. Кристина подняла глаза в звездное небо. Ночью, в тихом прозрачном воздухе так волшебным сияют звезды, светит луна. Наполненная за день впечатлениями она легла на спину на топчан и широко раскинула руки в стороны. Руки и спина ее болели от загара. Небо было видно наполовину, как там, в той комнате в лесу, в которой она нельзя сказать, что жила, а находилась в заточении больше года. Смотря на звезды, она перебирала и сопоставляла в памяти все события и факты об отце и своем существовании. Вспоминала маму. Пожалуй, ближе и роднее человека чем мама в ее жизни не было. Вспоминала детство, учебу, и не могла вспомнить ни одного знакомого или друга, который относился бы к ней искренне и смог прийти на помощь, просто так. Никого, кроме Яковлева. Сердце сжалось в комок. Со звериной тоской ощутила она, прилив такой же звериной злобы против всех тех, кто не считался с ней как с человеком, а главное – против отца. И мгновенная вспышка сознания обожгла ее. Она почувствовала сразу все: и то мучительное прожигание жизни, отверженность и неприкаянность в обществе; и тот страх перед эками, ежедневно домогавшимися ее. Словно впервые за всю свою жизнь она только сейчас разглядела саму себя: маленькую, беззащитную никому не нужную девочку. И увидев это все, она с необычайной ясностью вдруг поняла, что среди этих чудаковатых, совершенно другой культуры и порядков, еще неделю назад незнакомых ей людей она нако-

нец-то обрела свое заветное место.

Кристина лежала с закрытыми глазами, уже проваливаясь в сон как ей в нос резко ударил горьковато-терпкий, едкий дымный запах. Она резко открыла глаза и ничего не понимая начала их тереть и громко чихать. Опираясь на перила, она шла босиком вдоль клумбы к комнате хозяйки. Нащупав ручку, она дернула дверь и тихо позвала Назиру. В комнате никого не было. Кристина, чихая шла мелкими шажками на запах, разъедающий глаза. На заднем дворе, за занавешенной свисающими с крыши листьями дверью гулко раздавался голос хозяйки. Кристина просунула голову в приоткрытую дверь и увидела силуэт Назиры держащий в руке сковороду и размахивающей ею по сторонам с валящим из нее дымом.

– Апчхи! – чихнула Кристина от дыма.

Назира повернувшись лицом к Кристине, старалась закрыть собой человека.

– Глубокая ночь, почему не спишь, жоним? – спросила Назира.

– Апчхи! Апчхи! – что вы тут курите?

– Это адраспан, лечебная трава, – отвечала Назира. – Ты что притаилась тут, подслушиваешь?

– А кого вы прячете? – заглядывая за спину Назиры интересовалась она в ответ.

Назира поставила дымящую сковороду на стол, а сама отошла в сторону.

– И биться сердце перестало! – воскликнула Кристина от увиденного.

Перед ней на полу сидела молодая девушка с изуродованным большими гнойными фурункулами лицом.

– Эй ты! Тебя не учили, что в упор разглядывать человека не прилично? – сказала девушка вытаращившейся на нее Кристине.

Кристина сквозь густой дым продолжала пристально вглядываться в ее лицо.

– Извините, – сочувствуя девочке сказала Кристина.

– Вы знакомы? – перебив Кристину спросила Назира.

– Вам за что деньги платят? Мы же договаривались об анонимности, – возмущенно говорила изуродованная девушка. – Слышь ты, пошла отсюда.

Кристина в растерянности смотрела на Назиру ожидая объяснений.

– Пойдем воздухом подышим, – предложила Назира, выталкивая девушку за дверь.

На лице Кристины читалось напряженное внимание.

– А девчонка то с гонором. Меня напомнила. Что у нее с лицом?

– Я лечу ее уже два месяца. Сдвига никакого. Жоним, я тебя прошу, дай мне закончить ее лечение, и я тебе передам дар. Не могу же я ее вот так бросить, – оправдывалась Назира.

– Да, конечно, без проблем. О чем вопрос вообще, – улыб-

нулась Кристина.

– Они живут в Санкт-Петербурге, ее родители привезли ко мне, потому что все козлены объездили и нигде им помочь не могут. Эту девочку не принимает ее родная бабушка казашка. У бабушки этой три дочери и у двоих мужья казахи, а у младшей русский муж. И девочку ты видела, беленькая какая, – теребя рукой свисающие листья говорила Назира.

– А с лицом-то что у нее?

– Порча. Вот представь себе, я тут работаю, а она там в этот же момент работает против. Дура старая, радовалась бы за дочь, зять хороший достался. Нет, ходит по нищобродкам, деньги им носит, чтобы работали, – возмущенно говорила Назира. – А оно видишь, как получается, на внучку все переходит.

– По нищобродкам? – переспросила Кристина.

– Эти, которые за копейку готовы на какую угодно гадость. Кто они? Нищобродки!

– Родная бабушка? Так не бывает!

– А кто еще? Запомни, только родные и близкие друзья на такое способны. Вот идет себе посторонний человек, нужен ты ему? Нет! Он если и увидит в тебе какой изъян, наоборот тебе добра и здоровья пожелает.

– То есть девчонка страдает лицом из-за неправильной национальной принадлежности своего отца? Я правильно поняла? – удивлялась Кристина.

– Да, ты поняла правильно.

– Это в двадцать то первом веке? – не желая верить в нелепость данной истории продолжала девушка.

– Да, – с грустью ответила Назира. – В нашем как ты говоришь двадцать первом веке люди до сих пор спорят какая нация лучше. А какая нация лучше? Да все мы звери. Если бы законы нас не сдерживали, мы бы не задумываясь пошли мародерничать, – вспоминая мудреное слово говорила Назира. – Грабить и убивать. И ни один бы не сказал: «Ой, а я же узбек, ой, я не пойду, узбеки так не делают». Правители совершают злодеяния с именем Аллаха на устах, а простые люди принимают бесконечные удары судьбы, безропотно уповая на того же Аллаха.

– Может я помочь могу? – спросила Кристина опечалено, подумав о своем отце.

– Хочешь попробовать? – предложила Назира. – Хорошо, идем, посмотришь ее.

– Думаете у меня получится? Ну, это, лечить, – сомневалась Кристина. – Я сейчас такая опустошенная и как вы вряд ли смогу.

– Не надо как я. Из всех людей, наделенных таким даром, ты не найдешь двух одинаковых, с одинаковой техникой лечения. Знаешь, что самое трудное в нашем деле? Одних наследственных способностей и умений к целительству мало, самое главное и самое тяжелое это любить человека, которого лечишь, иначе не получится лечения никакого.

– Как это любить?

– Так же как любит нас Всевышний. Приводят к тебе наркомана, сам он лечиться не хочет, берешься за него, а он ругается на тебя и на тех, кто его привел. Как такого полюбить если его поступки противны тебе? Вот и просишь Всевышнего сначала чтобы даровал терпение и любовь к этому человеку и уже потом молишься за него, прося исцеления.

Назира завела Кристину обратно к девочке. Кристина все никак не могла отвести своих растерянных глаз с лица тощей девчонки.

– Сколько тебе лет? – спросила Кристина склонившись над ней.

Девочка недоверчиво отвечала:

– Восемнадцать.

Кристина перевела горестный взгляд на Назиру.

– Это Кристина. Она тоже может лечить. Разреши ей тебя посмотреть, – говорила Назира девочке.

На курпачке сидела худенькая светлая девочка с голубыми прозрачными глазами, с красным как помидор лицом и остреньким как перчик язычком. Кристина долго и внимательно изучала ее глаза, девочка кривлялась ей в ответ, как вдруг Кристина без предупреждения засунула два своих пальца указательный и средний в рот девочке, что ту начало тошнить, и достала из горла девочки черный комок с нитками. Шокированная девочка, откашливаясь обзывала проделавшую с ней такое Кристину разными нехорошими словами, но Кристина не обращала на это внимание, а лишь вопросы-

тельно смотрела на Назиру.

– Мне нечего сказать, – разводя руками восхищенно сказала Назира. – Ты достала порчу. Я сейчас разведу глину, намажешь ей лицо?

– Да.

Кристина голыми пальцами, не боясь прикоснуться к болячкам намазывала на лицо девочки разведенную глину, набранную днем Назирой с могилы святого. Девушки отправили уставшую Назиру спать, а сами проболтали до утра. Кристина рассказывала ей о своем недавнем прошлом, с каждым словом все сильнее располагая и привязывая ее к себе; о том, как буквально неделю назад она не могла самостоятельно передвигаться и отдавать себе отчет в происходящем. Девочка открывалась и отвечала ей взаимностью. Утром девочка уже смело гуляла по двору, любуясь опадающими лепестками роз не боясь получить насмешку или осуждение за свое лицо. Спустя неделю лицо девочки значительно зажило. Приехавший за ней отец сильно благодарил Кристину за дочь, оставив Кристине свои контакты.

Глава 4

Жанна, измяв посадочный билет нервно поглядывала на электронное табло. По громкой связи давно объявили посадку на рейс Москва-Хабаровск. Она с надеждой вглядывалась в людей, поднимающихся на эскалаторе на паспортный контроль, не переставая ждать Яковлева.

– Пассажиры Глебова Оксана, Глебов Максим, Глебов Артем, Маркова Жанна, – пройдите на посадку.

Мимо Жанны к воротам посадки бежали отстающие пассажиры, роняя свою ручную кладь, запинаясь об нее и обвиняя друг друга в опоздании.

– Другого такого шанса может не быть, – сказала Жанна самой себе и с опаской прошла на посадку.

Жанна неотрывно смотрела в окно иллюминатора, но ее грусть и тоска быстро улетучились стоило ее попутчику, молодому симпатичному мужчине, севшему рядом на соседнее сидение мило с ней заговорить.

Изгою было страшно. До нынешнего дня, он был под впечатлением от спасительной речи Яковлева; он был уверен, что с легкостью помог Кристине бежать и ее жизни больше ничего не угрожает, но когда охрана вместе с остервенелым дедком протрезвели и поставили на уши весь дом в поисках пропавшей пациентки, он понял, что если будут копать, он может как нечего делать вновь вернуться за решетку. Оба

охранника бегали по длинному коридору как сумасшедшие. Дедок силился размышлять.

– Невозможно сбежать отсюда, все палаты под замком, – гневно, беззубым ртом говорил дедок. – А ну обожди, – вслух размышляя сказал он, тронув изгой за плечо, – а если это сам Олег забрал девку. Он ведь с прибабахом, мог. Пока мы с мандыгара⁴⁶, он ее того. Бля буду.

Изгой поддакивал дедку.

– Неет, я на зону обратно не хочу, – сложив в голове в пазл надуманный возможный план Олега горько произнес дедок. – Пили вместе, а на зону меня? – А водяры откуда столько? Подставой попахивает.

Запаниковавший Изгой понял, что сейчас самое время.

– Правду говоришь, – сказал он дедку. – Олег давно на тебя зуб имеет, намек был от него.

Дедок вздрогнул.

– Свистишь, – с недоверием ответил дедок.

Изгой щелкнул большим пальцем по переднему зубу и этим же пальцем провел себе по горлу в знак стопроцентной достоверности информации. Дедок схватился руками за свою лысую голову и медленно опустился на корточки. Преодолевая озноб страха и раскаяния в том, что ему сейчас предстояло говорить, Изгой начал:

– Есть идея. Олег по любому нарисуетя. Если будет давить на то, что ты просрал девку говори, что так и есть.

---

⁴⁶ Мандыгар – (жарг.) Похмелье

– Да ты охренел, падла, – вскочив с корточек возмущенно закричал дед.

– Скажем как есть. Не вытерпела девка сотворенного с ней, убежала в лес, а там медведь или волк и задрали ее. Мы мол искать ее кинулись да поздно нашли.

Дедок внимательно слушал Изгоя, соглашаясь с каждым его словом.

– Обожди, а если это он ее? Кого мы тогда в лесу нашли?

– Будем смотреть по его реакции. Если он подставляет тебя – пойдем. Если проверяет нас так – тоже будет понятно. Главное дави на то, что не выдержала, убежала.

– Эти ваши мусорские штучки. Мне маляву кинули, главврача то нашего бывшего порешили на зоне за дочку Олега. Вкуриваешь? – на взводе говорил дедок.

– Все будет так как нам надо.

– Базар, – протянув Изгою руку для пожатия сказал дед.

Изгой, бывший сотрудник милиции, презрительно смотрел на забитую наколками руку деда, бывшего уголовника, хоть, по его мнению, ни бывших ментов и уж тем более бывших уголовников не бывает, он с большой неохотой пожал ее.

Не обратив внимания на отъезд супруги, Марков занимался своими делами готовясь к повышению в верховный суд за отличные показатели. В лес он давно не наведывался, казалось забыв про существование этой стороны своей ста-

рой жизни. Но спустя неделю до него дошел слух, а точнее ему намекнули о найденном убитым в своей квартире бывшем следователе Яковлеве и о том, что о повышении в верховный суд он может забыть. Марков, снимая с себя на ходу мантию выбежал из здания суда вытолкнув своего водителя из авто и сам сел за руль. Он гнал по городу, здорово превышая скорость. Гаишники, видя летящую машину судьи отдавали ему честь. В черте города на заброшенной стройке греясь у костра, разведенного в металлической бочке на подранном с торчащим поролоном диване, сидел молодой мужчина в натянутой по самые брови черной шапке. Марков поднимался на третий этаж заброшенного дома передергивая затвор пистолета.

– Ну наконец-то, чего так долго. Я заколебался тут торчать. Мы так не договаривались, – встав с дивана сказал молодой мужчина увидев идущего к нему Маркова.

– Ты зачем его убил? О чем речь была? Напугать так, чтоб обосрался.

– Не поверите, там момент подвернулся удачный, клиент спал мертвым сном.

– На квартире нашли вещи моей жены. Понятное дело, никто ничего не докажет, да и заниматься не будут даже. Но тому, кому надо, и этого факта достаточно. Так что, попал ты парень, – тыча в него пистолетом говорил Марков.

Птицы, сидевшие на ветках деревьев, растающих в недостроенный дом, разлетелись от звука выстрела.

Заложив руки за спину дедок проходил вдоль стен коридора. Охранники и Изгой ждали своего часа. Олег приехал с одной только целью, проверить не коснулось ли ненужных глаз его дело. Накинувшись на Олега дедок не выдержал и со страха вытрепал ему все с порога. Олег, услышав одно лишь слово «сбежала» первым делом подумал про Яковлева, но он убит. Тогда, где дочь?

– Я же говорил он с прибабахом, – крутя пальцем у виска сказал дедок, когда Олег как ошпаренный выбежал из дома. – Кажись, пронесло, – с облегчением заключил он, смеясь во весь свой беззубый рот.

Глава 5

– Даю сто один процент, что в прошлой жизни вы были поваром, – говорила Кристина, когда Назира звала ее к обеду. – Ваша дамлама⁴⁷ произведение искусства. Я скоро так ни в один халат не влезу.

– Ешь ешь, ёкимли иштаха⁴⁸, – любуясь аппетитом девушки говорила Назира.

– А вот если так посмотреть, можно узнать кем человек был в прошлой жизни? – мечтательно рассуждала Кристина.

– Как это? – сморщив лоб спросила Назира.

– Ну там, в прошлом своем воплощении кем я была. Вот вы были поваром, потому как ничего вкуснее я в жизни не едала. А кем была я можете посмотреть?

– Выдумщица какая ты. Так нельзя же, не бывает так, – с восточным акцентом говорила Назира. – Человек один раз рождается и один раз умирает.

– Вы что даже не слышали о переселении душ?

– Тууууф, не бывает такого, – настаивала Назира.

– А чем тогда объяснить похожесть многих людей? Вот, например в моем детстве коллеги моего отца, когда приходили к нам в дом всегда делали акцент на мою схожесть с дедом по отцовской линии. И еще пророчили мне карьеру

---

⁴⁷ Блюдо узбекской кухни. Овощное рагу.

⁴⁸ Приятного аппетита (узб.)

ментовскую, – Кристина засмеялась. – А фанаты моего деда, – Кристина сделала жест воздушных кавычек, выделив ими слово фанаты, – утверждали, что мой дед это и есть я. Типа его душа вселилась в меня. Он умер до моего рождения. Бред же собачий. Вот как это объяснить?

– Конечно бред. У тебя своя душа. А на кого тебе еще быть похожей если не на родного деда? Чьи гены у тебя? Его. По генам может передаться внешность, характер и даже вкус. Вот и вся загадка. А если как ты говоришь души после смерти возвращаются обратно на землю, то наверху бы не было никого. И еще, у вас у русских принято ставить свечи за упокой души, так?

– Ну.

– Ты считаешь, что в тебе живет душа твоего деда, так?

– Ну.

– Вот ты идешь в церковь и молишься об упокоении его души, но души твоего деда там, наверху, нет. Получается ты молишься за упокой своей души. Понимаешь?

– Кажется да. Но я в церковь не хожу.

– Это не важно. Ходят другие кто точно также верит в эту ерунду. Все бы вымерли от таких молитв, если бы так было на самом деле.

Кристина задумалась.

За прошедший месяц они успели ближе узнать друг друга. Настало время, когда не словами, а глазами друг другу можно многое объяснить, если не все. Она набиралась сил с

каждым новым днем все больше и больше разбираясь в своей природе. О чем она думала, вечерами сидя наедине с собой во дворе дома никому не узнать.

– Оставайся жить со мной, – говорила Назира, как только Кристина заговаривала о России. – Хотя ты и многому уже научилась, все же я в ответе за твою кровь.

– Благодарю, но дома меня ждут нерешенные вопросы.

– Ты знаешь, как можно решить любой вопрос.

– Молитвой? – усмехнулась она. – Такие вопросы молитвами не решить. Ах, если бы...

Назира закатила глаза шевеля приоткрытыми губами, а через мгновение сказала:

– Научилась закрываться? Молодец. Но я все равно знаю о чем ты думаешь. Оставь своего отца в покое. Все что ты должна делать, так это молиться за него.

– Оставим этот разговор, – ответила Кристина.

В ворота кто-то несмело скребся.

– Я посмотрю, – живо подскочив сказала Кристина.

– Сиди, жоним, я сама посмотрю, – перебила ее Назира заинтересованно подойдя к воротам.

– Рашид, болам, с мамой что? – впусив гостя во двор спросила Назира.

– Ассалому алейкум Назира хон, – держа в руках пачку бумаг сказал гость. – С мамой все хорошо.

Кристина вышла к воротам посмотреть кто к ним пришел. Рашид, увидев русскую девушку насторожился и нахмурил-

ся.

– Мени сизга жиддий гапим⁴⁹, – сказал он, перейдя на узбекский.

– Э, Рашид, русча гапир⁵⁰ да, – возмутилась Назира.

Узкое, обтянутое темной кожей лицо Рашида налилось румянцем. Кристина, расставив локти подперла руками бока.

– Паспорт я вам сделал. Права тоже сделал, машину переоформил, – протянув Назире документы на имя Марковой Кристины Олеговны сказал он.

– О, молодец болам. Жоним, говори спасибо Рашиду.

– Большой рахмат, – приложив руку к груди и шутливо склонив голову кривлялась она.

– Еще...

– Ну?

Рашид мялся.

– Я ездил в Москву на неделе, у невесты моей братишка пропал. Когда я в полиции там был, увидел, – протягивая Назире белый лист с черно-белой фотографией сказал Рашид.

Кристина выхватила у Назиры из рук листок.

– Разыскивается... Ёклмн, это ж я. Что вы там говорили? Молиться я должна за него?

– Жоним, я понимаю твои чувства.

– Не понимаете. Что должна чувствовать дочь, когда род-

---

⁴⁹ Мне нужно с вами серьезно поговорить (узб.)

⁵⁰ Говори по-русски (узб.)

ной отец сдает ее в логово маньяков и насильников? Вы еще не поняли? Это страшный человек. Зачем он меня ищет? А я вам скажу – чтобы убить, потому как я очень много знаю. Так-то.

– Видит Аллах, Рашид. Эта девушка ни в чем не виновата. Спрячь это и никому не показывай.

Рашид поморщился. Не этих слов он ожидал услышать в ответ. Кристина смяла бумагу в комок. Назира чтобы скрасить неловкости, возникшие между ним и Кристиной пригласила его на обед, но он вежливо отказался, сославшись на подготовку к свадьбе. Потом Назира еще долго о чем-то беседовала с Рашидом наедине.

Заранее закупив канистры с бензином, Кристина ранним утром заливала бензобак теперь уже ее автомобиля, ловя на себе недобрые взгляды прохожих. Весь кишлак знал, что в доме Назире хон загостилась русская девушка.

– А мне вот прямо обязательно на эту свадьбу идти? Вы же видите, как от меня шарахаются все. Буду там как белый дельфин сидеть.

– Не белый дельфин, а белая ворона.

– Спасибо, успокоили. Между прочим, в моем мире «белая ворона» это как бы даже звучит обидно.

– Белый ворон твой ангел хранитель. Ничего в этом обидного нет. А народ у нас приветливый, веселый, – садясь в уже успевшую накалиться от солнца машину сказала Назира.

– Приветливый? Я с вас улыбаюсь мамочка Назира. Да ваш дом теперь не просто за километр обходят, а еще и плюются обходя.

– Пусть обходят. Наверное, забыли, как ломились в ворота со своими недугами, – спокойно, с улыбкой отвечала Назира.

– Из-за меня на вас косятся, – чувствуя за Назиру обиду говорила Кристина. – А еще я слышала, как женщины вас осуждали за то, что у вас русская в доме живет, и мент ваш знакомый тоже...

– Запомни, жоним, людской суд ничего не значит, важен только суд Божий.

Теперь у нее были водительские права, и она впервые за все свое прибывание в Узбекистане выехала за пределы города Акташ. Назира и Кристина держали путь в Самарканд, на экскурсию.

За окнами авто плыла пустыня, легкими волнами лился песок, а на песке как тени чернели изогнутые сучья сухого саксаула. На встречу один за другим, едва не переворачиваясь от тяжелого груза летели узенькие дамасы⁵¹, под потолок набитые дынями и арбузами. На въезде в город женщины в пестрых юбках и плюшевых безрукавках продавали пахучие дыни.

Не смотря на середину осени, зелень сохранила весеннюю свою яркость. Восходящее солнце и лучи его загорались на макушке минарета на лазоревых куполах медресе и мечетей.

---

⁵¹ *Daewoo Damas* – самый популярный автомобиль в Узбекистане.

Солнце буквально залило горячим светом весь город и всех вокруг. Они остановились на площади Регистан⁵². Кристина полюбила солнце. Она бросилась к нему навстречу и безумное предчувствие счастливого будущего вдруг охватило ее и засияло радужными цветами. Будущее... какое оно, это дальше далеко, что едва брезжит, мерещится сквозь синий туман? Душа устает жить без надежды, и когда она встречается с солнцем, ярким и щедрым, и радуется этой встрече, душа непременно наполняется жизнью.

На политой водой для прохлады площади уложенной брусчаткой уже сновали люди в пестрых одеждах. Великолепный ансамбль из трех медресе расположенных на площади Регистана узбеки называют сердцем всей Средней Азии. Величественные и громадные стены медресе⁵³ богато покрыты мозаикой и голубой майоликой с геометрическим и необыкновенным растительным орнаментом. Самое старое из трех медресе – медресе Улугбека, рассказывал для иностранцев в громкоговоритель гид на площади. Оно было построено в далеком 1420 году. Султан Улугбек был уникальным человеком. Он был внуком Тамерлана и прославился не только как правитель, но и как выдающийся ученый, математик, астроном и астролог. Именно он превратил го-

---

⁵² Площадь в центре [Самарканда](#). «Регистаном» называли главные площади в городах [Среднего Востока](#).

⁵³ Медресе – мусульманское религиозно-просветительское и учебное заведение второй ступени. Выполняет функцию средней общеобразовательной школы и мусульманской духовной семинарии.

род Самарканд в один из главных научных центров Востока. За этими каменными молчаливыми стенами, за величественным порталом, крашенным изящной резьбой и мудрыми изречениями, затейливая вязь которых искрится на солнце причудливым свечением – особая жизнь. Именно здесь, на этой площади пролегал Великий Шелковый путь. В центре площади стоит медресе Тилля-Кари, что в переводе означает «отделанный золотом». Данное медресе использовалось не только как школа, но и как главная соборная мечеть города. В отделке медресе активно использовалось золото. Здание должно было символизировать баснословное богатство Самарканда. Еще одно медресе – медресе Шердора, что переводится как «обитель львов». Хотя льсиабсквы никогда не водились в Центральной Азии, но правитель решил изобразить именно это величественное животное. Стены медресе покрыты мозаичным панно. Но несмотря на богатое внешнее убранство, внутренние помещения строгие и аскетичны. Кристина проходила сквозь толпу туристов заслушиваясь различными языками и французским и итальянским и даже китайским.

– Сколько много туристов, вы только посмотрите, – по-детски, как ребенок восхищалась Кристина.

– Это ты еще летом тут не была... Туристы со всего мира приезжают к нам.

– У вас такая богатая история... Честно сказать, только вы не обижайтесь мамочка Назира, я думала, что у вас здесь

одни только гастарбайтеры живут...

– У нас. Это твоя земля.

Кристина застенчиво улыбнулась.

– Интересно, почему здесь нет русскоязычных туристов?

– Ты сама ответила на свой вопрос, и ты права, много людей видят нас только как бесплатную рабочую силу. Не считаются с нами как с народом. Но даст Аллах однажды все изменится.

Они прошли во внутренний двор площади. Назира устроилась на скамейке в тени чинары, что росла в самом центре двора. Кристина влилась в группу к англоязычному gidу: Central Asia was a major crossroad for Silk Road caravans. Hostels and caravansaries were set up every 17 miles, the distance a camel train covers every day. Alexander captured six cities including Samarkand (then called Maracanda) in three days. He set up a headquarters in Samarkand. Great reportedly exclaimed, "Everything I have heard about the beauty of Samarkand is true except it is even more beautiful; than I could have imagined."⁵⁴ Торговцы сувенирами жестами и непонятными кричалками зазывали в свои сувенирные лавки тури-

---

⁵⁴ *Центральная Азия была главным перекрестком караванов Шелкового пути. Хостелы и караван-сарай устанавливались через каждые 17 миль, расстояние, которое верблюжий поезд преодолевает каждый день. Александр Македонский за три дня захватил шесть городов, включая Самарканд (тогда он назывался Мараканда). Он создал штаб в Самарканде. Известно, что Александр Македонский воскликнул: «Все, что я слышал о красоте Самарканды, правда, за исключением того, что она еще красивее, чем я мог себе представить».*

стов, расположившись в бывшем медресе. Каких сувениров там только не было: выставленные в длинные ряды причудливые карикатурные цветастые статуэтки-фигурки узбеков, изобилие расписной посуды с использованием национальных мотивов, разнообразной формы глиняные вазы и горшки. Картины с главными достопримечательностями Самарканда. Пестрые шелковые халаты, платки, украшения ручной работы. У Кристины разбегались глаза; хотелось купить всё. Она локтями расталкивая толпу вышла довольная из сувенирной лавки неся в руках коробку.

– Мамочка Назира, смотрите что я купила!

Кристина открыла коробку, а в ней завернутый в бумагу лежал красивый, дорогой зеленый чайный сервиз.

– Подарим молодым! – подмигнув Назире сказала Кристина.

Узкие кривые переулки, со свисающими через решетку крупными виноградными гроздьями как ручейки в реку впадали в широкую асфальтированную улицу. Тут же мохнатые ишаки покорно тащили тяжелые тележки с кладью. И толпа была пестрая, бесшумно скользили старые узбеки и узбечки, накинув на голову двухэтажные тюбетейки и яркие одежды с широкими рукавами отороченными черной тесьмой. Девушку поражала красота и величавость этих людей. Назира вела Кристину на Сиабский базар. Крытая площадь этого старейшего базара во всей Средней Азии превышает семь гектаров. Базар разделен на торговые ряды. Назира прошла в

трехстворчатую арку главного входа. Кристина глаза в разные стороны на призывы продавцов, не знала к кому подойти. Весь базар был наполнен волшебными ароматами специй, галереей восточных сладостей и сочных ярких фруктов. Красочные, заваленные спелыми арбузами и дынями, мясом и овощами, свежее испеченными благоухающими лепешками разной формы и разного орнамента, усыпанными тмином и кунжутным семенем – торговые ряды манили покупателей. Кристина выучив несколько слов на узбекском смело могла щеголять ими перед продавцами, ведь главная тонкость восточного базара – искусство торга. Каждый уважающий себя покупатель считает своим долгом поторговаться с продавцом перед покупкой. Кристина много раз видела как делала это Назира у себя там, в кишлаке. И дело здесь даже не в том, чтобы скинуть цену, а, скорее, привычка, которую азиатские жители формируют с малых лет. И кто проявит в этом деле больше таланта, тот останется в большем выигрыше. Общительные, улыбчивые продавцы болтали без умолку. Кристина подошла к прилавку с яблоками. Народ, увидев русскую девушку пытавшуюся говорить на узбекском языке заинтересованно столпились у прилавка с яблоками. Кристина вдохновленная атмосферой востока с запалом и без комплексов начала торговаться. Назира, успевшая отойти на несколько рядов вперед услышав речь Кристины резко обернулась и тревожась пошла на ее голос. Кристина разорялась:

– «Как это так нет ценников! Вы разве не слышали про

ценники?», «Да я вам говорю, я местная, в Акташе живу», – заигрывала девушка.

Подошедшие узбеки валились со смеху. Торговка яблоками улыбалась, протягивая чудной девушке порезанное красное яблоко на пробу. Кристина пробовала яблоко на вкус. Все с любопытством наблюдали за ней как вдруг девушка подавилась и закашлялась. Подоспевшая на помощь Назира расталкивая окружившую Кристину толпу спрашивала в чем дело. Как вдруг Кристина почти задыхаясь начала кричать словами как из пулемета, да еще так громко, что торговка со стыда просила ее замолчать.

– За то, что простых людей обманываешь, обвешиваешь, наживаешься на деньгах заработанных нечестно, у тебя дочку заберут, – пригрозив торговке пальцем говорила Кристина. – Бросай все и к дочери беги, а то плакать горько придется.

– Югур⁵⁵, – поняв, что Кристина не просто выдумала это сказала Назира торговке.

Запыхавшаяся торговка яблоками бежала через торговые ряды к воротам базара. На самом входе на базар располагались ряды с арбузами и дынями. Там торговал ее муж. Около их прилавка стоял с распахнутой дверью багажника дамас, до отказа набитый дынями. Казалось, машина вот-вот лопнет от непомерного в ней груза. Рядом с машиной крутилась девочка трех-пяти лет. Проходивший рядом с нагруженной

---

⁵⁵ *Беги!* (узб.)

тележкой арбузов торговец узбек, отвлекшись на что-то постороннее врезался в дамас с дынями. Дамас качнулся и из него из-под самого потолка машины полетели дыни с треском разбиваясь об асфальт. Пока отец девочки переключился на узбека с тележкой, оставшаяся без присмотра девочка полезла спасать своими маленькими ручонками остатки дыни тем самым, чуть не угодив под одну из нее, благо вовремя подоспевшая мать спасла девочку, не дав дыням завалить ее. Базар переполошился. Назира нахмурившись смотрела на Кристину.

– Больше так не делай.

– Как? – переспросила Кристина Назиру. Что-то в ее тоне уязвило ее.

– Не всегда то, что видишь нужно озвучивать. Сейчас ты вмешалась в планы Аллаха.

– Слушайте, я не перестаю вам удивляться. А как же «У Бога нет других рук кроме...», – в сотый раз повторяя Назиру ее же однажды сказанные слова парировала Кристина.

– Да, своим поступком ты на время отодвинула эту страшную трагедию. Вспомни меня и моего покойного мужа, – сказала Назира возведя руки к небу. – Да, через тебя ей дали знак, чтобы она пересмотрела свое поведение, но если она его не пересмотрит, если она продолжит как ты сказала «обманывать» и «общитывать», то случится то, что случится. А я вижу, что она продолжит поступать также, как и поступала. Пойдем, жоним. Тяжело такое видеть, понимаю. Надо ку-

пить тебе платье, на свадьбу в чем пойдешь? – легко переведя тему сказала Назира.

Возмущенная равнодушными словами Назиры, Кристина оглядывалась на торговку и ее дочь. Назира вела Кристину дальше по базару, к павильонам с одеждой.

– А там что? – увидев бирюзовый купол справа от базара моментально отвлекшись спросила Кристина.

– «Этот купол был бы единственным, когда бы небо не было его повторением» – так писали поэты про соборную мечеть Амира Тимура, в ней усыпальница его старшей жены Биби-ханым. Амир Тимур построил эту мечеть для своей любимой жены. Когда он вернулся из похода на Индию то был огорчен: мечеть ему не понравилась. И вот сколько себя помню, постоянно ее ремонтируют, – объясняла Назира.

– А пойдете зайдете?

– А платье?

– Успеем.

Быстро забыв о происшествии на базаре, Кристина любовалась строением:

– Аж дух захватывает!

В центре двора Биби-ханым стоит гигантская мраморная подставка для Корана. Туристы любят фотографироваться на ее фоне, а ничтожность человеческого роста выразительно подчеркивает величину подставки.

– А это что? – Кристина проявляла интерес абсолютно ко всему.

– Это подставка под Коран.

– Писание таких внушительных размеров?

– Да, об этом и легенда есть. Сейчас, о, Аллах, дай мне памяти... Жил-был искусный каллиграф. Он захотел славы и много денег и решил написать и преподнести в дар Амиру Тимуру – Коран величиной с ноготь, то есть по объему этот Коран был невероятно мал. А Тимур не любил и не признавал маленьких вещей, ценил только все гигантское, большое, – обведя рукой площадь мечети заключила Назира. – Каллиграф тот целых двадцать лет трудился над своим миниатюрным Кораном, но Тимур не дал в награду ему ни гроша. Каллиграф был зол на Тимура и вернувшись домой, психанул и взял лист бумаги величиной с площадку арбы и всего за семь дней причем левой рукой написал гигантский Коран, взгромоздил его на арбу и привез во дворец Тимуру. Тимур наградил каллиграфа, а для Корана сделали мраморный пюпитр и поставили в соборной мечети.

– Прикольно, – сказала Кристина. – А тело Биби-ханым лежит прямо тут?

– Да. Теперь она лежит тут. И про это тоже есть интересная история, гиды об этом не рассказывают... В июне сорок первого года для изучения вскрыли гробницу Амира Тимура в Гур-Эмире, заодно вскрыли гробницы его сыновей и знаменитого внука – Улугбека, того самого астронома, но мы туда сегодня, наверное, не попадем уже. А в этом мавзолее вскрыли гробницу Биби-ханым. Этого делать не следо-

вало, предсказывали в старинных книгах что когда откроют гробницу Тимура, то выпустят на волю дух войны. И многие и сейчас считают, что в войне виноваты ученые. Вскрыли гробницу, а спустя два дня Гитлер напал на Советский Союз. И решено было скоростижно останки Тимура вернуть в его мавзолей и вот когда это случилось у советской армии начало получаться побеждать. Тимура то вернули, а про Биби-ханым забыли. И только после конца войны вспомнили об этом и с горем пополам вернули тело обратно в этот мавзолей.

– История... – вздохнула девушка.

Под чинарой за маленьким столиком поджав под себя ноги сидел старик. Он никого не зазывал, а умиротворенно сидел словно китайский болванчик.

– Это что у вас такое? – обратилась к нему Кристина.

На столике лежали разноцветные глиняные свистульки в виде птиц.

– Это окарина.

– Можно попробовать?

Старик выбрал самую яркую из всех окарин и подал ее девушке. Кристина осторожно поднесла ее к губам и издала звук.

– Прикольно. Давайте купим?

Назира полезла в сумку за деньгами, но старик остановил ее.

– Не нужны мне ваши деньги. Я вам ее дарю, – сказал он.

Кристина низко поклонилась ему в знак благодарности.

– Голодная? – спросила Назира убирая свистульку в сумку.

– Что-то после того яблока весь аппетит пропал, – грустно вздыхая сказала Кристина.

– Хоп, не бери в голову. Это жизнь.

Оставив купленные вещи и сувениры в машине, они пошли пешком дальше вдоль глиняных стен старого города по узким улочкам залитыми солнцем до чайханы. У самого входа двухэтажной кирпичной чайханы стоял огромный казан на огне. Старый узбек повар в белом халате и черной тубетейке на голове готовил зирвак⁵⁶ помешивая его большой и длинной шумовкой.

– Он готовит самый вкусный самаркандский плов. Жоним, ты такого плова никогда не кушала! – сказала Назира.

– Верю!

Колоритный зал с топчанами и коврами первого этажа был густо заполнен голодными и шумными горожанами, жаждающих поесть самого лучшего плова в городе! Мальчишки крутились около казана с большим интересом наблюдая за сосредоточенным на приготовлении поваром. Гости поднялись в зал второго этажа со столами и стульями, в менее традиционный чем первый зал, но тоже по своему уютный. Им даже не пришлось делать заказ. Шустрый официант уже торопливо нес на подносе блюдо со свежеприготовленным

---

⁵⁶ В узбекской кухне – гарнир к плову из мяса, моркови и других овощей.

самаркандским пловом, горячей лепешкой и салатом из свежих овощей к нему. Все ели плов.

– Вот видишь, никто на тебя не косится, пальцем не показывает, – сказала Назира, обмахиваясь скрученным из газеты веером.

В зале было жарко и душно. Посетители громко смеялись и разговаривали. От горячего плова у Кристины на лбу выступила испарина. Она наблюдала за мужчинами за соседними столами, с которых бежал пот в три ручья от с наслаждением выпитого горячего чая.

– Почему не кушаешь? Не нравится?

– Когда мы с вами еще на базаре были я уже почувствовала. а сейчас вообще невыносимо становится, – сказала Кристина схватившись руками за голову.

Назира, кажется, догадавшись в чем дело спросила:

– Ты слышишь кого-то?

– Да, эти голоса... они ужасны просто.

– Мы среди народа и потому ты ловишь энергетику других людей. Энергетика у каждого разная и ее слишком много. Я научу тебя ставить защиту.

Кристина положила руки на стол и устало уронила на них голову.

– Давай, давай, мне одной не осилить столько плова.

Кристина подняла тяжелую голову со стола и зафиксировалась на пристальном взгляде мужчины, сидевшего в одиночестве у стены в самом углу. Мужчина не отводил от де-

вушки свой взгляд.

– Ешь давай, – пододвигая блюдо все ближе и ближе к девушке сказала Назира.

– Тот мужчина как-то странно на меня смотрит.

Пока Назира оборачивалась, мужчина, до этого сидевший один присоединился к мужчинами сидевшим за большим столом.

– Который из них?

Кристина растерялась. Они все были похоже друг на друга.

– Тебе не здоровится? Ты поешь, голодная весь день. Плов силы даст. Как машину поведешь?

– Только не говорите, что и плов лечебная еда.

– Есть даже легенда про это.

Кристина закатила глаза на лоб.

– У бухарского правителя был сын и он влюбился в одну прекрасную девушку. Но жениться на ней он не мог, потому как она была ниже его по статусу. На парня напала хворь, он замкнулся в себе и стал плохо есть, не спал ночами, терял силы. Никто не мог понять почему он угасает на глазах. В итоге он ослаб настолько, что к нему привели Ибн Сину, знаешь такого? – спросила девушку Назира.

– Это Авиценна который?

– Хоп, он самый. Парень отказывался лечиться, отказывался от лекарств. Авиценна думал, как бы его на ноги поставить, но не мог понять, в чем же причина. И тут решил

он определить причину его болезни по пульсу. Для этого он позвал человека, который знал все новости города и каждого его жителя, и попросил поочередно называть районы. Авиценна следил за пульсом парня, и когда прозвучало название одного из районов, пульс его участился. Затем Авиценна велел называть жителей этого района. Когда было произнесено имя возлюбленной парня, пульс его участился настолько, что великому врачу стало все ясно. Он назначил истощенному жениху лечение: как минимум раз в неделю готовить для юноши плов до тех пор, пока не восстановятся силы, а потом сыграть свадьбу.

– И как? Успешно?

– Да. Ешь.

Задумчивая Кристина послушала Назиру и поела плова.

Мужчины на первом этаже загудели. Кристина нагнулась и наклонила голову чтобы посмотреть через перила в нижний зал. В чайхану с шумом влетел Асанали, подходя с приветственным рукопожатием к каждому столу. Асанали знал всех, и все знали Асанали с его веселым и легким нравом. Вдруг Асанали поднял голову вверх и увидел Назиру с ее гостьюей.

– О нет! – воскликнула Кристина. Это ее «О, нет!» рассмешило Назиру.

Асанали взбежал по лестнице в зал второго этажа и с нескрываемой радостью пожимая каждой руку закричал:

– Ассалому Алейкум Назира хон! Ассалому алейкум сест-

рица хон! Как вы здесь?

– Здравствуй Асанали. Гуляем.

– Сегодня первый день свадьбы Рашида⁵⁷. Сегодня его невеста плов делает. Вы идете? – спросил он.

– Идем, Асанали. Идем в последний день.

– Хоп. Как вам Самарканд сестрица?

– Потрясающе! – ответила Кристина, у которой с появлением Асанали заметно улучшилось настроение. Своей доброй энергетикой он развеял все напряжение.

– Хоп, хоп. Я пошел, заехал на обед и надо клиента в Тошкент везти!

– Хоп Асанали.

– Увидимся на свадьбе! – сказал он и пошел также шумно приветствовать посетителей зала второго этажа.

Кристина отвлеклась и потеряла из виду того мужчину, который пристально наблюдал за ней. Она искала его глазами, но так и не найдя – забыла о нем. Назира оставила на столе пачку сум, рассчитавшись за обед. И каждый посетитель, отобедавши поступал также, просто оставляя деньги на столе. Официант мог долго не подходить к опустевшему столу, и деньги продолжали лежать на месте.

Солнце светило все ярче, день набирал обороты и становился жарче.

---

⁵⁷ *Узбеки празднуют свадьбу три дня. Первый день проходит в доме невесты, по традиции невеста делает плов, второй день в доме жениха и третий день общий, более торжественный.*

– На сегодня это последнее место, которое мы посетим с тобой, – сказала Назира с трудом выбираясь из машины. – Придется тебе мне помочь взобраться.

Они подошли к большим и широким ступеням ведущих высоко вверх к мемориальному комплексу, усыпальнице великих полководцев, царственных особ и знати – Шахи-Зинда.

– Эту лестницу называют лестницей грешников, – начала Назира, опираясь на руку Кристины. – Здесь ровно тридцать шесть ступеней. Кто-то насчитывает тридцать пять, а кто-то тридцать семь. Когда после посещения некрополя человек спускается по лестнице и насчитывает меньше ступеней чем когда поднимался, значит всевышний не простил ему грехи. В этом некрополе, на местном кладбище покоится мой отец. Если бы ты знала, жоним, как давно я не посещала его могилу. Он завещал нам похоронить его здесь. Даже после смерти он пожелал лежать не среди простых, а среди выдающихся людей.

Они поднимались долго по широким глиняным ступеням, останавливаясь отдохнуть. Назира все продолжала рассказывать.

– Здесь могила двоюродного брата пророка Мухаммада – Кусам ибн-Аббаса. Его так и называли «Шахи Зинда», что в переводе с персидского означает «Живой Царь». Есть легенда, что Кусам ибн-Аббас пришел с проповедью в Самарканд в шестьсот сороковом году, где провел тринадцать лет

и был обезглавлен зороастрийцами во время молитвы. И теперь его дух летает здесь. Посетить его могилу для мусульман, все равно что хадж в Мекку совершить.

Наконец они поднялись на верх. Вдоль узкой средневековой улочки, со сверкающими голубыми красками мавзолеями по бокам стояли лавочки. Назира увидела людей, читающих молитву, и поинтересовалась у мимо проходящего туриста о времени.

– Пять часов! Время намаза. Жоним, пойді пока вперед, погуляй. Когда будешь заходить во внутрь мавзолея – читай молитву при входе. Мы в святом месте, поэтому читай молитву, проси всевышнего чтобы простил тебе твои грехи. Помолись за своего отца, – наставляла Назира.

Назира смело под села на лавочку, на которой сидели туристы-иностранцы с большими фотоаппаратами и не обращая ни на кого внимания принялась читать молитву. Кристина прошла немного вперед и вновь случайно столкнулась взглядом с женщиной, тем самым женщиной из чайханы. Небольшого роста, плотный неукладистый с непричесанной черной головой молодой узбек без стеснения наблюдал за девушкой. Кристина бросила быстрый взгляд в сторону Назеры и обратно на мужчину. Ее охватил приступ паники. Сердцебиение все учащалось, кровь стучала в висках. Мимо нее проходила пожилая пара туристов-китайцев и еще несколько шумных туристов. Пока они мельтешились возле нее на этой узкой улочке, Кристина забежала в открытую деревян-

ную дверцу мавзолея, искусно украшенную резьбой. В более скромной чем остальные усыпальницы, чистой белой комнате по центру располагалась белая гробница, за которую Кристина спряталась сев на корточки и облокотившись спиной о холодную мраморную плиту. Это была гробница одной из жен Тамерлана. Мужчина видел, как девушка забежала в один из мавзолеев и просто медленно и спокойно, как в качестве туриста обследовал каждый из них. Кристина тяжело и часто дышала. Она привстала проверить нет ли за ней «хвоста» как тут же на пороге показался тот мужчина. Она испугалась, но он испугался еще больше, что его рассекретили. Пытаясь делать вид что он всего лишь турист, он начал обсматривать стены мавзолея, но Кристина уже себя накрутила настолько, что неожиданно для самой себя пустила вход свою черную силу чтобы защититься. В тот момент ее словно подменили. Она вытянула правую руку перед лицом мужчины и тихо, неразборчиво, а главное уверенно, как будто делает это каждый день и что-то шептала.

– Найди, морока, с любого бока, с ветреной и подветреной, с восхода и с запада. Заморочь голову, отведи глаза тридцать три раза. Морочная проказа, съешь мыслей чистоту, дай обморочную пустоту⁵⁸...

А затем громко воскликнув в конце:

– Будьте мои слова крепки и лепки!

Мужчина свалился с ног. У девушки затряслись руки. По

---

⁵⁸ Из этических соображений слова наговора указаны неполностью.

стенам усыпальницы прошелся хохот. Назира искала Кристину зовя ее, отдаленно услышав хохот, она вошла в усыпальницу жены Тамерлана.

– О Алла, жоним, что произошло? Кто этот мужчина?

– Он шпионил за мной. Его отец послал, чтобы выкрасть или убить меня, – возбужденно говорила Кристина.

– Что с руками? – перешагнув через лежавшего на полу мужчину спросила Назира взяв девушку за руки. – Ты что наделала? – взорвалась Назира почувствовав через ее руки холод.

Оттолкнув Кристину Назира, бросилась к лежавшему на полу мужчине. Сев рядом с ним на колени и положив свою руку ему на глаза она начала читать молитву. Мужчина очнулся.

– Ким сиз? Сиз кандай килиб бу ерга келиб колдингиз?⁵⁹ – спросила его сердитая Назира.

– Мен хеч нарсани эслай олмайман⁶⁰, – ответил он, поднимаясь с пола.

Назира поводила рукой у него перед глазами, словно смахивая пелену.

– Нега бу кизга эргашканингизни эслайсизми? Яхши. Исмингизни эслай оласизми?⁶¹ – продолжала Назира.

---

⁵⁹ *Мужчина, кто вы? Как вы здесь оказались? (узб.)*

⁶⁰ *Я ничего не помню (узб.)*

⁶¹ *Вы помните почему следили за этой девушкой? Хорошо. Вы помните, как вас зовут? (узб.)*

– Мен Рашидни хам касбиман. Самарканд ички ишлар органларида ишлайман. Рашидни бугун туйи. У менда бу кизни кузатишимни суради. У менга ушбу киз кидирувда деб айти. Мен сизга хеч кандай ёмонлик килиш ниятим юк⁶², – напугано говорил он.

– Что он говорит? – сказала Кристина.

– Не бойся жоним, он сотрудник милиции. Его Рашид попросил последить за тобой.

Кристина набросилась на перепуганного еще не очухавшегося сотрудника. Назира задержала ее.

– Прекрати. Мы в святом месте, – грубо сказала Назира. – С Рашидом мы разберемся сами.

Современное, советское кладбище, расположенное на территории мемориального комплекса, для туристов не было столь популярным местом сколько исторические, многовековые захоронения, поэтому Назира могла без лишних глаз провести ритуал. Не сразу найдя могилу своего отца, они проходили по выложенной плиткой дорожке вдоль высоких черных гранитных могильных плит. Руки Кристины по-прежнему дрожали.

– Это могила вашего отца? – спросила Кристина подошедшую Назиру к небольшому холмику.

– Да.

---

⁶² Я коллега Рашида. Служу в милиции Самарканда. У Рашида свадьба сегодня. Он попросил меня понаблюдать за этой девушкой. Он сказал, что она в розыске. Я не хотел ничего плохого сделать вам (узб.)

Кристина удивилась, смотря на богатое убранство соседних могил и в целом кладбища, и на могилу отца целительницы.

– А.., – только собираясь открыть рот сказала Кристина как Назира перебила ее.

– Я знаю о чем ты хочешь спросить. Не думай, что могила не ухожена. Может отец мой и заслужил не меньше, чем остальные усопшие на этом кладбище. Да не нужно им это все.

– А как же мавзолеи тогда? – спросила Кристина.

– Усоп человек, и могила его с землей должна сравняться через пятьдесят-семьдесят лет. Пророк Мухаммад, да благословит Аллах его имя – строго запретил строить мечети над могилами, запретил превращать могилу в место собраний. Это одно. Но когда приходят с водкой, – злилась Назира, – и начинают ресторан устраивать на могиле... Как им не стыдно...

– Ну, это же память о человеке.

– Усопшим кроме молитвы нашей ничего не нужно. Ни оградки кованые, ни плиты до небес, а нужна простая молитва. Знаешь жоним, ни одно событие, ни одно действие в жизни не происходят просто так. То, что я спустя долгие годы пришла на могилу отца, то, что произошло в мавзолее с тем парнем... Так должно было быть, вот оно решение, мучавшее меня целый месяц.

Кристина не понимала, о чем говорит ей Назира.

– Сегодня ты полностью приняла темный дар, неосознанно, но приняла. И тот, от кого ты его приняла ушел в мир иной. Это по крови дар и теперь только тебе решать: оставить его или нет. Я же предупредила тебя, нельзя зло делать.

– Вы меня огорошили сейчас. У меня в жизни только-только какой-то смысл появился... Я не делала зла, это была самооборона. Я ведь даже не помню, как так вышло, – разводила руками девушка.

– Я уже не в силах повлиять на тебя. Решай сейчас, как ты дальше будешь. Но знай, выбор нужно сделать в пользу чего-то одного. Я ни разу в жизни не проводила подобный ритуал, но сейчас я это сделаю.

Кристина нервно засунула руки в карманы, и раскачиваясь на пятках прикусывая нижнюю губу смотрела на Назиру исподлобья.

–

Хорошо, давайте ваш ритуал.

Назира села на могилу отца и велела тоже самое сделать Кристине. Но Назира не учла один момент, что больше она не имеет сил для проведения таких дел.

Глава 6

В жаркий субботний день в единственный банкетный зал города Акташ стекался народ. С утра до вечера на свадебное гулянье шли нарядные девушки – одна краше другой, старики в двухэтажных тюбетейках и преимущественно серых костюмах с пожилыми узбечками в национальных одеяниях веселясь и пританцовывая выписывали руками в воздухе элементы восточного орнамента под завораживающие и мелодичные звуки барабанов и карная. Гости располагались в крытых обширных беседках у фонтана на территории банкетного зала «Даврнур». «Даврнур» в переводе с узбекского звучит как «Время света». Длинные и широкие клумбы с красными высокими индийскими каннами сверкали каплями воды от недавно сбитой с них пыли. У самого входа в зал пять музыкантов зазывая играли народные свадебные мотивы.

Назира не могла не замечать как с появлением в городе русской девушки переменились настроения некоторых жителей, прежде бывавших зваными гостями в ее доме. В этот день Назира решила не следовать традициям и вместо национального халата надела на свадьбу строгий брючный костюм: черные брюки дудочки и пиджак пыльно-розового цвета расшитый блестящими бусинами. Массивную шею Назиры украшала золотая подвеска. По костюму было видно,

что он далеко не из дешевых. Вместо платка, она завязав волосы в пучок заколола их заколкой крабом, оставив небольшой пышный хвостик. Кристина увидев преобразование Назиры из обычной узбекской женщины в элегантную светскую даму соорудила на своей голове такую же прическу поддерживая таким образом смелый поступок Назиры. Но Назире это не понравилось. Она строго смотрела на девушку и тут же достав из комода самый красивый розовый шелковый платок повязала ей на голову.

– Тебе теперь нельзя появляться с непокрытой головой на людях.

– Эй, ну я же не приняла ислам, зачем эта атрибутика? – сорвав с головы платок возразила девушка.

– Повяжи обратно! На свадьбе будет много народа, это защитит тебя и твои мысли.

Как только Назира со своей гостьей показались в решетчатых воротах банкетного зала, веселье смолкло. Они не торопясь, прогулочным шагом шли под ручку мимо беседок, фонтана, вдоль красных, словно кровь пылающих цветов. Молодые готовились подъехать с минуты на минуту. Ведущий свадьбы потихоньку приглашал гостей проходить во внутрь зала. Гости с мрачными, недовольными, осуждающими лицами заходили в зал. У узбеков не принято мужчинам и женщинам сидеть за одним столом. И поэтому зал был разделен на женскую и мужскую половину. В одном крыле банкетного зала усаживались за круглые, не особо богато накры-

тые столы женщины, а в другом крыле за такие же столы усаживались мужчины. Разделяла их красная ковровая дорожка, ведущая к столу молодоженов. Как только Назира с Кристиной зашли на женскую половину, женщины с покрытыми головами, сговорившись, зло и грубо указали им на место в мужской половине зала из-за их внешнего, неподобающего вида.

– Ким сизга шим кийишга рухсат берди⁶³, – возмутились женщине обращаясь к Назире. – Сизни жойингиз эркаклар яримида!⁶⁴

Назира не желая скандалить, не объяснила девушке в чем дело, а спокойно, без возмущения прошла за стол в мужскую половину зала.

– Это из-за меня? – наклонившись к уху Назиры спросила Кристина.

– Не из-за тебя. Из-за невежества их. Знай жоним, никогда не встречай человека по одежде! Если увидишь женщину, завернувшуюся в паранджу, не думай, что она святая. И также если встретишь женщину в короткой юбке не думай, что она развратна... – сквозь громкую музыку кричала в ухо девушке Назира.

Увидев Назиру среди гостей, многие желали сесть с ней рядом за один стол, но посчастливилось лишь немногим. Первым, кто увидел Назиру за столом в мужской половине

---

⁶³ Кто позволил вам надеть брюки? (узб.)

⁶⁴ Ваше место в мужской половине! (узб.)

был бывший хоким⁶⁵ города давно проявляющий большую симпатию к ней. Позже к ним присоединились еще четверо мужчин из числа знатных и почетных людей города Акташ.

В зал с количеством гостей в восемьсот с лишнем человек под живое музыкальное сопровождение певца вошли жених с невестой. Они плавно передвигались к своему столу по красной дорожке. Впереди них бежал парнишка с дым-машиной в руках рассеивая перед их ногами дым. Невеста соблюдая традицию скромно закрывала свое лицо фатой, считая что это убережет ее от дурного глаза. Весь зал дружно встал приветствуя молодоженов. За молодыми шли девушки-подружки невесты, хлопая в такт музыке. Все заволкло дымом и не видно было как молодые дошли до своего стола. Когда дым рассеялся невеста сидела на своем троне за столом уже без фаты. Гости начали усаживаться на свои места. Издалека нельзя было разглядеть лица невесты, поэтому гости поочередно подходили лично поздравить молодых и полюбоваться на красавицу невесту, которая смущенно прятала свой взгляд. Рашид был как всегда насторожен. Даже в такой праздничный для него день, он был серьезен. Сидевшие за столом мужчины были очень обходительны с Назирой и ее гостьей, искренне интересовались кто она и откуда. Те кто лечился или гостил у Назиры в разные годы – никогда прежде не подвергался такой огласке. Что это за особенная

---

⁶⁵ *Хоким – глава местной администрации, мэр (в городе и районе) Узбекистана.*

гостья такая втайне интересовался каждый.

Бывший хоким сидевший с ними за одним столом боялся поднять голову и посмотреть на Назиру. Он слишком смущался и в то же время наслаждался моментом что может вот так просто оказаться рядом с давно нравившейся ему женщиной. Кристина заметила это. Гости шли и шли с подарками и поклонами к молодым. В самый разгар свадьбы, когда веселье было на пределе Назира, встала из-за стола и направилась к молодым. Кристина подхватив коробку с чайным сервизом встала следом за ней. Кристина догоняла Назиру по длинной ковровой дорожке, как вдруг преградив им дорогу из женской половины зала выскочили три женщины: две молодые абсолютно крупные и бесформенные девушки в хиджабах⁶⁶ ментолового цвета и их такая же бесформенная в красном хиджабе мать. Они демонстративно посмотрели на Назиру и русскую девушку, и так же демонстративно пошли вперед Назиры поздравить молодых. Музыка гремела на весь зал. Кристина разведя руки жестом спросила Назиру:

– Что это было?

– Это дочери хокима, который сидит с нами за столом и его бывшая жена. Они в разводе давно, я лечила его от порчи. Она его все привораживала без конца, – наклонившись к Кристине говорила Назира пытаясь перебить громкую музыку.

---

⁶⁶ Накидка, скрывающая тело и/или лицо, которую мусульманки надевают при выходе на улицу.

Пока Назира отвлеклась на объяснения, перед ними уже выстроилась очередь из поздравляющих. Назира что-то совсем загрузила и вернулась за стол. Кристине прежде не доводилось видеть ее в таком состоянии. Подождав пока Назира сядет на место, Кристина сообразив на ходу уверенно направилась к сцене с подарком в руках. Попросив диджея выключить музыку, она взяла в руки микрофон и только хотела ступить на невысокую прямоугольную сцену как коллеги Рашида, маскирующиеся под видом гостей, остановили ее и повели к выходу из зала под дружный ропот женщин. Мужчины переглядывались между собой и не понимали отчего так беснуются женщины.

– Тухтанглар! Куйиб юборинг уни! У сизларга хеч кандай ёмонлик килшани юк. Ехтимол, у сизни табриклашни ва совга беришни хохлаган, – изо всех сил кричала Назира⁶⁷.

– Сен биласанку купларимиз угилларидан айримлар эса эрларидан айрилган хаммаси русларнидеб⁶⁸, – кричали в ответ разъяренные женщины.

– Аммо бу кизни айби нимада?⁶⁹ – настаивала Назира.

– Уйга кайтган эрларимиз, угилларимиз уларни кандай килиб кутиб олишганини айтишади⁷⁰, – зло кричали они. – И

---

⁶⁷ *Стойте! Отпустите ее! Она же вам ничего плохого не сделала! Она видимо просто хотела поздравить вас и подарить подарок. (узб.)*

⁶⁸ *Ты же знаешь многие из нас лишились сыновей, кто-то мужей и все из-за русских. (узб.)*

⁶⁹ *Но в чем виновата эта девушка? (узб.)*

⁷⁰ *Наши мужья, сыновья, которые возвращаются домой рассказывают, как*

пусть она снимет платок, она не мусульманка! – выкрикнула одна из дочерей бывшего хокима.

– Вы что с ума посходили все? Русских никогда не видели чтоли? У нас в городе сколько русских семей живет! – спокойно, перейдя на русский говорила Назира, и казалось все гости, весь зал был сосредоточен только на ее голосе.

– Это другое Назира. Они наши, местные. И живут по нашим законам.

– Что с вами стало? Забыли о традициях? Где это видано, чтобы женщины вели себя так в присутствии мужчин?

Женщины стыдясь подутихли. Асанали подбежал к офицерам что держали Кристину за руки и отбил ее у них.

– Да, она не мусульманка, но это не дает вам никакого права так с ней говорить! Если бы вы знали кто она, вы бы упали на колени перед ней и просили о прощении, – невыдержала Назира.

По залу прошелся гул. Гости непонимающе смотрели на Назиру будто она бредит.

– Многие из вас, старшее поколение особенно должны помнить легенду связанную с Галией из Чимгана. Много целителей у нас есть, каждый так и наровит себя назвать им. Но с ее силой никому не сравниться. Так вот эта девушка – ее наследница, – бросив руку в сторону Кристины говорила Назира.

Зал смолк. Кристина не понимала, нужно ли ей что-то

еще добавить. Заступническая речь Назиры дала ей понять, что она хотя бы одному человеку в этом мире не безразлична. Веселый свадебный ведущий перехватил слово и веселье продолжилось. Назира и ее гостя покинули свадьбу. Асанали и бывший хоким, которого к слову сказать звали Нормат ака вышли проводить их на улицу. Кристина была без авто, поэтому Асанали предложил довезти их дома. Как только она вышла из зала, то сразу же сорвала с себя платок. На улице совсем стемнело. Редкие фонари освещали тротуатр на территории ресторана, а за воротами была непроглядная темнота. Во след за спускающейся по ступенькам русской гостьей наблюдала пожилая низенькая узбечка, наполовину показавшись из-за дверей парадного входа. Кристина обернулась, будто почувствовав что ее кто-то позвал.

– Она, мен Назира хонни олиб бориб ва сиз учун кайтиб келаман⁷¹, – крикнул Асанали той пожилой узбечке, которая была его матерью Мунирой.

Сны ее были кошмарны: страшные беззубые старухи с громким хохотом танцевавшие среди могил; сношения сновидицы с рогатыми существами; карлики с ненормально длинными руками державшими черные горящие свечи, все это по свежему вспоминала Кристина проснувшись среди ночи и зарывав от страха. Она не знала, что это было: все походило на правду, она видела это своими глазами, словно

---

⁷¹ *Мама, я только отвезу Назиру хон и вернусь за вами. (узб.)*

это было наяву. Что-то не то происходит... После посещения некрополя что-то явно изменилось, но она не понимала что. Немедля прошептав молитву она выпила стакан воды, который Назира всегда ставила ей перед сном у изголовья и больше не смогла уснуть. Давящая пелена пробуждения с подавляющей мозг явью, застывшей в ранней утренней мгле окна выходящего во двор; этот ее молитвенный шепот из полумрака... Это приходило к ней едва ли не каждую ночь. Ей досмерти хотелось верить, что она убежала, спаслась, скрылась, но жуткие, невыносимые видения и голоса возвращались к ней снова и снова. Она могла спасти от них любого страждущего, но себе помочь не могла.

Господи..., – измученно шептала она.

Чуть светало, когда она вышла во двор. Опавшие лепестки роз мерцали хрустальной росой. От земли пронзительно повеяло холодком. Двор еще не прогрелся и было свежо. После долгой, нервной ночи Кристина чувствовала как с ее лица будто бы сходит сковавшая кожу бессонница. Тонкую как струна тишину оборвал отдаленный женский крик. Кристина вышла за ворота. На камнях у арыка, сидели женщины, занимавшие друг за другом очередь к наследнице великой целительницы. Назира вступила с ними в перепалку.

– Она мусульманка? – наперебой спрашивали женщины.

– В ней есть все что нужно для лечения: доброта, любовь... – оправдывалась Назира.

– Что здесь происходит? Мамочка Назира, зайдите во

двор, – строго, по деловому приказывала Кристина.

Вчерашние женщины, соседки, с осуждением смотревшие на Кристину в буквальном смысле падали на колени прося русскую девушку о помощи.

– Жоним, ты не можешь им отказать. Ты должна работать со всеми, кто обратиться к тебе за помощью. Ты готова.

– Начнем с того, что я никому ничего не должна. А ты, которая громче всех тут кричит, – обратилась она к немолодой женщине, – иди домой, и займись своими детьми, только и можешь что осуждать ходить других.

Женщины притихли.

– У вас ни у кого проблем нет, чего вы сюда приперлись? Единственная ваша проблема это ваш злой язык. Ты осуждаешь, – говорила Кристина тыча пальцем в каждую женщину столпившуюся возле нее. – Ты – завидуешь своей сестре. Ты – наговриваешь, сплетни распускаешь, от этого у тебя и желудок больной. Идите отсюда и языки свои себе засуньте в жо..., – тут Назира перебила разбушевавшуюся девушку.

Женщины услышав правду о себе, фыркая начинали расходиться, бросая в девушку взглядом искры недовольствия. Кристина видя все это совершенно бессознательно крикнула в толпу: Что? Недовольны? Опкупнитесь. После ее слов загремело небо и хлынуло обильным дождем, которого так не хватало этому месту, после чего Кристина измученно улыбнулась. Растерянные женщины засуетились, но прятаться от дождя было негде. В самом конце создавшейся очереди сто-

яла та самая цыганка, которая когда-то давно жила в этом кишлаке; та самая цыганка, предсказавшая однажды Назире внезапную смерть ее мужа.

– Шайтан у тебя в доме, – сказала цыганка неотрывно смотря на Назиру.

У Кристины от злости покальвая горели щеки. Она силой завела Назиру во двор и захлопнула ворота.

– Вот зачем ты с ними так. Пускай они треплют языками, твоя задача их лечить.

– Знаете, ко мне все чаще приходит разочаровывающая мысль о страшном парадоксе моего существования – никто не видит во мне меня. Все видят только возможности, которыми я обладаю. Друзья видят деньги, часть этих ваших «больных» женщин видят во мне человека, которому можно скинуть свое дерьмо. Хватит. Я буду помогать только тем людям, которые сами хотят себе помочь. Помогать невинным. Неужели вы не понимаете, что они просто вами пользовались, а как только вы поставили им условия их как ветром сдуло.

– Не узнаю тебя, жоним. Ты злая.

– Не злая, а справедливая.

Глава 7

Так Кристина прожила в узбекском кишлаке полтора года и сильно повзрослела за это время. Слух о русской целительнице прошелся по всем городам Узбекистана. Взрослые мужчины и женщины, называющие себя колдунами и экстрасенсами, ехали в Акташ со всей страны; кто-то просто посмотреть и проверить ее способности, кто-то попытаться закрыть ее дар, устранив в ее лице конкурента, а кто-то с предложениями о сотрудничестве. Как только они оказывались на пороге ее дома, тут же были отправлены обратно, на все четыре стороны. Кристина на раз-два раскусывала любую фальшь.

Назира давно мечтавшая об отдыхе, о нормальном, человеческом образе жизни быстро перестроилась, полностью оставив на Кристину дом и переехала к Нормамату ака. Он пользуясь старыми связями помог устроиться ей в городской дом культуры, заодно устроив Кристину учителем в музыкальную школу.

Соседи привыкли к девушке, некоторые даже подружались с ней. Привыкли к ее выбивающемуся из окружения обычных людей стилю, ведь носить традиционные наряды она категорически отказывалась. Она перестала быть для них диковинкой. Изначально правильно поставив себя, она заслужила авторитет у местных врачей, которые нередко об-

рашались к ней за помощью. Там, где она могла помочь – помогала; там, где помочь не могла – говорила прямо. С открытием и постепенным развитием в себе экстрасенсорных способностей, она смогла полностью увидеть все свое прошлое, которое не давало ей покоя. Она видела страшные картины, не зная, как рассказать об этом Назире. Кристина оставила затею о мести отцу и о возвращении домой, замкнувшись в себе. Казалось, она окончательно привыкла к одиночеству, не испытывая от этого дискомфорт, принимая у себя людей только с серьёзными, реальными проблемами, которых было не так уж и много. Назира со своим новым мужем часто навещали ее. Также в гости заглядывал и Асанали с сыновьями, признавая в русской девушке свою родственницу. Но никто из них не мог и представить себе какая внутренняя борьба происходит в ее душе. Ежедневно, ежечасно, ежеминутно мирить в себе добро и зло, ловко балансируя на тонком тресе, именуемом жизнью, подобно канатоходцу. Она больше не делилась с Назирой своими переживаниями, своими мыслями, хороня все в себе.

Первые весенние прохладные лучи солнца медленно разливались по земле. Город готовился встречать Навруз. Назира с мужем и все остальные горожане увлеченно занимались подготовкой к празднику весны, до которого оставалась неделя. Кристина возвращалась из магазина домой с полными сумками, когда ее обогнала машина Асанали.

– Сестрица! Садитесь, подвезу вас до дома, – выскочив из

машины и отбирая у девушки сумки звал Асанали.

– Напылил-то! – ворчала Кристина садясь в машину.

– Здравствуйте Кристина, – сказал мужчина, сидевший на переднем сидении.

– Здравствуйте, – вяло поздоровалась она в ответ.

– Не помните меня?

– Не очень.

– Сестрица, везу к вам гостя! – сев в машину, сказал Асанали.

Кристина никак не отреагировала на это его заявление, и всю дорогу до дома они ехали в абсолютной тишине. Гость с нескрываемым интересом наблюдал за девушкой: как она гордо неся свои сумки подошла к воротам.

– Чего сидите? Идемте в дом! – крикнула она гостю, продолжавшему сидеть на месте залюбовавшись ею.

Асанали выгрузил из багажника большой серый чемодан гостя и поехал дальше.

– Назира сейчас живет в другом месте и больше не принимает людей, – сказала Кристина, увидев чемодан.

– Я приехал к вам, – смущенно улыбнувшись, сообщил он.

Кристина зашла во двор, оставив за собой открытыми ворота.

– Здесь не курят, – сказала она, почуяв запретный пленительный запах.

Гость затушив сигарету, вошел во двор и закрыл за собой ворота.

– Вы папа Настеньки. Что с ней? – спросила Кристина, узнав в госте отца девочки, лицо которой она лечила год назад.

– Да. С ней все хорошо.

Кристина молча продолжала неотрывно смотреть прямо в глаза гостю, отчего тот, занервничав от смущения, стал ходить по двору не зная куда приткнуться.

– Я вас слушаю, – холодно, не ласково сказала она.

– Я видел вас всего раз в своей жизни, но весь прошедший год не было ни дня, чтобы я не думал о вас. Не сочтите меня за сумасшедшего, но я, кажется, вас люблю, – сказал мужчина, после своих слов плюхнувшись на топчан.

Глаза ее заблестели, нежно-округлые щеки вмиг порозовели и рот застыл в неприметной улыбке. Никогда она еще не получала подобных признаний в свой адрес.

– Безусловно, что-то нарушилось во мне с нашей первой и единственной встречи и я вдруг понял, что уже не буду прежним. Меня тянет к вам.

Из-за биения своего сердца она никак не могла проверить правдивость его слов. Это было удивительное и одновременно непонятное ощущение прежде не свойственное ей.

– Вы, вероятно, испытываете благодарность за спасение вашей дочери. Мы такое уже проходили. Я не верю в любовь, – ответила ему Кристина и глаза ее погрустнели.

– А я верю в свою интуицию, которая сама мне подсказывает, что я встретил ту единственную, – набираясь смелости,

говорил гость.

– Я забыла, как вас зовут?

– Дмитрий.

– Да, точно, Дмитрий. Как ваша дочь? Лицо не восполяется больше? – перевела тему Кристина.

– У моей дочери теперь новый папа. Мы почти сразу разошлись с ее матерью, как только вернулись домой. Жена мне изменяла и я по сути оставался в семье только из-за Насти.

– Сочувствую вам. Главное, что ей лучше.

Между ними возникла продолжительная пауза.

– Я могу остаться? – переведя внимание девушки на свой чемодан, спросил гость.

– Оставайтесь. Чего-чего, а постели у узбеков всегда навалом, – ответила Кристина и пригласила гостя на кухню.

– А вы, Кристина, изменились, – сказал гость, когда Кристина поставила перед ним столовые приборы.

– Всё, прошла влюбленность?

Он смотрел на нее и не мог сдержать улыбку.

– Маленькие привязанности они как тонкая паутина легко рвутся. И не происходит никаких бурных сцен, объяснений, остаются лишь сожаление и грусть. Скажите Дмитрий, оно вам надо?

– Я хороший, правда.

– Положительные герои из сентиментальных романов мне никогда не нравились, – резко ответила она.

– Меньше всего я хотел бы, чтобы наш разговор оборачи-

вался таким образом.

– А на что вы надеялись когда ехали сюда?

– Даже в самом безысходном положении человек на что-то надеется, – отвечал он.

– А вы в таком положении?

– Это вы должны мне ответить. Ну-ну, интересно, что вы там видите? Что меня ждет? – провоцируя девушку на откровения, говорил он.

– Каждый хотел бы наперед узнать свою судьбу, а вот начинаешь подводить человека к порогу, за которым предстанет перед ним судьба, так он пугается, страшно ему. А врать я не люблю, да и не умею. Знаете Дмитрий, у меня принцип – я не смотрю будущее ни при каких обстоятельствах, кто бы меня об этом не попросил. За прошлым бы ошибки исправить, куда там до будущего... Давайте по делу, зачем вы приехали?

– Кажется я вам уже дал понять, – сказал он, принимая из рук хозяйки пиалу с чаем.

На губах девушки блуждала рассеянная улыбка. Теперь уже она стеснялась его взгляда. Перед ней сидел взрослый русоволосый, голубоглазый мужчина, выше среднего роста, со спортивной фигурой. Лицо у него действительно симпатичное: правильные черты, крупный прямой нос, красиво очерченные губы, чуть выпуклые скулы и милая ямочка на подбородке, что придавало его лицу добродушный вид.

– У меня сейчас занятия в классе. Вернусь к вечеру, потом

продолжим разговаривать. А пока можете расположиться в мужской половине. Удобства вы помните где.

– Что преподаете?

– Нотную грамоту. Класс фортепиано. Учеников у меня не много, но все старательные. Представляете, до меня здесь музыку преподавали еще до развала союза.

Кристина оставив гостя одного, схватила папку с нотами и в приподнятом настроении помчалась на урок. Нет на свете несчастнее человека, который не испытывал настоящей любви. Только-только начинаешь ощущать что жизнь идет ровно, все в ней начинает налаживаться как вдруг залетевший в город весенний ветер обдает тебя запахом талого снега, горечью набухших почек, свежестью обнажившейся земли и еще до селе чем-то незнакомым и волнующим. На каждого весна действует по-своему... Весь день она провела в думах о свалившемся с неба госте, отпустив пораньше с последнего урока ученика, чтобы пораньше вернуться домой. Но радость и печаль всегда ходят рядом. Стоило Кристине вспомнить о своем необычном предназначении как настроение ее стало хуже некуда.

– Вы довольно быстро вернулись, – сказал Дмитрий. – Я вас ждал.

– Чайник поставлю, – не подобрав других слов, почуяв что во дворе накурено, сказала Кристина.

– Опять чай? – подковырнул гость.

– Друг мой, мы на Востоке. И чай неотъемлемая его со-

стовляющая, – наморщив свой белый лоб отвечала она.

Они пили чай с печеньем и рахат-лукумом из лепестков роз.

– С завтрашнего дня в городе начинаются праздничные гуляния. Наша маххаля уже давно готовится к встрече весны. Советую сходить, – говорила Кристина.

– Наурыз?

– Наурыз у казахов, у нас Навруз.

– Да-да, помню. Теща делала баурсаки, – поморщившись, сказал Дмитрий. – На праздник не пойду, спасибо за приглашение. Помнится, когда был молодым, охотно бегал на подобные празднества, а теперь давно отпало желание. Незнакомые люди, разговоры ни о чем... обязательно заметят новичка и привяжутся с разговорами. Шумные кампании не по мне, –немного поколебавшись с обезоруживающей улыбкой, говорил он.

– Ясно.

Кристина была возбуждена. В ее глазах мелькало что-то неуловимое, очень волнующее. Она хотела продолжить их утренний разговор, но не знала, как заговорить об этом. Ее мысли путались, соглашательская мысль уже стучалась в ее голову, как вдруг мысль сознательная резко вытеснила ее. Задурить голову девчонке, чтобы учинить ей неприятность? Что ж, пусть прыгает от радости, он своего добился!

– Послушайте, Дмитрий, – начала она. – У нас с вами ничего не получится.

– Не получится что?

– То, о чем вы говорили утром. Помните? – робея говорила Кристина.

– Почему не получится? – посерьезнев, громко спросил он.

– Все дело во мне.

– А я уж грешил на свой возраст, – доверительно сказал Дмитрий.

– Я не могу иметь любовные отношения и не могу построить нормальную семью. Даже если мне и очень бы хотелось, сделать этого мне нельзя. В противном случае расплатой за счастье может выступить все что угодно. И эта неизвестность самое страшное, – сокрушаясь, говорила она. Я ношу в себе не только белое, но и черное, а этого делать нельзя.

– А ты крепкий орешек, Кристина Олеговна.

От его слов у нее внутри словно обрушилось сорокаэтажное здание, оставив после себя руины.

– Ты мне действительно очень нравишься, но я здесь не только за этим.

Кристина не проронила больше ни слова. Она смотрела на этого человека, которому смогла почти довериться, с укоризной, не моргая. Слезы удушливо подступали, подергивая ее остренький подбородок.

– Не знаю почему, но иногда мы совершаем необъяснимые поступки. Месяца два назад мне предложили перевод с повышением в Москву. Там место освободилось одно. Я

все дочери и ее матери оставил, сам квартиру снимал. А там предложили место с жильем. Когда дела принимал, перебирал бумаги за прошлым начальником и увидел ориентировку на вас, Кристина.

– Ты мент что-ли? – вспылила девушка.

Так они незаметно для самих себя перешли на «ты».

– Не совсем.

Кристина как ошпаренная подпрыгнула с дивана и нервно заходила по кухне почувствовав незащищенность.

– Отец прислал?

– Не совсем.

– Что заладил-то как попугай “не совсем, не совсем”...

– Я слов своих вышесказанных не отменяю. Ты мне действительно нравишься, повторяю еще раз. И не приехал бы я сюда точно, не увидев твой фоторобот. Любил бы дальше себе и любил. Пропала девушка... Как ты думаешь, Кристина, почему твой отец, имея такие возможности, до сих пор не нашел тебя? Ведь это он тебя ищет?

– Больше никому, – успокоившись и сев за стол, с грустью в голосе сказала она.

– И ты скрываешься от него здесь?

– Да не скрываюсь я особо, но и возвращаться нет желания.

– Действительно, сложно найти иголку в стоге сена. Но как можно в стоге иголок не найти соломинку? А ведь твой отец тебя как будто не может найти специально. Эти, кстати

заметить, немногочисленные листовки всего лишь показуха для определенных лиц.

– Что это значит?

– Ему еще два года назад дали задание убить тебя.

Кристина попросила сигарету. Она закурила, прокашлялась и молча слушала гостя дальше, с долгожданным наслаждением выпуская дымное облако.

– Такая милая и куришь? А мне так запретила.

– Назира отучила. Грехом запугала. Согласна с ней, курение-вред, но иногда просто необходимо.

Дмитрий, не курив около пару часов, с удовольствием закурил.

– Ко мне летом девочку-студентку привозили с заклиненной спиной. С виду здоровый ребенок, семья полноценная, родители приятные. Неврологи бьются в истерике, ни уколы, ни массажи девчонке не помогают. Травм никаких. Беседуем с ней, а мать ее так и лезет, все ей знать надо. Девчонка такая вся – ну чисто ангел, правильная, но вбила себе в голову, что за мат ее Бог накажет. Друзья, одноклассники матерятся, а она не может и держит это в себе. Так у нее в теле накопилась нерастратенная темная энергия, которая ее в прямом смысле с ног валит. Тут не надо даже колдуном быть, типичная психология. Закрылись мы с ней в самой дальней комнате, я ей говорю: «Матерись со всей силы, от души матерись». Так она по началу зажималась, не знала с чего начать, не получалось у нее. А потом с нее как полилось... и сразу спину отпу-

стило, запрыгала и забегала. Конечно, говорю ей, материться плохо, но ограничения тебя не спасут. Даже если проронила слово, Бог тебя за это точно не накажет.

– Значит, не такой уж и грех курение, – с наслаждением выдыхая дым заключил Дмитрий.

– Как по мне страшнее греха, чем смирение, нет, – подставив гостю блюдо вместо пепельницы сказала она.

– Интере-е-есно, – протянул он, стряхнув пепел.

– Не вижу смысла ни в одной религии. Они бесполезны.

Бог один и всех нас ненавидит одинаково.

Дмитрий хихикнул.

– Да, Боженька тот еще приколист. Сказано: «Будь смирен», но на самом деле ему нравится когда против шерсти, понимаешь? Когда не согласны, когда сопротивляются, когда борются с ним. Быть смиренным, значит плыть по течению не имея ответственности за свою жизнь.

– А как же «Не убий»? Разве не это самый страшный грех?

– Нет.

– В смысле? А как же..?

– Бог прощает убийц. Говорю же, приколист. Сказано: «Не убий». Человек совершивший много убийств умышленных или не умышленных помолившись ему один раз и попросив прощения – будет прощен. Тот же смиренный, который лоб себе разбил уже от молитв, но ничего не совершил запретного, будет наказан.

– Если он молится Богу и плохого не делает, зачем его

наказывать?

– По приколу.

– Ох, – вздохнул гость.

– Поэтому я ничего и никого не боюсь. Тем более отца.

– Однако закурила, значит нервничаешь.

– Выкладывай, что там у тебя.

– Всего рассказывать я тебе, разумеется, не стану. Если совсем коротко, то «повышение» отца твоего в одном секретном обществе зависит от этого задания. Он максимально оттягивает все это действие. Узнал я об этом у своего старого товарища из правительства. Он состоит в группе, которая курирует эту организацию. Давно не виделись с ним, я как в Москву перебрался, с ним с первым увиделся, в бильярд поиграли. Интересно мне стало, что за отец такой у тебя. Может тесть будущий, – улыбнулся он.

Но Кристине было не до улыбок.

– Хоть икону пиши с него. Справедливый донельзя. Капнул глубже, оказывается еще в девяностые он с неким Градимиром – в миру Борисом Лаптевым начинали свою деятельность по «чистке Родины». Как они нашли друг друга, об этом история умалчивает, но оба идейные были. Градимирир таким идейным и остался, а на отца твоего вышли серьезные люди, сделав заманчивое предложение и в их тандеме произошел раскол. Градимириру тому не нравилось, что отец твой идею предал и продался. А отец твой начал выполнять госзаказы, не спрашивай какие, там вобщем..., – сказал он, схва-

тившись за голову от ужаса информации которой владел. – Я мельком пробежался по делам осужденных твоим отцом и скажу тебе, что несмотря на всю его темную сторону, приговоры он выносил заслуженно.

– Я знаю об этом и не осуждаю его. Да, мы с ним не лучшие друзья и то, что он позволил сделать со мной... с мамой... с моим другом... Но я понимаю, что он просто одержим. Он больной человек.

– А кто из них не больной? – засмеялся Дмитрий и, увидев что Кристина совсем серьезная стала, замолчал.

– Ты не понимаешь. Он не по своей воле такой. И принудительное лечение тут не поможет. Да, он опасен для общества, но как бы смешно и нелепо это не звучало – он больше жертва, чем преступник. Мне остается только молиться за него, – докурив и запив чаем, сказала она.

– Думаешь, его простят там?

– У него прослеживаются практики шаманизма, я это вижу. Защит себе наставил неумело... Белому человеку нельзя заниматься такими вещами, он сразу продал свою душу, но если правильно молиться за него, то все получится. Стоит попробовать.

– Восхищаюсь твоим спокойствием, Кристина. Ты готова умереть от рук своего отца? Ты же большая девочка, должна понимать, что такие игры не просто игры. Это игры не на жизнь, а на смерть. И рано или поздно задание должно быть выполнено. Они сами тебя найдут, раз уж он, якобы, не мо-

жет. Понимаешь о чем я говорю?

– Да, – спокойно ответила она. – Можешь не отвечать, но я спрошу. Скажи, вот не на ровном же месте человек сам себе подумал «пойду убивать не русских» и пошел убивать. Как-то же он к этому пришел. Кто-то же его до этого довел, подсказал, внушил?

Дмитрий молча кивнул головой.

– Оттуда?

Он кивнул еще раз.

– Это секта. И как любая секта, основана она не без интереса вышестоящих лиц.

– То есть вот так вот просто, да? Пропадают люди, их ищут родные, пишут заявления в милицию, а милиция прикрывает их лавочку?

– Во-первых не милиция, а полиция. Милиции давно уже нет. А во-вторых, да. А теперь я хочу понять, что ты такого особенного знаешь, что тебя убивать надо? – спросил он.

– Все то же, что и ты. На моих глазах едва не сожгли человека. Я видела там своего отца. Потом меня похитили. Удерживали в странном доме с заколоченными окнами, в которые едва попадал свет. В этом доме меня изнасиловали один раз, после чего ко мне вообще никто не приходил. Потом в меня кололи неизвестные вещества. Даже боюсь предположить что это было, скорее всего снотворное, потому что я постоянно спала. Поначалу, когда я еще была способна думать, то думала, что меня реально похитили, но уже сейчас,

когда я могу владеть абсолютно любой информацией благодаря своему дару, я вижу что мое похищение это дело рук отца, – невозмутимо говорила она. – Я смогла все забыть, зачем-то всех простить и начать жить новой жизнью. Возможно он меня пытался спрятать таким образом. Хер знает. А сейчас ко мне заявляется непонятный мужик и пудрит мозги. Спасать меня приехал? – отвернув от него свое красивое опечаленное лицо, говорила она.

– Надо что-то предпринять, – обезоруженный речью девушки, сказал он. – Впрочем, у нас на твоего отца столько всего есть, его в любой момент закрыть можно.

На улице стемнело и в кухне погас ранее включенный свет. Кристина отлучилась, чтобы запустить генератор.

– Не надо ничего предпринимать. Спасти я могу себя сама. Если потребуется – сотру ему память, и он вообще забудет, что искал меня, – говорила она.

Дмитрий порядком напрягся от ее слов.

– Все обсудили? Мне надо отдыхать. Завтра люди придут на лечение. Вы вообще надолго сюда?

– Отпуск две недели. Сегодня пятый день.

– Ясно.

– А скажи, если бы не твои вот эти принципы, у меня был бы шанс? – спросил он.

Слабенький огонек надежды зажегся в ее душе. Как молодой привлекательной девушке ей было не безразлично внимание мужчины, но как человеку, взвалившему на себя обя-

занности за свой дар она гасила в себе этот слабый, не успевший даже разгореться намек на огонек.

– На чистоту? Я каждую минуту испытываю сомнения в нужности своего существования. Зачем я есть? Дар, призвание, целительство... звучит громко. А кто приходит-то ко мне? Люди, которым жить скучно. Люди, которые сами создают себе проблемы, а потом ищут кто бы им проблемы эти за них решил. Люди, которые готовы отдать мне все свои деньги, лишь бы я сказала им, что в будущем их ждет счастье, – ударив себя кулаком в грудь говорила Кристина. – Так смотришь, многие ведь даже способностей особых не имея, зарабатывают на таких вот людях. Обвешаются побрякушками, амулетами бесполезными и стригут бабки... Многие попадают в зависимость от таких лекарей, ясновидящих, ничего без их ведома не могут начать делать. Они наобещают им с три короба, а счастья все нет... А счастье им вынь да положь. Сейчас, сию же секунду. Ты же колдунья, наколдуй. И бегают потом эти несчастные от гадалки к гадалке ища нужных предсказаний и сиюминутных результатов. Ты им говоришь: «Работайте над собой, меняйте свое поведение и все получится», но нет же, надо чтобы кто-нибудь за них это сделал. Редко, очень редко но бывают люди, которые действительно пострадали и им нужна моя помощь. Вот такие как твоя Настенька. И то это дети в основном, пострадавшие от рук неумных и неумных взрослых. Тяжело, тяжело смотреть на это и понимать, что мир устроен именно так, и ничего ты

с этим, маленькая девочка, поделаться, блять, не сможешь... Это было, это есть и это будет так. Люди настолько глупые и ленивые существа, что у меня даже слов нет... И мне не было бы до них никакого дела, но я должна их любить и помогать им, пусть даже от тупости некоторых из них меня воротит... Знаешь, а ведь наверно не найти такого ребенка, который не мечтал бы стать волшебником... Я выросла и стала. И ничего в этом крутого нет, как может показаться. Чудес не бывает! – разведя руки в стороны, сказала она. – Это обычная психология. Человек, вообще любой человек нуждается в поддержке и теплом слове. И эти самые экстрасенсы-мошенники, святые целители знают об этом моменте и нагло пользуются им, внушая человеку все что захотят. Люди готовы верить в какую-то силу какой-то бабки, которая чего-то там лечила сто лет назад и готовы безропотно поверить в ее наследницу, и в могучую силу этой наследницы, которая спустя столько времени приехала на их землю. Но не готовы поверить в себя. Ко мне приезжают бизнесмены, и просят посмотреть стоит ли им начинать то или иное дело. То есть ты понимаешь? Они еще не попробовали, но уже сомневаются в себе. Подумать только! Но единственный плюс все же есть, я могу в любое время общаться со своей мамой, прямо как сейчас с тобой... А по поводу шанса... скорее да чем нет. Мне Настя много хорошего о вас рассказывала...

Отгостив положенные две недели отпуска, не теряя надежды встретиться с Кристиной еще, Дмитрий вернулся в

Москву. Уезжать ему не хотелось. Он звал Кристину с собой, обещая дать ей защиту, предлагая работу в пробном недавно созданном специальном отделе, занимающимся поимкой преступников с помощью экстрасенсов и профайлеров, но она его предложение всерьез даже не воспринимала.

Все цвело и пахло. На улицах распускались первые цветы, деревья, зеленела трава. Солнце заботливо обогревало все живое. Кристина до обеда принимала людей, нескончаемым потоком идущих к ней со своими проблемами и вопросами, после обеда преподавала музыку, а вечером выкуривала сигарету за сигаретой, стараясь стереть из памяти прошедший день.

Они с Назирой выбрали свободный день, чтобы навести порядок в клумбе. Назира просила для пересадки в свою клумбу в дом Нормамата ака белую розу, потому как еще саженцем Фархад привез ее с Ташкента для матери.

– Ты ждешь кого-то, жоним?

– Я? – разогнувшись и сняв грязные рабочие перчатки, сказала Кристина. – Пойду гляну.

Кристина поставила лестницу к перилам, чтобы выбраться из глубокой клумбы. В тени у ворот виднелась фигура женщины.

– Проходите сюда! – крикнула ей Кристина, перелезая через перила.

Из темной части двора на свет показалась женщина.

– Ассалому алейкум, по какому вопросу? – спросила Кри-

стина.

Из клумбы было видно только голову Назиры.

– Мунира? Ассалому алейкум. Это мама Асанали. Вы еще не познакомились? – говорила Назира выглядывая через балясины.

Женщина выглядела потерянной. Чувство вины, которое она пронесла через всю свою жизнь сторбило ее спину. Она говорила на русском с сильным узбекским акцентом.

– Что же он вас прятал от меня? – сказала Кристина, обрадовавшись новой возможной родственнице.

– Сын не виноват. Мне стыдно, – кое-как выговорив на русском эти слова, сказала Мунира.

Кристина усадила трясущуюся женщину на топчан. Назира звала девушку помочь ей подняться наверх.

– Сын и внуки с добром говорят о вас, Кристина, – пряча взгляд говорила Мунира.

Кристина села рядом с ней и взяла ее за руку.

– Вы знаете что мой младший внук Акрам уехал от нас учиться в Москву?

– Да, я знаю. Асанали хвастал, что за год заработал сыну на учебу, – улыбнувшись и повернувшись к Назире, сказала Кристина.

– Сын мой не знает, что Акрам наш работает и деньги нам посылает. Сын запретил ему это делать.

– Что ж в работе плохого? Молодец, я считаю, подрабатывает, семье помогает. Мужчина.

Мунира заплакала.

– Кристина, доча, он два месяца как пропал. Не звонит мне, и даже денег не высылает, – поправляя платок на голове, говорила Мунира. – Сыну сказать боюсь, а невестке тем более.

– Надо Асанали рассказать, – говорила Назира.

– То есть сам Асанали с сыном не общается? Я правильно поняла? – спросила Кристина.

– Он в разъездах все время. Я вру, говорю что Акрамчик вчера звонил, Акрамчик сегодня звонил, – вытирая слезы говорила Мунира.

Кристина, успокаивая Муниру, косилась на Назиру. Первое о чем она подумала, так это про отца, и эта мысль нарастала в ее голове с каждой секундой все больше.

– Где он учится? Название учебного заведения знаете? Адрес где живет или где работает? Номер телефона?

– Не знаю; Акрамчик когда звонит, про семью спрашивает: получили мы деньги или не получили. А про себя он не рассказывает.

– Зашибись! – возмутилась Кристина.

– Простите меня. Назира, это Шербек ака, ваш отец заставил меня письмо написать Алишеру ака.

– Какое еще письмо?

– Он заставил меня написать письмо Алишеру ака, чтобы он вернулся домой. Если я не написала бы, тогда нашу семью ждал бы позор и бабушку Галию ждал позор. Я испугалась

и заставила сына написать, сама писать я не умела. Алишер ака не приехал. А нам пришло письмо, что у Алишера ака ребенок на свет появился. Бахтиёр, супруг мой покойный, ничего о брате знать не хотел. Простите нас доча, простите Назира, – заливаясь слезами, сморкаясь и всхлипывая говорила Мунира.

Кристина наморщила лоб.

– Надо не просто все рассказать Асанали, а узнать где его сын учится.

– Плохое предчувствие у меня, – хватаясь за сердце твердила Мунира.

Назира принесла для нее стакан с водой.

– Кристина, доча, вы наша родня, Акрам ваша родня, помогите нам, – выпив воды и продолжая держаться за сердце просила Мунира.

Кристина пристально смотрела на Назиру, Назира смотрела пристально в ответ. Кристина закрыла глаза, погрузившись в себя. Она пыталась сосредоточиться на Акраме, посмотреть жив он или нет, но мысли об отце перекрывали всё. Назира всё это время смотрела на нее, пока Кристина не открыла глаза и с досадой не покачала головой.

– Предлагаю обо всем этом рассказать Асанали.

– Нет, нет, нельзя, – засуетилась Мунира.

– А как вы хотите чтобы я вам помогла? – сочувственно спросила Кристина.

Мунира, успокоившись, посмотрела на девушку.

– Доча, вы можете найти нашего Акрамчика?

– Все снова да ладом! – не выдержала она. – Как я его найду, если вы даже не знаете где он учится?! Так, спокойно. Давайте знаете что, принесите-ка мне фото вашего внука.

– Ой, а это не опасно? Что вы, доча, будете делать с фотографией?

Назира также вопросительно посмотрела на девушку.

– Да вы че, успокойтесь. Позвоню сейчас Дмитрию в Москву, пусть в розыск его объявит...

Но Дмитрий не брал трубку. Только Кристина начинала думать об Акраме, как образ отца сразу же всплывал в ее голове и это сильно тревожило ее. Она словно отключилась от своего внутреннего голоса, интуиции, воображение рисовало страшные картины. И не смотря на неубедительность таких мыслей, на душе у нее было смутно и беспокойно. Проснувшись рано утром, она еще раз набрала Дмитрия, но он по прежнему не отвечал. Не позавтракав, не взяв с собой никаких вещей, а только лишь паспорт и деньги, никого не предупредив она завела машину и поехала в Ташкент. Уже на подъезде к городу она встретила по дороге Асанали, везущего пассажира в Самарканд, который увидев машину Кристины, подмигнул ей фарами. Он удивился что она не заметила его, сбросил скорость и, напылив, съехал на обочину. Он спешно вылез из машины посмотреть ей вслед, но ее машина уже скрылась из виду. Бросив машину на парковке ташкентского аэропорта в ряду с дружно стоявшими серыми

нексиями она побежала в авиакаассу.

– Сколько? – спросила громко она, услышав цену на билет до Москвы.

– А что вы хотели девушка? В день вылета такая цена, – гнусаво, через губу сказала русская пожилая женщина в кассе.

– Жди, – сказала Кристина и побежала обратно к машине. Вернувшись к кассе с сумкой, она осчитала миллион узбекских сум и купила билет до Москвы в один конец.

– Вылет через два часа, – крикнула кассирша, когда Кристина уже отошла от кассы.

Купив в обменнике рубли, заполнив таможенную декларацию и пройдя паспортный контроль, Кристина ждала посадки.

– Девушка, кажется у вас телефон звенит, девушка, – проведя перед лицом Кристины рукой сказал сидевший рядом с ней мужчина.

– Что? – переспросила она.

– Телефон у вас звенит.

Кристина похлопав себя по карманам куртки и не найдя мобильного полезла в сумку. Пропущенный от Назиры. Не успела она нажать на кнопку вызова, раздался входящий звонок.

– Жоним, ты где? Асанали перепугал нас, говорит ты на большой скорости летела по дороге в Ташкент. Что случилось? – напугано говорила Назира.

– Я в аэропорту, лечу домой.

– Жоним, куда ты летишь? Здесь твой дом!

– Да, знаю, – не желая ничего никому объяснять, говорила

Кристина, трогая себя за волосы. – Я по делу.

– Эээй, по какому еще делу?

– Буду искать Акрама.

– Ты сказала Асанали?

– Нет... У меня есть предположение.... А точнее я знаю где он. Я не могу вам рассказать всего что знаю, простите мамочка Назира, но так надо, – сказала Кристина и положила трубку. Только она положила трубку, на зеленом экране старого мобильного высветился московский номер. Кристина несмело приняла вызов.

– Алло, – спросила она.

– Здравствуй милая, прости, был вчера весь день в главке, там связь глушат, только включил телефон. Соскучилась? – ласково говорил Дмитрий.

– И тебе привет. Я в Москву вылетаю, у меня там родственник потерялся. Везу его фото, хотела и хочу обратиться к тебе за помощью.

– С дуба рухнула? Какой родственник, у тебя же нет никого. Не вздумай приезжать. Сиди там, не надо тебе сюда.

– Мой родственник по узбекской линии. Не суть. Ты в курсе дел моего отца? Улавливаешь связь?

– Сиди дома сказал. Продиктуй его данные, я посмотрю по сводкам... Я запрещаю тебе приезжать!

– Ты же всерьез не думаешь, что отец как только меня увидит, тут же убьет?

Женщина с ребенком, сидевшая напротив Кристины, испуганно посмотрела на нее.

– Он одержим и непробиваем. Я боюсь за тебя.

Кристина положила трубку.

Прилетев в Москву, начиная с аэропорта она не узнавала город. Кристина изумленно озиралась на людей в вечной спешке куда-то идущих. Да что там люди, даже воздух был другой! На месте заведений, в которых она бывала, висели другие новые вывески. Она не просто по-новому взглянула на город, она будто посетила его впервые. Взяв первое попавшееся такси, она поехала сразу домой. К отцу.

– Ан нет, узнаю Москву родную, – сказала она услышав цену за проезд. – У меня билет на самолет дешевле вышел. Нимага мунча киммат? Нархнинг ярмини беринг ва кетамиз?⁷² – увидев, что таксист узбек сказала Кристина.

– Ваа, узбек тилини каердан биласиз?⁷³ – обрадовался водитель, услышав родную речь.

– Иккинчи она тилим⁷⁴, – по деловому ответила она.

– Албатта, сестрица, кеттик!⁷⁵ Меня Рахим зовут!

---

⁷² Почему так дорого? Давай половину цены и поедем. (узб.)

⁷³ Вот это да! Откуда вы знаете узбекский? (узб.)

⁷⁴ Второй родной язык. (узб.)

⁷⁵ Конечно, поехали. (узб.)

Очарованный девушкой водитель всю дорогу расспрашивал землячку о доме, где не был уже несколько лет. Кристина с удовольствием рассказывала ему об Узбекистане, делаясь своими впечатлениями. Уже через пару часов она была в своем родном Подмосковном городе «П».

– Рахим, посмотри фото, – подвехав к дому и выйдя из машины сказала она, достав из сумки фото Акрама. – Видел его? Знаешь?

– Нет, сестрица, не знаю.

– Слушай, вы же общаетесь между собой, земляки? Да ведь?

Рахим кивал головой.

– Я оставлю тебе фото, покажи своим. Может кто видел его. И накажи всем, кто увидит его, чтоб он домой чесал! Сделаешь?

– Хоп, сестрица. Удачи вам!

Кристина захлопнула водительскую дверь и помахала ему рукой во след. Поскользнувшись на нерастаявшей еще льдинке, она чуть не упала около ворот дома. Ни в одном из окон дома не горел свет. В соседних домах также не было света. Ворота были закрыты, а на них висел старый, потрепанный желтый баннер с красной надписью: «Продается». Вокруг тишина. Ни души. Она подняла голову и посмотрела на тусклое, беззвездное небо. Сильно хотелось курить. В сумке гулко вибрировал мобильник. Аккумулятор разряжен. Она перекинула сумку через плечо и решительно карабка-

лась на забор перелезая через него во двор. Она спрыгнула на землю, и где-то вдалеке раздался собачий лай. Неубранный от прошлогодних листьев двор выглядел осиротевшим и пугающим, здесь природа еще спала крепким сном. Кристина взяла в руки камень, забралась на высокую черемуху, что росла вровень с домом и ветвями закрывала ее комнату, и сравнялась по уровню со вторым этажом. Камнем выбив стекло она попала во внутрь своей комнаты. Все вещи, весь интерьер ее спальни был сохранен как тогда, когда она в последний раз была здесь. Она вспоминала тот день, когда мужчина в черной маске ворвался к ней в комнату и силой пытался усыпить ее. Мебель в гостиной была накрыта чехлами. Кристина стояла на лестнице и долго смотрела на люстру, напоминающую паникадило. Глядя рукой перила, она медленно спускалась вниз по лестнице в гостиную. Преодолев последнюю ступеньку, она застыла на месте. В гостиной у стены стояло мамино фортепиано – коричневый «розенкранц». Мама с раннего детства прививала дочери любовь к музыке, к прекрасному. Тонкая полоска света падала на инструмент. На инструменте было два встроенных подсвечника, один из которых был зверски вырван с корнем. Она искала глазами на что можно было сесть, но кроме накрытых диванов, люстры и инструмента в комнате ничего больше не было. Сначала она нежно погладила пальцами пыльные клавиши, затем глубоко и печально вздохнув заиграла «Элегию» Рахманинова. Не ровно, с ошибками, как

умела, но тонко и проникновенно, от души. Она удивлялась чистоте звука; столько лет простоял без настройки, а звучит идеально. Увлечшись игрой, она не заметила как к воротам дома подъехала машина, осветив потолок гостиной. В дом ворвались два здоровенных мужика, схватили Кристину, скрутили ей руки и повалили на пол вниз лицом. Все произошло настолько быстро, что девушка не успела ничего понять. В дом вошел третий мужчина по виду руководитель чопа, под охраной которого находился дом и включил свет.

– Вы че себе позволяете? – кричала Кристина лежа на полу.

– Данный объект находится под нашим наблюдением. Нам на пункт поступил сигнал, в доме находится посторонний, – объяснял мужчина с папкой в руках. – Предоставьте ваши документы.

– Какие документы? Это мой дом. Точнее, я здесь живу. Мой отец Марков Олег Валерьевич.

– Нет, хозяин объекта другой человек.

– Кто? – растеряно спросила Кристина.

– Не имею права разглашать. Раз у вас нет документов подтверждающих, что вы хозяин или проживаете на территории объекта, мы вынужденны доставить вас в полицию.

Кристина громко засмеялась.

– Да ладно?

По команде руководителя девушке помогли подняться с пола.

– Видишь это фортепиано? Это инструмент моей матери. А в комнате на втором этаже все мои вещи. Поднимись, посмотри, – возбужденно говорила Кристина.

Но ее не слушали, а под руки вывели из дома и посадили в обклеенный символикой охранныго предприятия рено логан.

– Один звонок могу сделать? – спросила Кристина.

Руководитель чопа кивнул головой в знак согласия. Кристина набирала Дмитрию. Он ответил с первого гудка.

– Дим, алло, слышно? Меня везут в ментовку. Я ничего не поняла.

Трубку выхватил руководитель.

– Везем в отдел на Советской. – сказал он в трубку и сбросил, положив телефон себе в папку.

Кристина до утра просидела в отделе. Дмитрий еще до ее приезда в отдел полиции урегулировал все вопросы, поэтому она просто дожидалась когда он приедет и заберет ее.

– Вот зачем ты приехала? Еще и в логово к зверю прямиком! Жить совсем надоело?! – нервно кричал на нее Дмитрий.

– Кстати, где он? – сядясь в машину, спросила Кристина. – Он что, продал дом?

– Похоже на то, да. Но мне сказали, что дом пустует. Хорошо ты на понятливых ребят нарвалась, списали твою выходку на хулиганство. Ох и проблем у меня из-за тебя теперь...

– Где отец? – настойчиво спрашивала она.

– Да что ж ты к нему так рвешься то?

– Я должна найти пацана. Понимаешь ты меня или нет? – на повышенных тонах говорила она. – Эти люди моя новая семья и я не могу допустить, чтобы ни в чем неповинный мальчишка пострадал от рук безумца.

– А ты хоть имеешь представление о том, сколько уже пострадало людей от него? И пацанов и девчонок. Ты меня убеждала, что отец твой не причем, что он не виноват, что им руководит черная сила. Помнишь?

– Что ты имеешь ввиду?

– Вот видишь, ты же ничего о нем и не знаешь. Хочешь быть следующей?

– Пока у меня нет других предположений. Я просто спрошу у него про Акрама и все. Если он у него – попрошу чтобы отпустил и тут же исчезну.

– Наивная дура! – кричал он. – Он столько лет занимался этой деятельностью, столько монстров взрастил, врятли ли он сейчас в курсе всех дел. Там все давно работает и без него.

– Куда ты меня везешь? – оглядываясь по сторонам спросила Кристина.

– В Москву. Твой отец в СИЗО. Хочешь с ним увидеться – хорошо, но только с моим сопровождением. Прости, но ты не оставила мне выбора. Я засажу его и ты мне в этом поможешь.

– Да ты сумасшедший. Как?

– Дашь показания, что тебя удерживали силой в лесу, но ты чудом спаслась. Есть еще одна пострадавшая, которой удалось бежать. Отец твой маньяк настоящий. Он по приказу того самого сообщества, о котором я не могу тебе рассказать – похищал людей. Да не простых людей. Он похищал и удерживал женщин, детей высокопоставленных лиц, а что с ними там происходило, ты навреное можешь себе представить.

– Это нереально. У тебя не получится. Его же убьют в тюрьме.

– Да, его могут и убить. Если не на зоне, так сообщество перед которым он обязательство не выполнил. Конечно, он их не сдаст, да нам и не надо, мы и так все обо всех знаем. Но прекратить все это мы не сможем.

– Если это ничего не изменит, зачем тогда это все?

– Я тебя спасаю, глупая. А ты за него переживаешь? Ты человек вообще?

Дмитрий бранно и в подробностях рассказывал ей о делах Маркова, убеждая ее в правильности и необходимости своих действий. Она нехотя слушала все, что он ей говорил, с трудом веря в то, что слышит: как он более двадцати лет вел деятельность ряда сект зверски расправляясь с жертвами, маскируясь под славянское язычество и веру; как похищал невинных людей, не возвращая их обратно семьям. Выслушав его, она впала в какое-то призрачное состояние, когда явь наполовину поглощена сном. Мокрыми от слез глазами она смотрела на дорогу, на белую разделительную

полосу, убегающую под колеса авто, теряя свою такую же внутреннюю разделительную полосу, эту сопротивляемость между жизнью прошлой и настоящей и тотчас же слова, события, голоса обрушились на беззащитную девочку. Все ее прошлое, все ее давно забытые переживания неслись на ней с бешеной скоростью.

– Оставь нас, – сказала Кристина Дмитрию, увидев пустые, стеклянные глаза отца, когда дежурный завел его в допросную.

– Еще чего! – возразил Дмитрий.

– Пожалуйста, уйди, – мягко сказала она, блеснув глазами. Дмитрий повиновался. Он вышел сам и вывел за собой дежурного.

– Я буду за дверью. Если что, кричи, – предупредил он.

Судья услышал знакомый голос, медленно, уставши поднял голову и глаза его сверкнули безумной яростью.

– Ты жива! – изумился он, садясь на скамейку стоявшую у стены.

Кристина напуганно дернулась от его резкого движения. Она не могла расслабиться и сосредоточиться в его присутствии, чтобы посмотреть, считать с него информацию про Акрама.

– Жива, – подтвердила она. – Я все знаю про тебя, и не осуждаю. Я долго молилась за тебя, но что-то мне подсказывает, что это было бесполезно.

– Не осуждаешь? За что ты не осуждаешь меня, дочь?

Кристина переборов себя подошла к нему ближе.

– За все что ты сделал.

– Прости меня, дочь. Я берег тебя как мог, – боясь посмотреть на нее, говорил судья. – Зачем ты пришла? Сидела бы дальше где сидела и я бы здесь не оказался, – дрожащим от страха голосом сказал он.

Он понимал, что для него пришел конец. Кристина достала из сумки две фотографии Акрама.

– Посмотри на него. Если знаешь где он, отпусти пожалуйста его и ты меня больше никогда не увидишь.

– Кто это? Почему я должен знать где он?

Сев на край скамейки Кристина громко выдохнула. Она увидела, что отец говорит правду. Он действительно не знал где парень с фотографии. Она сильно чувствовала отца и переняла на себя его состояние, ощущая неприятный нервный озноб во всем теле.

– Что ж, тогда мне пора.

– Стой, – сказал судья встав со скамейки. – Надо думать мы больше не увидимся с тобой.

Когда отец встал и направился к ней, Кристина отшатнулась в испуге, столько дикой злобы и ненависти горело в безумных глазах судьи, и она не просто видела это со стороны, ее поведение становилось таким же. Две мощные энергии схлестнулись друг с другом. Все ее маленькие страхи перед отцом слились в один большой и подлый страх. Его грозный взгляд шел вразрез с его простительной речью. Он будто

намеренно тянул время.

– Вот так просто уйдешь и все? Мы столько не виделись с тобой, – говорил он, приближаясь все ближе к ней.

– Знаешь, людям которые ежедневно встречаются друг с другом и то не всегда есть о чем говорить; людям же не видевшим друг друга годами говорить вовсе не о чем, – чувствуя похолодевшим затылком всю свою незащищенность и прерывисто дыша сказала Кристина, а на ее серой кофточке заметно выступили пятна пота. Казалось, она совсем поняла что он хочет от нее.

– Прости меня, – повторял он, обняв дочь.

– Благодаря тебе я узнала столько всяческой боли, сколько не причинила мне вся моя остальная жизнь, – позволив обнять себя, плача говорила она. – Ты дал мне жизнь, а сейчас собираешься забрать ее? – сказала она, точно читая его мысли.

Судья продолжал обнимать дочь.

– У меня нет другого выхода, – сказал он и медленно поднес свои трясущиеся ладони к ее холодной шее.

– Необходимость делает человека беспощадным. Я все понимаю и все равно люблю тебя, но когда дети предают родителей-это закономерность, рано или поздно, так или иначе... а вот когда отец предает дитя – нет ему прощения, – хладнокровно сказала она, глядя ему прямо в глаза.

Судья обезумел от услышанного, лишив себя возможности защищаться. Кристина не убирая его слабеньких дрожа-

щих рук со своей шеи продолжала настырно смотреть ему в глаза, тихо проговаривая невнятные слова и зрачки ее увеличивались, а цвет глаз менялся. Не переставая шептать она видела, как дыхание отца стало мерным и спокойным, как ослабли мускулы шеи, опустился кадык и все лицо его стало словно сползать; стянулись вниз щеки, верхняя губа накрыла нижнюю, руки тяжело повисли на плечах дочери, а затем упали вниз. С каждым ее словом силы покидали его; некогда сильное, пышущее здоровьем тело становилось изжившимся. Смертная слабость пронзала его. Кристине было мучительно больно видеть и ощущать происходящее и делала она это не бессознательно. Случилось то, что должно было случиться. Это было равно спасению: спасению отца от убийства своего дитя, спасению отца от душегубства других, спасению отца от жестокой и неведомой расправы над ним. Хлопнула входная дверь в допросную и он упал. Она обессиленная упала рядом с ним.

Когда Дмитрий вместе с дежурным вошли в допросную, казалось их ничего не удивило.

– Сердце остановилось, – осмотрев судью, заключил дежурный и молча побежал за помощью.

Дмитрий с каким-то непонятым удовлетворением помогал Кристине встать с пола.

– Что произошло? – спрашивал Дмитрий, но девушка лишь устало отмахнулась.

Он вывел ее из здания на улицу. В ее глазах все вокруг

было черным, лишенным очертаний.

– Все правильно, – говорил он утешая разревевшуюся Кристину. – Неизвестно что бы с ним было дальше.

– Мне нет оправдания, – прерывисто, говорила она, задыхаясь от слез.

– Поедем, я отвезу тебя к себе. Тебе отдохнуть сейчас не помешает, – говорил он.

– Дим. Одна просьба. Найди новых хозяев дома, – сказала Кристина. – Может они согласятся продать мне мамино фортепиано. Я бы его себе забрала, в Акташ.

Дмитрий пытливо смотрел на нее.

– Будь по твоему.

Всю неделю Дмитрий наслаждался совместной жизнью с Кристиной. Кристина, после произошедшего с отцом, наплевав на всевозможные запреты, связанные с ее нелегкой ношей, позволила себе быть обычным человеком, тем самым запретив себе видеть, слышать, чувствовать, как недостойной. Дмитрий в тот же день узнал данные о новых хозяевах дома, но до последнего оттягивал момент, чтобы сообщить об этом любимой. Оказалось, что хозяйка дома Пашковская Анна Леонидовна, проживавшая в городе Калуга скончалась в один день с судьей Марковым. Это любопытное совпадение вывело его на то, что нынешняя владелица дома являлась бабушкой Кристины. Он боялся сообщить ей о смерти бабушки. Поскольку дом пустовал без хозяина, Дмитрий пообещал

Кристине свозить ее на днях за инструментом, соврав ей, что получил разрешение.

Кристина не дождавшись Дмитрия, сорвалась за инструментом сама. Что-то непреодолимо тянуло ее домой. Все ее страхи и переживания медленно отпускали ее, оставаясь далеко позади. Она совсем не задумывалась, как будет выносить двухсоткилограммовый инструмент. С легкой душой она возвращалась туда, где когда-то появилась на свет, но с высшими силами шутки плохи: нельзя просто так взять и отказаться от того, чем тебя наделили. Игнорируя свои мысли, ощущения, не слыша свой внутренний голос ее будто силком тянули в дом. Забравшись во внутрь, она своими глазами, как наяву увидела тот самый день, которого как-будто и не было. На мебели не было чехлов, не было пыли, и кругом царил атмосфера праздника. В доме былолюдно, нарядно, шумно от говора, смеха и фортепианной музыки. За инструментом сидела ее мама, как живая, и бегло играла гаммы. Звуки музыки заполняли собой весь дом и проникали в голову Кристины, умиротворяя и завораживая ее. Она видела отца, таким, каким помнила его, будучи ребенком, и не было больше страха перед ним. Маленького роста при жизни, он словно джин, вдруг вырос под самый потолок, Кристина задрала голову и глаза ее остановились на той самой люстре. Откуда-то доносился сладкий голос, вещающий о любви к ней и тепло, захлестнувшее Кристину, разливалось по ее жилам. Она отчетливо слышала голос, голос, принадлежа-

щий человеку из плоти и крови, который звал ее. Кристина не осознавала, как подступает безумие. Явь неотличимая от грёз смешивалась в голове сводя ее с ума. Она пошла на этот голос...

Была поздняя ночь, когда сотрудники ЧОП-а, обнаружили бездыханное тело девушки, приехав на вызов в тот самый дом. Через полчаса приехала бригада скорой и полиция. Еще через час в дом приехал Дмитрий.

Кончилось все то, что началось той поздней ночью, в далеком тысяча девятьсот шестьдесят шестом году...